

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМЕНИ С.И. ВАВИЛОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕСТОР-ИСТОРИЯ»

ИСТОРИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2014

Том 6

№ 3

Санкт-Петербург

Главный редактор: Э.И. Колчинский

Редакционная коллегия:

Л. Акерт (*Филадельфия, США*), О.П. Белозеров (*Москва*), Л.Я. Боркин (*Санкт-Петербург, зам. главного редактора*), А.И. Ермолаев (*Санкт-Петербург*), М.Б. Конашев (*Санкт-Петербург*), С.В. Ретунская (*Санкт-Петербург, отв. секретарь*), А.В. Самокиш (*Санкт-Петербург*), А.К. Сытин (*Санкт-Петербург*), А.А. Федотова (*Санкт-Петербург, зам. главного редактора*), С.И. Фокин (*Пиза, Италия*)

Международный редакционный совет:

Я.М. Галл (*Санкт-Петербург, Россия*), Д.В. Гельтман (*Санкт-Петербург, Россия*), Н.П. Гончаров (*Новосибирск, Россия*), Ж.-К. Дюпон (*Амьен, Франция*), О.Ю. Елина (*Москва, Россия*), С.Г. Инге-Вечтомов (*Санкт-Петербург, Россия*), Д. Кейн (*Лондон, Великобритания*), Ю.А. Лайус (*Санкт-Петербург, Россия*), Г.С. Левит (*Галифакс, Канада*), К.Г. Михайлов (*Москва, Россия*), Е.Б. Музрукова (*Москва, Россия*), Ю.В. Наточин (*Санкт-Петербург, Россия*), В.И. Оноприенко (*Киев, Украина*), О. Риха (*Лейпциг, Германия*), С.В. Рожнов (*Москва, Россия*), А.Ю. Розанов (*Москва, Россия*), В.О. Самойлов (*Санкт-Петербург, Россия*), Э. Таммиксаар (*Тарту, Эстония*), И. Стамхуис (*Амстердам, Нидерланды*), Р.А. Фандо (*Москва, Россия*), У. Хоссфельд (*Йена, Германия*)

Выпускающие редакторы номера: Д.В. Гельтман, А.К. Сытин

Редактор-переводчик: Н.Е. Берегой

Адрес редакции: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5

Телефон редакции: (812) 328-47-12. Факс: (812) 328-46-67

E-mail редакции: histbiol@mail.ru Сайт журнала: <http://www.ihst.nw.ru>

Журнал издается под научным руководством Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук
Учредители: Санкт-Петербургский союз ученых и издательство «Нестор-История»
Издатель: «Нестор-История»

Журнал основан в 2009 г. Выходит четыре раза в год. Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-36185 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 7 мая 2009 г.

ISSN 2076-8176

Корректор: Н.В. Стрельникова

Оригинал-макет: С.В. Кассина

Подписано в печать 10.09.2014

Формат: 70 x 100 1/16

Усл.-печ. листов: 10,25

Тираж: 300 экз.

Заказ № 4051

Отпечатано в типографии «Нестор-история», СПб., ул. Розенштейна, д. 21

Тел. (812)622-01-23

© Редколлегия журнала «Историко-биологические исследования», 2014

© ОО «Санкт-Петербургский союз ученых», 2014

© ООО «Издательство „Нестор-История“», 2014

The Russian Academy of Sciences
Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, St. Petersburg Branch
St. Petersburg Association of Scientists and Scholars
The Publishing House “Nestor-Historia”

STUDIES IN THE HISTORY OF BIOLOGY

2014

Volume 6

No. 3

St. Petersburg

Editor-in-Chief: Eduard I. Kolchinsky (*St. Petersburg, Russia*)

Associate Editors:

Lev J. Borkin (*St. Petersburg, Russia*), Anastasia A. Fedotova (*St. Petersburg, Russia*)

Publishing Secretary:

Svetlana W. Retunskaya (*St. Petersburg, Russia*)

Editorial Office:

Lloyd Ackert (*Philadelphia, Pennsylvania, USA*), Oleg P. Belozеров (*Moscow, Russia*),
Andrej I. Ermolajev (*St. Petersburg, Russia*), Sergei I. Fokin (*Pisa, Italia*),
Mikhail B. Konashev (*St. Petersburg, Russia*), Anna V. Samokish (*St. Petersburg, Russia*),
Andrey K. Sytin (*St. Petersburg, Russia*)

Editorial Board:

Joe Cain (*London, UK*), Olga Yu. Elina (*Moscow, Russia*), Roman A. Fando (*Moscow, Russia*),
Yakov M. Gall (*St. Petersburg, Russia*), Dmitry V. Geltman (*St. Petersburg, Russia*),
Nikolay P. Goncharov (*Novosibirsk, Russia*), Jean-Claude Dupont (*Amien, France*),
Uwe Hoßfeld (*Jena, Germany*), Sergei G. Inge-Vechtomov (*St. Petersburg, Russia*),
Julia A. Lajus (*St. Petersburg, Russia*), Georgy S. Levit (*Halifax, Canada*),
Kirill G. Mikhailov (*Moscow, Russia*), Elena B. Muzrukova (*Moscow, Russia*),
Yuri V. Natochin (*St. Petersburg, Russia*), Valentin I. Onoprienko (*Kiev, Ukraine*),
Alexey Yu. Rozanov (*Moscow, Russia*), Sergey V. Rozhnov (*Moscow, Russia*),
Vladimir O. Samoilo (*St. Petersburg, Russia*), Ida H. Stamhuis (*Amsterdam, Netherlands*),
Erki Tammiksaar (*Tartu, Estonia*)

Staff Editors: Dmitry V. Geltman, Andrej K. Sytin

Translator-editor: Natalia E. Beregoi

Address of the Editorial Office: Universitetskaya naberezhnaya 5, St. Petersburg, 199034 Russia

Phone: (+7-812) 328-47-12; Fax: (+7-812) 328-46-67

E-mail: histbiol@mail.ru

Website: <http://www.ihst.nw.ru>

The Journal was founded in 2009. Four issues per year are published.

Advisory Institution: St. Petersburg Branch, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences

Founders: St. Petersburg Association of Scientists and Scholars, & The Publishing House “Nestor-Historia”

Publisher: The Publishing House “Nestor-Historia”

ISSN 2076-8176

СОДЕРЖАНИЕ

Contents

От редакции	7
Editor's Foreword	

Исследования / Research

<i>Андрей К. Сытин.</i> Дмитрий Иванович Литвинов: материалы к биографии	11
<i>Andrej K. Sytin.</i> Dimitri Ivanovich Litvinov: Materials for a Biography	
<i>Дмитрий В. Гельтман.</i> Непростое объединение Ботанического сада и Ботанического музея в Ботанический институт	35
<i>Dmitry V. Geltman.</i> The Uneasy Merging of the Botanical Garden and Botanical Museum into the Botanical Institute	
<i>Татьяна В. Костина.</i> О документальном наследии Е.Г. Боброва в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (к 50-летию завершения «Флоры СССР»)	61
<i>Tatiana V. Kostina.</i> About Bobrov's Documentary Heritage in the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (to the 50th Anniversary of the "Flora of the USSR")	

Документы и публикации / Documents and Publications

Воспоминания по революционной истории БИНа Н.В. Шипчинского. Подготовка к печати, вступительная статья и комментарии	74
<i>Дмитрия В. Гельтмана, Михаила П. Андреева</i> Memories of the Revolutionary History of the Komarov Botanical Institute by <i>Nikolay V. Schipczinsky.</i> The preparations for printing, and introductory essay by <i>Dmitry V. Geltman, Mikhail P. Andreev</i>	
О приобретении гербария Р.Э. Траутфеттера Императорским Санкт-Петербургским ботаническим садом. Подготовка к печати и вступительная статья <i>Андрея К. Сытина</i>	90
On the Obtainment of Ernst Rudolf von Trautvetter's Private Herbarium by the St. Petersburg Imperial Botanical Garden. The preparations for printing and introductory comments by <i>Andrej K. Sytin</i>	

Воспоминания и интервью / Memoirs and Interviews

<i>Эдуард И. Колчинский.</i> Реорганизационные пертурбации: историки биологии в БИНе в 1970-х гг.	95
<i>Eduard I. Kolchinsky.</i> Challenges of Restructuring: Historians of Biology in the Komarov Botanical Institute in the 1970s	

Библиографии и справочные материалы / Bibliography and Reference Sources

- Периодические и продолжающиеся издания Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН и предшествовавших ему учреждений.
Составитель *Марина Г. Батурина* 108
Periodicals and publishing series of the Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences and Predecessor Institutions. Drawing up by *Marina G. Baturina*

Рецензии и аннотации / Book Reviews

- Надежда В. Слепкова*. История истории: Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ отпраздновал 60-летие. Рец. на кн: Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде—Санкт-Петербурге в 1950—2010 годы: люди, традиции, свершения (2013) 128
Nadezhda V. Slepikova. The History of History: St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology Celebrated its 60 Years. Review of Eduard Kolchinsky's Book "The Community of Historians of Science in Leningrad and St. Petersburg in 1950—2010: Persons, Traditions and Achievements" (St. Petersburg)
- Максим В. Винарский*. О Палласе, ботанике и не только. Рец. на кн. А.К. Сытина «Ботаник Петр Симон Паллас» (2014) 132
Maxim V. Vinarsky. About Pallas, Botany and Much More. Review of Andrej Sytin's Book "Peter Simon Pallas as a Botanist" (Moscow, 2014)

Хроника научной жизни / Chronicle of Academic Events

- Julia Herzberg*. Managing Land, Soil and People: Environmental Knowledge and Expertise in Tsarist and Soviet Russia (German Historical Institute in Moscow, 14—15 March, 2014) 134
Юлия Херцберг. Управляя землей, почвой и людьми: экологическое знание и экспертиза в царской и советской России (Германский исторический институт в Москве, 14—15 марта, 2014)
- Роман А. Фандо*. Секция «История социокультурных проблем науки и техники» XX Годи́чной конференции ИИЕТ РАН (Москва) 139
Roman A. Fando. Section "History of Social and Cultural Problems of Science and Technology" at the XX Annual Conference of the Institute for the History of Science and Technology (Moscow)

К юбилею главного редактора / Celebrating the Birthday of our Editor-in-Chief

- Письма и поздравления 143
Letters and Congratulations
- Елена Б. Музрукова, Роман А. Фандо*. Разнообразие интеллектуального пространства (к юбилею Э.И. Колчинского) 157
Elena B. Muzrukova, Roman A. Fando. A Variety of Intellectual Space (for Eduard Kolchinsky's Anniversary)

- Читайте в ближайших номерах журнала / Announcements 164

Уважаемые читатели!

Этот номер «Историко-биологических исследований» посвящён 300-летию Ботанического института им. В.Л. Комарова Российской академии наук (БИН) — одного из старейших научных учреждений России с непрерывной документированной историей. Этот юбилей включен в календарь Организации объединенных наций по вопросам образования науки и культуры (ЮНЕСКО) на 2014 г. БИН имеет двух предшественников — Ботанический сад и Ботанический музей, в результате объединения которых он был образован в 1931 г. У каждого из этих учреждений своя долгая и славная история.

Точкой отсчёта создания БИНа считается основание Аптекарского огорода 11 февраля 1714 г. согласно указу Петра I¹. Высказывались предположения, что Аптекарский огород существовал уже несколько ранее и косвенные упоминания о нём относятся к декабрю 1713 г.² Однако эти сведения пока не получили надёжного документального подтверждения.

Основным назначением Аптекарского огорода было разведение лекарственных растений, в первую очередь для нужд армии и флота, однако есть основания считать, что с первых лет существования в нём велась и научная работа. Уже в 1736 г. был опубликован его первый каталог³, насчитывавший 1275 видов — явно больше, чем было необходимо для чисто прикладных целей. В XVIII в. Аптекарский огород также именовался Аптекарским садом, Медицинским садом, а к концу столетия стал Ботаническим садом Медико-хирургической академии (ныне — Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова).

В 1823 г. по инициативе выдающегося государственного деятеля России того времени князя В.П. Кочубея на базе Ботанического сада Медико-хирургической академии был создан Императорский ботанический сад, который сначала подчинялся Министерству внутренних дел, с 1830 г. — Министерству императорского двора, с 1863 г. — Министерству государственных имуществ⁴. В 1913 г. в ознаменование двухсотлетия сад получил имя своего основателя и стал именоваться Императорским ботаническим садом Петра Великого. После Февральской революции из названия сада

¹ Таким образом, уникальность БИНа состоит и в том, что он является единственным научным учреждением Санкт-Петербурга, которое все 300 лет располагалось на одной и той же территории — Аптекарском острове.

² *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703—1782. СПб.: Глазунов, 1884. XXIV + 848 с.

³ *Siegesbeck J.G.G.* Primitae floriae Petropolitanae sive catalogus plantarum tam indigenarum quam exoticarum, quibus instructus fuit Hortus Medicus Petriburgensis per annum MDCCXXXVI. Riga: Samuel. Laur. Frölich, 1736. 8+111 p.

⁴ Министерство государственных имуществ отвечало в числе прочего за вопросы сельского хозяйства. В 1895 г. оно было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ, в 1906 г. — в Главное управление землеустройства и земледелия, в 1915 г. — в Министерство земледелия.

исчезло слово «императорский», со второй половины 1918 г. он стал именоваться Главным ботаническим садом РСФСР, а с 1927 г. — Главным ботаническим садом СССР. До 1930 г. он по-прежнему входил в систему земледельческого ведомства — Народного комиссариата земледелия РСФСР, а в мае 1930 г. был передан в подчинение Академии наук СССР.

Ботанический музей ведет свою историю от ботанических коллекций Кунсткамеры и Академии наук, которые были выделены в отдельное хранение в 1824 г. (возможно, в 1823 г.). Это выделение и принимается за точку отсчёта истории Ботанического музея, хотя формальный документ о его основании неизвестен. С 1836 г. музей располагался на Васильевском острове в «музейном флигеле»⁵.

В 1931 г. Ботанический сад и Ботанический музей были объединены в Ботанический институт АН СССР (перипетиям этого объединения посвящена одна из статей этого номера), и с тех пор статус учреждения принципиально не менялся. В 1940 г. институту было присвоено имя тогдашнего президента АН СССР В.Л. Комарова. В 1965 г. институт был удостоен ордена Трудового Красного Знамени, и этот факт нашел отражение в его официальном наименовании (до 1991 г.). Дальнейшие изменения названия были связаны с восстановлением Российской академии наук в 1991 г. и изменениями организационно-правовых форм учреждения. Сегодняшнее официальное название — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Ботанический институт им. В.Л. Комарова Российской академии наук».

Учреждение с трёхсотлетней историей — благодарный объект для историков науки, однако БИНу они уделили не так уж и много внимания. Надо отметить, что важнейшие работы по истории института подготовлены в основном ботаниками, проявившими интерес к истории науки, а не профессионалами в этой области.

Первый очерк истории Императорского ботанического сада был подготовлен Р.Э. Траутфеттером — директором сада в 1866–1875 гг.⁶ К 200-летию юбилею сада было подготовлено обстоятельное трёхтомное издание по его истории⁷, которое до сих пор может служить образцом детального исторического исследования, посвящённого отдельному учреждению. В нём можно найти почти всё — исторический очерк сада в целом и его отдельных подразделений, подробные данные обо всех изменениях штата, сведения о роли сада в исследовании флоры России и сопредельных стран, очень хорошие биографические очерки, детальные сведения о строениях на территории сада и многое другое. Хотя трёхтомник вышел под официальной редакцией тогдашнего директора сада А.А. Фишера фон Вальдгейма, основная заслуга в создании этого капитального труда принадлежала В.И. Липскому — главному ботанику сада, возглавлявшему отдел живых растений. Липский подготовил исторический очерк⁸ на основе большого числа архивных материалов и многие другие разделы книги.

⁵ Ныне — Университетская набережная, д. 5/2.

⁶ *Траутфеттер Р.Э.* Краткий очерк истории Императорского С.-Петербургского ботанического сада // Труды Имп. Санкт-Петербургского Ботанического сада. 1873. Т. 2. С. 145–304.

⁷ Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет своего существования: в 3 т. / Под ред. А.А. Фишера фон Вальдгейма. СПб., 1913–1915.

⁸ *Липский В.И.* Исторический очерк Императорского С.-Петербургского ботанического сада (1713–1913) // Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). СПб., 1913. Ч. 1. С. 1–378.

История Ботанического музея в первой половине XIX в. описана его директором в 1850–1870 гг. Ф.И. Рупрехтом⁹, а в конце XIX — начале XX в. — И.П. Бородиным¹⁰, возглавлявшим сад в 1902–1930 гг.

В советское время вышла только одна книга, специально посвящённая истории БИНа¹¹. В этой работе дан краткий очерк истории предшественников БИНа (Ботанического сада и Ботанического музея) в основном по уже опубликованным источникам, а также отдельных его подразделений и развития научных дисциплин. На сегодняшний день эта работа остается единственной публикацией, где деятельность БИНа охарактеризована более или менее комплексно.

К 250-летию института, которое отмечалось в 1965 г., была сделана попытка подготовить ряд работ, посвящённых истории его подразделений, однако в результате было опубликовано лишь несколько статей, посвящённых подразделениям, имеющим крупные коллекции¹². Как ни удивительно, но к этому юбилею вышла книга на английском языке¹³, подготовленная не только по имеющимся опубликованным источникам, но и личным впечатлениям её автора, специально приехавшего в Ленинград. Довольно много исторических сведений содержится в книге, посвящённой Гербарию БИНа¹⁴. Был также опубликован обстоятельный очерк развития геоботаники в БИНе¹⁵.

Исторические сведения об институте можно найти в многочисленных публикациях, посвящённых деятельности отдельных учёных (юбилейные статьи, некрологи) или юбилеям отдельных подразделений. Однако следует отметить, что по понятным причинам (как идеологического характера, так и проистекающим из самого жанра таких публикаций) в них обычно не затрагивались «непростые» вопросы истории института и деятельности тех или иных лиц.

Необходимо кратко остановиться и на имеющихся источниках по истории института. Важнейшим являются фонды Ботанического сада (ф. 151), Ботанического музея (ф. 72) и Ботанического института (ф. 273) Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Фонд сада весьма обширен, чего нельзя сказать о фонде музея, хотя материалы

⁹ Рупрехт Ф.И. Очерк истории Ботанического музея // Записки Императорской Академии наук. 1864. Т. 5. Вып. 2. С. 139–162.

¹⁰ [Бородин И.П.] Ботанический музей // Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч. 1. С. 133–160.

¹¹ От Аптекарского огорода до Ботанического института: Очерки по истории Ботанического института Академии наук СССР / Отв. ред. П.А. Баранов, Е.Г. Бобров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 308 с.

¹² Васильченко И.Т. Гербарий Ботанического института им. В.Л. Комарова Академии наук СССР (к 250-летию Ботанического института) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 10. С. 1481–1485; Бахтеев Ф.Х., Чавчавадзе Е.С. Музей Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР (к 250-летию Ботанического института) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 10. С. 1486–1490; Ильинская И.А., Дорофеев П.И., Самылина В.А., Слизиревская Н.С., Шилкина И.А. Палеоботаническая коллекция Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР (к 250-летию Ботанического института) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 10. С. 1490–1497; Аврорин Н.А. Ботанический сад Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР (к 250-летию Ботанического института) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 10. С. 1497–1502.

¹³ Shetler S.G. The Komarov Botanical Institute: 250 years of Russian research. Washington, 1967. XIV + 240 p.

¹⁴ Липшиц С.Ю., Васильченко И.Т. Центральный гербарий СССР. Л.: Наука, 1968. 142 с.

¹⁵ Левина Ф.Я. Геоботаника в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР. 1922–1964. Л.: Наука, 1971. 319 с.

по его истории можно найти в общих фондах академии и отдельных учёных. Фонд Ботанического института содержит материалы с 1931 по 1953 г. включительно.

Материалы по ранней истории Ботанического сада имеются в Российском государственном историческом архиве, где рассеяны по ряду фондов. К сожалению, после В.И. Липского практически никто не работал с документами, касающимися истории Аптекарского огорода (Медицинского сада), которые сейчас хранятся в Государственном архиве древних актов в Москве.

Большой интерес представляет практически неосвоенный историками фонд партийной организации Главного ботанического сада / Ботанического института (ф. 393), хранящийся в Центральном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга.

Собственный архив БИНа также обладает большим объёмом документов. Здесь содержатся делопроизводственные материалы с 1954 г., фонды подразделений института и отдельных учёных, где имеются и более ранние документы. Следует отметить, что ряд ценных документов (в том числе неопубликованные воспоминания отдельных сотрудников), которые, безусловно, должны храниться в государственных архивах, до сих пор находятся в подразделениях института.

Приближение 300-летия института заставило его руководство рассмотреть вопрос о подготовке новой публикации по истории БИНа. Был составлен план издания, сформирован авторский коллектив, руководство которым было поручено автору этих строк. Было решено подготовить как «административно-исторические» очерки истории института и его предшественников, так и главы, характеризующие развитие тех или иных научных направлений. Сделана также попытка дать представление и о повседневной жизни работников института в отдельные периоды. В настоящее время большая часть рукописей подготовлена и ведётся их редактирование. Можно ожидать, что в следующем году большая книга об истории БИНа выйдет в свет.

В этом номере «Историко-биологических исследований» затронуты лишь некоторые вопросы истории БИНа. Хотелось бы верить, что это только начало. История Ботанического института им. В.Л. Комарова ещё ждёт своих исследователей, а их на этом поприще, безусловно, ожидают интереснейшие находки.

Д.В. Гельтман

ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрий Иванович Литвинов: материалы к биографии

А.К. СЫТИН

Ботанический институт им. В.И. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
astragalus@mail.ru

Дмитрий Иванович Литвинов (1854–1929), систематик, ботанико-географ и библиограф, учёный хранитель Ботанического музея АН. Разработанный им исторический метод ботанической географии («теория реликтов») оказал значительное влияние на изучение истории растительного покрова Восточной Европы. На основе трудов самого Литвинова, а также современной ему периодики освещена дискуссия с В.И. Талиевым, противопоставившим «теории реликтов» концепцию антропогенного фактора в изменении флоры. В качестве приложения публикуются материалы из фонда Литвинова (СПб филиал Архива РАН), отражающие существенные факты его биографии.

Ключевые слова: Д.И. Литвинов, биография, история флоры, гипотеза «горных боров», реликты, В.И. Талиев, теория антропогенного происхождения сообществ.

Прекрасное знание флоры Средней России позволило Дмитрию Ивановичу Литвинову подойти к истории развития её с той же широтой мысли, с какой незадолго до этого Энглер излагал историю развития флоры всего Земного шара.
Городков (1929, с. 921)

Дмитрий Иванович Литвинов — выдающийся ботанико-географ, флорист-систематик и библиограф, поразительно много сделавший для развития как Ботанического музея Академии наук (БМАН), так и учения об истории растительного покрова Европейской России, остается недооцененной фигурой — биография учёного не написана. Между тем, жизнь Литвинова — мыслителя и человека — заслуживает пристального внимания. В этой статье впервые публикуются документы из Санкт-Петербургского филиала архива РАН, отражающие поворотные точки биографии Литвинова, представлены два неизвестных прежде его портрета, а также предпринята попытка анализа ряда источников, посвящённых его основной научной теме — ботанико-географической

проблеме реликтовых видов растений на юге Восточной Европы. Анализ трудов Литвинова свидетельствует о причастности к исторической фитогеографической школе Адольфа Энглера, различавшей в современной флоре составляющие элементы её древнего автохтонного базиса и разновозрастность фракций. Это закономерно — русская ботаника имела германские корни и развивалась как параллельная ветвь на мировом древе естественных наук. Однако в общем развитии фитогеографии интереснее выявить становление оригинального научного направления, которое формировалось благодаря исследованиям П.С. Палласа, Ф.И. Рупрехта, С.И. Коржинского, наблюдавших взаимодействие флоры и природной среды в географическом пространстве Северной Евразии — тех особенностей отечественной ботанической географии, которую разрабатывал и Литвинов. Poleмика с оппонентом Литвинова — В.И. Талиевым, не признававшим реликтового характера своеобразных сообществ растений на каменистых субстратах и объяснявшим их существование деятельностью человека — кочевника и скотовода, фокусировала важнейшие дискуссионные темы русской ботаники: взаимоотношения леса и степи, происхождение чернозема, влияние покровного оледенения, возраст и таксономический ранг эндемиков, и тем самым оказалась чрезвычайно плодотворной для последующих попыток интерпретации истории растительного покрова.

Случай Литвинова как автодидакта, становящегося классиком, в русской ботанике не уникален, но весьма характерен для понимания существовавшей оппозиции учёных Москвы и Санкт-Петербурга. К плеяде столь же успешных «любителей» науки о растениях принадлежал учитель Литвинова — московский профессор Василий Яковлевич Цингер (1836–1907) — математик по основной специальности и знаток флоры Европейской России. Коммерсантом по образованию был Дмитрий Петрович Сырейщиков (1868–1932) — автор классической «Иллюстрированной флоры Московской губернии» (Т. 1–4; 1906–1914)¹, организатор гербария Московского университета, в настоящее время носящего его имя. Любовь к растениям объединяла московских любителей ботаники, она сказывалась и в особой эстетике, почти культе, гербарного листа.

Официальная «петербургская, немецкая» наука казалось москвичам преисполненной рутинных, педантических приемов, тогда как свобода научного творчества способствовала осмыслению общих законов развития флоры и растительности, наблюдаемых непосредственно в поле, что в меньшей степени было свойственно петербургским таксономистам, описывавшим новые виды растений по гербарным образцам, собранным штатными коллекторами. За три десятилетия, в течение которых Литвинов занимал должность ученого хранителя Ботанического музея Академии наук (БМАН) в Санкт-Петербурге, специализация этого учреждения менялась в направлении познания динамических процессов, протекающих в растительном покрове. Какова была роль Литвинова в этом преодолении статичности? С его участием осуществлялись задуманные С.И. Коржинским проекты — в том числе «Флора Сибири и Дальнего Востока», для которой он создал монументальную сводку «Библиография флоры Сибири» (1909). Литвинов курировал «Гербарий русской флоры» — издание эксикат (эталонных образцов вида, собранных из одного географического

¹ «Иллюстрированная флора...» Д.П. Сырейщикова — критическая таксономическая сводка, благодаря довольно простым ключам для определения и внятным аналитическим изображениям растений стала весьма популярным пособием, чему способствовали также большой тираж и доступная цена.

пункта в числе не менее 50 экземпляров растений), продолжающееся и по сей день. Для подготовки его Литвинов получал гербарные материалы из отдалённых и труднодоступных уголков Российской империи, переписываясь как с профессионалами, так и с многочисленными любителями ботаники. Дух демократизма, преодолевавший кастовую замкнутость официальных учреждений, полнее отвечал потребностям времени и государства — образованный слой российского общества созрел для серьёзных отношений с наукой, об этом свидетельствует сохранившаяся корреспонденция, которую вёл Литвинов. В первых десятилетиях XX в. предначертаниями И.П. Бородин² и А.С. Фаминцына³ происходило объединение творческих сил в Русское Ботаническое общество, учреждённое в 1915 г., не только ради координации исследовательской деятельности, просветительских целей или этических принципов, но шире, в русле гуманистических тенденции взаимодействий мировой науки, в которой Россия начинала играть лидирующую роль.

Идеи С.И. Коржинского об эволюции растительного покрова, способствовали пониманию флоры как природной системы и вдохновляли учение о флорогенезе. Существенный вклад в познание истории флоры внёс Литвинов. Истоки самобытного направления отечественной биогеографии рождало само обширное географическое пространство, позволявшее развернуть сравнительные исследования на территориально удалённых объектах. Начиная с наблюдений о связи изменчивости растений с условиями местообитаний П.С. Палласа⁴, традиция получила развитие в исследованиях о чернозёме Ф. Рупрехта⁵, теоретически осмысливалась С.И. Коржинским, продолжилась трудами самого Литвинова и ботаниками последующего поколения, прежде всего младшими коллегами Литвинова по БМАН, ставшими корифеями советской ботаники — С.С. Ганешин⁶, В.И. Сукачев⁷, А.И. Лесковым⁸, Б.Н. Городковым⁹, А.И. Толмачевым¹⁰, а затем и в работах современных ботанико-географов Е.М. Лавренко¹¹, Б.А. Юрцева¹² и Р.В. Камелина¹³.

² Бородин Иван Парфеньевич (1847–1930) — ботаник, анатом и физиолог растений, систематик, общественный деятель, первый президент Русского ботанического общества (с 1916). В 1902–1930 гг. — директор БМАН.

³ Фаминцын Андрей Сергеевич (1835–1918) — ботаник, физиолог растений, эволюционист.

⁴ Паллас Петер Симон (1741–1811) — натуралист и путешественник.

⁵ Рупрехт Франц Иванович (1814–1870) — ботаник, флорист-систематик, ботанико-географ, директор БМАН (1855–1870). О его работе, посвященной происхождению чернозема, см.: Федотова, 2008.

⁶ Ганешин Сергей Сергеевич (1879–1930) — флорист, ботанико-географ, систематик.

⁷ Сукачев Владимир Николаевич (1880–1967) — ботанико-географ, лесовод, один из основоположников биогеоценологии, создатель геоботанической школы в СССР.

⁸ Лесков Александр Иванович (1902–1942) — геоботаник, флорист-систематик.

⁹ Городков Борис Николаевич (1890–1953) — геоботаник, ботанико-географ, исследователь флоры Арктики.

¹⁰ Толмачев Александр Иннокентиевич (1903–1979) — ботанико-географ, систематик, основоположник учения о конкретных флорах.

¹¹ Лавренко Евгений Михайлович (1900–1987) — ботанико-географ, геоботаник, автор работ по районированию растительного покрова Евразии и Северной Африки (степей и пустынь).

¹² Юрцев Борис Александрович (1932–2004) — ботанико-географ, систематик, исследователь флоры Арктики, автор работ по сравнительной флористике.

¹³ Камелин Рудольф Владимирович (р. 1938) — ботанико-географ, систематик, автор работ по сравнительной флористике, флороценогенезу горных систем Евразии.

Дмитрий Иванович Литвинов родился в Москве 17 (29) декабря 1854 г. в семье секретаря Московского горного правления И.П. Литвинова. Его дед по отцу был крепостным крестьянином, отпущенным на волю из курского имения помещика Скарятина, а дед по матери — купцом 2-й гильдии.

Литвинов учился в 1-й Московской гимназии у Пречистенских ворот на Волхонке, среди выпускников которой немало известных учёных. Это ботаник Николай Иванович Анненков (1819—1889), автор замечательного «Ботанического словаря» (1878), он первым в России издал эксикаты 800 видов засушенных растений московской флоры “*Flora mosquensis exicata*” (аналогичным изданием позднее занимался и Литвинов), ботаник и биохимик, академик АН СССР Владимир Иванович Палладин (1859—1922), ботаник-миколог и морфолог, член-корреспондент АН СССР Владимир Митрофанович Арнольди (1871—1921), флорист, ботанико-географ, географ-ландшафтовед, профессор МГУ Сергей Григорьевич Григорьев (1874—1931). Отметим и уже упоминавшегося В.Я. Цингера, математика и ботаника, а также его сына — Николая Васильевича Цингера (1865—1923), морфолога-эволюциониста и автора классических работ по видообразованию растений — обоих связывали с Литвиновым профессиональные и дружеские отношения. Среди видных учёных выпускниками 1-й Московской гимназии были химик-органик, академик АН СССР Сергей Семенович Намёткин (1876—1950), зоолог Владимир Васильевич Попов (1841—1900), натуралист, путешественник, теоретик анархизма князь Пётр Алексеевич Кропоткин (1842—1921), физик и философ Николай Алексеевич Умов (1846—1915). Классическое гуманитарное образование, блестяще поставленное в этом учреждении, формировало культуру мышления. Весьма основательно здесь преподавались и естественные науки. Владимир Васильевич Григорьев (1830—1901) — автор неоднократно переиздававшегося учебника «Руководство по ботанике» (1861—1866), в котором рассмотрены органография, морфология, систематика, анатомия, физиология, география растений, а также имелся раздел по палеоботанике (Липшиц, 1950, с. 42). Григорьев читал гимназистам курс естественной истории и проводил экскурсии, — он являлся автором методического пособия по ботаническим наблюдениям в зимнее время. Григорьев поддержал увлечение гербаризацией ученика пятого класса Литвинова и направил его к знаменитому выпускнику той же гимназии — математику В.Я. Цингеру.

Профессор Московского университета, основоположник московской школы геометров, один из учредителей Математического общества, в ту пору занимавший пост декана физико-математического факультета Московского университета, Цингер серьёзно занимался ботаникой. Природа окрестностей Мелеховки, имения его матери в Тульской губернии и общение с профессором Н.Н. Кауфманом¹⁴, автором превосходной «Московской флоры» (1866), способствовали увлечению флористическими исследованиями Цингера¹⁵. Тренированный интеллект математика и его

¹⁴ Кауфман Николай Николаевич (1834—1870) — ботаник, профессор Московского университета и директор Ботанического сада, ученик К.Ф. Рулье. Кроме чтения лекций, считал необходимым для студентов практические занятия и экскурсии на природу. Обратил внимание на феномен «окской флоры», полагая, что растения, ее составляющие, занесены из южных чернозёмных территорий.

¹⁵ По словам Н.И. Кузнецова, «в свои работы по ботанике Н.Я. Цингер внес точность и строгость математического метода работ, а вместе с тем, обладая организаторским талантом, привлек к работе своей целую армию сотрудников, благодаря которой в короткое время достиг результатов, которые казались недостижимыми в то время» (Кузнецов, 1907, с. 207).

организаторские способности¹⁶ в короткий срок позволили ему стать признанным знатоком флоры средней полосы России.

Начиная с 1877 г. Цингер исследовал флору и растительность Центральной России вместе с ботаником Дмитрием Александровичем Кожевниковым (1858–1882). Выпускник Московского университета, ученик профессора Ивана Николаевича Горожанкина (1848–1904), Кожевников отличался большим разнообразием научных интересов, в частности занимался исследованиями сравнительной морфологии цветка, однако главной его специальностью являлась флористика. Он самостоятельно исследовал флору Тамбовской, а вместе с Цингером — Тульской губерний. Важным итогом стала публикация их совместного труда «Очерк флоры Тульской губернии» (1880). Обратим внимание, что здесь использовался термин «формация», принятый Литвиновым в его «Очерке растительных формаций степной юго-восточной части Тамбовской губернии» (1884). Классический труд Цингера «Сборник сведений о флоре Средней России» (1886) включал описание 1749 видов сосудистых растений. Цингер приобрел к работе значительный круг ботаников-любителей, что впоследствии делали и многие другие профессиональные ботаники, в том числе и С.И. Коржинский для издания эксикат «Гербария русской флоры»¹⁷. Так как слабое здоровье Кожевникова не позволяло ему пребывать в северном климате, он принял в 1880 г. доцентуру в Новороссийском университете в Одессе, но уже через два года его не стало. Он умер на юге Франции, в Ментоне, 11 апреля 1882 г. Позднее Литвинов назвал в память о нём два вида — осоку (*Carex koshewnikowii* Litv.)¹⁸ и камыш (*Scirpus koshewnikowii* Litv.).

Рекомендованный Цингеру Григорьевым юный Литвинов произвел благоприятное впечатление в немалой степени благодаря качеству собранных им коллекций. Казалось бы, судьба вела Литвинова к поступлению в университет после окончания гимназии. Однако, прервав обучение, не закончив шестого класса, он поступил в Императорское московское техническое училище (ныне МГТУ им. Н.Э. Баумана) и окончил его в 1879 г. с дипломом механика-строителя. Он стал преподавателем, а позднее инспектором Технического железнодорожного училища в Калуге (рис. 2). Тем самым

Рис. 1. Дмитрий Иванович Литвинов после окончания Императорского московского технического училища в 1879 г. (СПФ АРАН. Разр. Х. Оп. 1-л. Д. 231)

¹⁶ Цингер получал небольшие коллекции от десятков любителей. См. об этом: Цингер, 1885.

¹⁷ Координатором этого проекта стал Литвинов. О привлечении профессиональными ботаниками натуралистов-любителей к работе над составлением региональных флор в России см. главу «Критические обзоры Н.И. Кузнецова и невидимый колледж ботанико-географов» диссертации А.А. Федотовой (2012); в Германии — см., к примеру, книгу Нильса Гутлера (Guettler, 2014).

¹⁸ Литвинов описал осоку Кожевникова по сборам С.И. Коржинского из Средней Азии в 1910 г. Этот вид чрезвычайно близок *Carex litvinovii* Kük., описанной в 1904 г. по экземплярам Литвинова из Туркестана немецким ботаником Георгом Кюкенталем, названной в честь коллектора.

Литвинов обрёл материальную независимость и возможность путешествовать, используя для экскурсий время летнего отпуска.

Литвинову пришлось заместить заболевшего Кожевникова в совместных полевых исследованиях с Цингером, для которых использовались два каникулярных месяца. Они совершили ряд экскурсий по губерниям Европейской России в 1877, 1878, 1879 и в 1882 гг.

Одно из совместных путешествий с Цингером оказалось особенно удачным. 15 июня 1882 г. они обнаружили богатую и своеобразную флору в урочище Галичья Гора на Дону (ныне Государственный природный заповедник Галичья Гора в Липецкой области). Здесь были найдены виды редчайших растений: обитающие в трещинах скал белые подушки шиверекии (*Schivereckia hyperborea* (L.) Berkutenko (= *S. podolica* (Bess.) Andr. ex DC.)), колокольчик алтайский (*Campanula altaica* Ledeb.), лапчатка бедренцевая (*Potentilla pimpinelloides* L.), шлемник приземистый (*Scutellaria supina* L.), оносма простейшая (*Onosma simplicissima* L.), эфедра двуколосковая (*Ephedra distachya* L.) и др. Удалённость местонахождения этих растений от их основных ареалов, расположенных в горных системах Евразии, заставили Литвинова предположить, что этот комплекс является реликтовым, не уничтоженным покровным оледенением, он сохранился благодаря своеобразным условиям места — платообразного возвышения (235 м над уровнем моря) правого берега Дона, сложенного девонскими известняками. Обнаружение этой «страны живых ископаемых», как позже назовёт подобные участки реликтовой растительности Б.М. Козо-Полянский¹⁹, предопределило направление исследований Литвинова.

Служба в училище, где он преподавал технические дисциплины, поглощала немало сил и времени, но Литвинов, изучая флору, исходил вдоль и поперёк ближайшие окрестности Калуги. Некоторые находки Литвинова — осока расставленная (*Carex distans* L.), лапчатка прямая (*Potentilla recta* L.), повойничек мокричный (*Elatine alsinastrum* L.) — не удалось повторить современным флористам (Решетникова и др. 2010, с. 13). Он опубликовал «Список растений дикорастущих в Калужской губернии с указанием полезных и вредных» (1895), содержащий данные о распространении 871 вида сосудистых растений, изданный Калужским обществом сельского хозяйства.

Рис. 2. Техническое железнодорожное училище в Калуге
<http://kaluga-apx.livejournal.com/60181.html?thread=514581>

¹⁹ Козо-Полянский Борис Михайлович (1890–1957) — систематик-филогенетик, профессор ботаники Воронежского университета. Сторонник гипотезы Литвинова в области исторической ботанической географии, подтвердивший реликтовый характер многих представителей кальцефильной флоры Среднерусской возвышенности.

Здесь же, в Калуге, в октябре 1890 г. он завершил свои «Гео-ботанические»²⁰ заметки о флоре Европейской России» (1891). В этой небольшой работе изложена одна из важнейших гипотез, дающая ключ к пониманию истории флоры лесостепной и степной областей Восточной Европы. Литвинов различает здесь сосновые леса как два различных типа растительности: широко распространённые сосняки на песках и так называемые «горные боры» — сосновые леса (*Pinus sylvestris* L.) на южном пределе распространения с характерным участием в травяном покрове степных и лугово-степных растений, приуроченных к выходам мела, доломитов и известняков. Степной покров «горных боров» Литвинов считал остатками доледниковых степей, где наряду с сосной

«наблюдается появление целого ряда других растительных форм, имеющих весьма ограниченное распространение в данной округе, причем другие ближайшие обитания этих видов находятся иногда за сотни и тысячи вёрст отсюда. Все эти растения, как мы увидим, имеют решительный горно-альпийский характер, так как в других местах растут исключительно в горных местностях, иногда только на альпах²¹. Мало того, в числе растений этих замечательных сообществ чаще всего попадают эндемические формы, вообще чрезвычайно редкие в Европейской России, как и вообще в равнинах, так как наибольшим эндемизмом всегда отличаются горные местности, большей геологической древности, чем равнины, и где, поэтому, могут сохраняться до нашего времени элементы более древней, отжившей теперь, флоры» (Литвинов, 1891, с. 5–6).

Здесь Литвинов ссылается на классическую работу Адольфа Энглера (1844–1930) «Опыт исторического развития растительного мира» (Engler, 1879), утверждая тем самым приверженность к школе эволюционного метода в фитогеографии. Однако заметим, что преемственность отечественного учения о флоре как системе ярче характеризует цитирование Литвиновым в более поздней работе высказывания петербургского академика Франца Ивановича Рупрехта (1814–1870):

«ныне живущие растения представляют как бы слова, которые, будучи правильно связаны, дают возможность читать историю земной поверхности до третичного периода» (Литвинов, 1902, с. 109).

«Структуралистский» подход, уподобления растительного покрова некоему тексту, основанные исключительно на анализе рецентной (современной) флоры независимо от данных палеоботаники и геологии, утверждал суверенитет ботанической географии как особой дисциплины. Первенство ботанико-географических данных не отменяло использования геологических и палеоботанических данных в реконструкциях истории флоры, тем более что на рубеже веков уже предполагалось существование чередования климатических фаз потепления и похолодания, влиявших на характер и распространение ледникового покрова, тем не менее эпитет «доледниковый» ещё

²⁰ Значение этого термина не вполне идентично его современному содержанию. См. к примеру: «Гео-ботаника — этим названием предложено было заменить название “География растений” (Гризбах), но часто ему дают более тесное значение, подразумевая (Рупрехт) под именем Геоботанического изучения флор и почв данной страны во взаимной их связи и во взаимном их друг на друга влиянии — это топография растений в тесном смысле. Сюда относят учение о растительных формациях и об их распределении» (Бекетов, 1892, с. 368).

²¹ Имеется в виду альпийский высотный пояс (2000–3500 м над уровнем моря).

прочно ассоциировался с третичным периодом. Устаревшая интерпретация будет ещё долго искажать датировки возраста реликтовых видов растений, нарушая геологический масштаб и временную последовательность явлений, смешивая понятия о нео- и палеоэндемизме, но, разрабатывая метод, Литвинов опирался на данные современной ему палеогеографии:

«Литвинов указывает на замечательное соотношение между геологическими²² и ботанико-географическими особенностями этих боров, с сопутствующей им флорой: они всегда располагаются на участках, не покрывавшихся льдом во время ледникового периода <...> Южные острова горных боров находятся как раз на окраине бывшего ледника; их сосна и особая флора представляют остатки плиоценовой и ледниковой флоры» (Городков, 1929, стлб. 922).

Эколого-географический анализ характерного для *горных боров* комплекса петрофитных (т. е. растений каменистых субстратов) видов позволял выдвинуть предположение о реликтовой природе этих *сообществ*. Подчеркнём, что Литвинов основывается в своей гипотезе прежде всего на выделении элементов растительности, затем выявляет комплекс характерных видов и лишь после этого переходит к анализу эколого-географической природы каждого из видов, составляющих комплекс. Вопрос о датировке возраста реликтовых видов и сообществ и теперь остается крайне дискуссионным. Однако благодаря исследованиям флориста и ботанико-географа Гуго Эдгаровича Гроссета (1903–1981), критически пересмотревшего возраст «третичных» реликтов Восточной Европы, их датировка временем позднего плейстоцена — голоцена кажется наиболее оптимальной (Гроссет, 1935).

Солидная и аргументированная гипотеза Литвинова, реконструирующая сложную историю флоры юга России, вызвала несогласие молодого приват-доцента Харьковского университета Валерия Ивановича Талиева (1872–1932), настаивавшего на антропогенном происхождении и самих местообитаний, и состава этих сообществ, объясняя появление чуждых аборигенной флоре видов непреднамеренным заносом человека. Сторону Талиева принял и его учитель, профессор Казанского университета Андрей Яковлевич Гордягин (1865–1932). Дискуссия, которая началась между оппонировавшими сторонами, оказалась чрезвычайно острой. Николай Адольфович Буш²³ выступил критиком гипотезы Талиева о первенствующей роли человека в расселении растений, возражая ему:

«Тут автор каждый раз с особым удовольствием указывает на “бойкую” дорогу, проходящую вблизи от местонахождения растения [южного происхождения. — А.С.], или на пасущийся вблизи скот. Вообще во всей работе ясно сквозит желание автора развенчать все эндемичные виды Европейской России для торжества своей *синантропной гипотезы*. Я называю ее синантропной потому, что она стремится каждое расселение растений свести

²² Литвинов считал важным демаркационным рубежом следы ледниковых отложений: «По границе эрратических валунов на этом пределе почти внезапно останавливаются многие виды, обыкновенные в частях степей, лежащих южнее, и по ту сторону этой линии появляются и все наиболее замечательные эндемические формы Европейской России» (1891, с. 66).

²³ Н.А. Буш (1869–1941) — ботанико-географ, систематик, в то время — приват-доцент Юрьевского университета. Впоследствии вместе с женой Елизаветой Александровной Буш (1886–1960) стали сотрудниками Литвинова по БМАН, где подготовили ряд таксономических обработок для «Флоры Сибири и Дальнего Востока» (1913–1931; вып. 1–5).

на зависимость от человека и все редкие и интересные растения каждой данной флоры объяснить влиянием одного лишь человека. Мне кажется, что подобный взгляд, по меньшей мере, крайне односторонен» (Буш, 1900, с. 42).

Сам Талиев категорически не согласился с интерпретацией его подхода Бушем:

«Меловая растительность южной России, нуждаясь для своего существования в исключительных условиях, создаваемых при необходимом участии человека, очевидно, и могла появиться здесь только после того, как преобразующая деятельность его достигла известной степени интенсивности. Она представляет собой, следовательно, молодой элемент флоры» (Талиев, 1900, с. 149).

Впоследствии и сам Литвинов высказал несогласие с оппонентом: «Талиев развил совершенно эксцентрический взгляд на редкие растения нашей флоры, идущий в разрезе с общепринятым мнением» (Литвинов, 1902, с. 82). Отповедь Литвинова основывалась на приверженности авторитету Энглера и его школы. Господствовала точка зрения, что дифференциация альпийской флоры Европы²⁴ происходила уже в конце третичного периода. Наступившая ледниковая эпоха произвела коренные смещения формаций. Альпийская флора спустилась в долины. Образовалась смешанная ледниковая флора. Выход труда Альфреда Неринга²⁵ (1890) внёс существенные коррективы в представления о палеоклимате. Он выявил существование ксеротермического периода, во время которого тундровые формации средней Европы сменились степями. К этому времени, по автору, относится проникновение в Среднюю Европу евроазиатских ксерофитных растений, а также ряда высокогорных ксерофитов. Исследования Неринга дали основание полагать, что степные пространства Средней Европы, образовавшиеся в послеледниковую эпоху, чередовались с лесными комплексами, озерами и торфяными болотами. Отметим также, что и Энглеру приходилось энергично защищать свою теорию от сторонников гипотезы синантропизации флоры. Таковым был, например, лингвист и культуролог Виктор Ген²⁶, который утверждал, что фи́га, лавр, виноград и многие другие растения и животные чужды аборигенной флоре и являются пришельцами из Азии или перенесены в область Средиземноморья человеком. То, что эта точка зрения была популярна, свидетельствуют многочисленные переиздания книги Гена, причём последние её издания выходили уже с комментариями Энглера, доказывавшего распространение в Европе упомянутых видов ещё в третичный период.

Полемика Литвинова и Талиева чрезвычайно обогатила опыт отечественной биогеографии методически. Обе концепции приобрели сторонников и противников. Отголоски полемики не утихли до настоящего времени²⁷.

²⁴ Альпийская флора низкотравных, кустарничковых, стланичковых сообществ, сформировавшаяся в условиях холодного, высокогорного климата альпийского пояса на высоте 2000–3500 м над уровнем моря в условиях интенсивной солнечной радиации, обильных снегопадов.

²⁵ Неринг Альфред (Nehring Alfred; 1845–1904) — зоолог и палеонтолог. Его работа “Über Tundren und Steppen der Jetzt- und Vorzeit, mit besonderer Berücksichtigung ihrer Fauna” (Berlin, 1890) оказала существенное влияние на понимание природы голоцена.

²⁶ Ген Виктор (Hehn Victor, 1813–1890) — один из основоположников курганной гипотезы о происхождении носителей индоевропейских языков от степных кочевников.

²⁷ Ср.: Тюрюканов, Костенчук, 1980; Еленевский, Радыгина, 2002.

По состоянию здоровья (из-за малярии) в 1896 г. Литвинов перевелся из Калуги на юг, заняв должность заведующего Учебными мастерскими Асхабадского железнодорожного училища (рис. 3).

В Закаспийской области (современный Туркменистан), где Литвинов работал три года (1896–1898), он исследовал богатейшую местную флору, совершая экскурсии в ближайшие окрестности Асхабада и в предгорья Копетдага. В 1897 г. с ранней весны до поздней осени Литвинов экскурсировал. Он посетил ущелья Каранки, Саандак, гору Луджа, песчаную пустыню Каракум в районе станции Репетек, Уч-Аджи, Чарджоу. В 1898 г. работал в окрестностях Фирюзы и Чули, через Багир и Ак-Тепе посетил Обручево, Курт-су, Гаудан, работал в горах Куляр, в ущелье Каранки, в горах Луджа и Базикямов, через Аннау проехал в Кельтычар. Посетил станции Бахарден, перевал Арваз, Дайна, верховье р. Сумбар, станции Арчман, Геок-тепе, Фараб, путешествовал по Амударье (Говорухина, 1981). Он изучал разнообразие характерных родов пустыни: джужгуна (*Calligonum* L.), солянок (*Salsola* L.), представителей семейств маревых (*Chenopodiaceae*), тамарисковых (*Tamaricaceae*) и др. Изучив биологию растений песчаных пустынь, Литвинов смог дать важные рекомендации. Он консультировал садовника Закаспийской железной дороги Н.В. Андросова²⁸ по ассортименту видов джужгуна и саксаула, пригодных для закрепления подвижных песков вдоль железнодорожных путей.

Познания и опыт Литвинова, приблизившегося к 45-летию, к тому времени были уже столь велики, что позволяли занять место в профессиональной ботанике. В этом намерении его поддержал молодой академик С.И. Коржинский, увидевший в нём единомышленника и прилагавший усилия, чтобы сделать его своим сотрудником в БМАН. В письмах Литвинов информирует петербургского корреспондента о своих ботанических экспедициях. Он живёт лишь надеждой на освобождение от рутины преподавания (см. прил. 1).

Приглашение занять должность учёного хранителя БМАН в Санкт-Петербурге Литвинов получил от С.И. Коржинского в том же 1898 г., он принял его, заменив на этом посту вышедшего в отставку К. Мейнсгаузена²⁹.

Приближение XX в. открывало перспективы для создания новой флоры России — проекта, который инициировал С.И. Коржинский. Принципы и структура издания вызывали острый интерес у ботаников. Обсуждался и выбор языка, на котором будет написана новая «Flora Rossica». Профессор Юрьевского университета Николай Иванович

Рис. 3. Дмитрий Иванович Литвинов в г. Асхабаде (СПФ АРАН. Разр. X. Оп. 1-л. Д. 267)

²⁸ Андросов Николай Викентьевич (1870–1941) — видный ботаник, специалист по флоре Средней Азии; в 1897–1905 гг. — садовник питомника растений-пескоукрепителей на ст. Фараба.

²⁹ Мейнсгаузен Карл Фридрих (1819–1899) — флорист и систематик, консерватор БМАН с 1851 г.

Рис. 4. Насаждения пескоукрепительных полос близ станции Репетек. Фото Поля Надара, 1890-е гг. (с разрешения сайта www.culture.gouv.fr/culture/inventai/patrimoine/)

Кузнецов³⁰ разослал анкету, включавшую 11 вопросов. На предпоследний — «Какой язык должен быть принят для “Flora Rossica”» — отвечали по-разному. В.А. Траншель (хранитель гербария споровых растений БМАН) полагал, что им должен быть русский, того же мнения был А.Х. Буш (Казань) и В.И. Талиев (Харьков), Ф.В. Бухгольц (Рига) выбрал латынь. Наиболее радикален был лесовод и исследователь флоры Кавказа В.В. Маркович (Алагир):

«Русская флора должна быть написана на русском языке. Это не есть “квасной” патриотизм, а желание, чтобы каждый русский человек мог познакомиться со своей родной флорой. Этим мы только достигнем приобретения большого числа лиц, посвятивших себя ботанике. Давно пора сойти науке с Олимпа и стать достоянием всех желающих ее изучать. Чем она доступнее для простого смертного, тем больше адептов она приобретет» (Кузнецов, 1900, с. 74).

Таким образом, престиж издания едва ли не обретал значимость национального проекта. Высочайшее благоволение этому замыслу оказал Николай II, который «ассигновал в мае 1900 г. из собственных средств 21 400 руб. академику С.И. Коржинскому с тем, чтобы при содействии приглашенных им лиц приступлено было к изданию “Флоры Сибири” как первого отдела “Флоры Российской империи”» (Манойленко, 2005, с. 109). Таким образом, обстоятельства складывались наилучшим образом.

³⁰ Кузнецов Николай Иванович (1864–1932) — ботанико-географ, флорист, систематик, в те годы (1895–1914) профессор Юрьевского университета (ныне Тарту, Эстония).

Однако уже летом 1900 г. начались несчастья. Во время командировки в Ферганскую область с микологом Владимиром Ивановичем Траншелем, на дороге из г. Ош к укреплению Гульча, Литвинов сломал ногу и вынужден был отказаться от дальнейшего путешествия. Эта травма сказалась на заболевании, постигшем его в конце жизни. Осенью, 18 ноября 1900 г. в полном расцвете сил скончался Сергей Иванович Коржинский. Неожиданный уход талантливейшего учёного, казалось, делал проект «Флоры Сибири» невыполнимым. Положение спас И.П. Бородин, избранный на освободившуюся вакансию академика-ботаника и ставший директором БМАН. 12 сентября 1901 г. на заседании ФМО И.П. Бородин письмом от 31 августа на имя неперменного секретаря Академии наук Н.Ф. Дубровина сообщил, что принимает на себя завершение начатого покойным С.И. Коржинским труда по флоре России (Летопись... 2007, с. 40). Литвинов составил комментированное описание литературных источников «Библиография флоры Сибири» (1909) — свод флористической, таксономической и ботанико-географической литературы, появившейся в печати до 1908 г. Этот труд, чрезвычайно содержательный и точный, до сих пор остается настольной книгой ботаников.

Литвинов воплощал в жизнь и другой замысел Коржинского. Он готовил издание «Список растений Гербария Русской Флоры» (“Schedae ad Herbarium Florae Rossicae”, далее — СРГРФ). Для публикации первого выпуска БМАН объединился с Ботаническим отделением Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Этот выпуск содержал 200 номеров (т. е. 200 видов, каждый издаваемый вид включался в установленную нумерацию) вышел в 1898 г. в издании Общества, со второго выпуска — уже только под эгидой БМАН. Первые выпуски СРГРФ содержали лаконичные заметки о видах, лишь немногим превышавшие по информативности этикетку, но начиная с третьего (1901) комментарии становились всё более содержательными. Автором многих из этих заметок наряду с Литвиновым стал привлечённый им к сотрудничеству Владимир Ипполитович Липский, тогда старший консерватор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, а с 1902 г. — его главный ботаник. В этом издании появляются диагнозы новых для науки видов, например шведка Липского (*Suaeda lipskii* Litv.), описанная по экземплярам, собранным Литвиновым и Траншелем в 1900 г. в Репетеке, и многие другие. Основными коллекторами растений были упомянутый выше Н.В. Андросов (Средняя Азия), В.Д. Андреев (Псковская губ.), И. Шираевский (степные губернии), Н.А. Десулави и В.В. Маркович (Северный Кавказ), Е.Н. Клеменц (Крым), Н. Пуринг (окрестности Петербурга), К.Р. Купфер (Лифляндия, окрестности Риги), а также москвичи А.А. Хорошков, Д.П. Сырейщиков, А.Н. Петунников и многие другие коллекторы. Позже присоединились В.П. Дробов (Средняя Азия), В.Н. Сукачев, Г.И. Поплавская, И. Швецов. Важны были комментарии специалистов по особенно трудным таксономическим группам: К.Г. Цана (К.Н. Zahn), определявшего подвиды, разновидности и формы ястребинок (*Hieracium* L.), Н.В. Цингера, выявлявшего сезонные расы у погремков (*Rhinanthus* L.), сорняков в посевах культурных растений, а также марьянника (*Melampyrum* L.) и зубчатки (*Odontites* Ludw.), комментарии М.И. Назарова по ивам (*Salix* L.). Впоследствии Литвинов группировал виды одного рода в крупные блоки, объединяя их по монографическому принципу. Его таксономические комментарии, основанные на тщательнейшем анализе протолога (первоописания вида), поиски аутентичных экземпляров становились всё более скрупулезными. Замечания Литвинова по систематике родов — молочай (*Euphorbia* L.), вейник (*Calamagrostis* Adans.),

полевица (*Agrostis* L.), вика (*Vicia* L.) актуальны для современных ботаников. Подписанных Литвиновым статей с комментариями насчитывается около 450 (Липшиц, 1952).

Литвинов совершает экспедиции в отдалённые районы России и сопредельных стран. С открытием в 1902 г. движения по Китайско-Восточной железной дороге до Порт-Артура появилась возможность изучить флору Маньчжурии и Ляодунского полуострова. Летом 1902 г. в Китай был командирован Литвинов. Управление железной дороги предоставило ему особый вагон, тем самым отблагодарив бывшего сотрудника за многолетнюю службу. Во время этой экспедиции он собрал около 1200 видов растений (Бородин, 1917, с. 155). В 1903 г. таким же образом Литвинов осмотрел восточную часть дороги от Харбина до Владивостока. Он совершил экспедиции в Северо-Восточный Китай и Забайкалье (1901–1902), Кавказ (1908), Среднюю Азию (Ферганская область, 1913), Закавказье и Турцию (Карская область, 1914), Хибины (1920, 1921).

Литвинов занимался систематизацией архивных материалов, хранившихся в фондах БМАН, но эти работы выполнялись не для публикации. Об их научной ценности свидетельствует манускрипт «Мои заметки о рукописях Бунге»³¹, в которой миссия Литвинова — хранителя не только гербарных коллекций, но и всего наследия отечественной ботаники, сказывается весьма отчетливо. Опись рукописей Бунге датирована 1919 г. — тяжелейшим для жителей Петрограда, когда судьба всего культурного наследия столицы рухнувшей империи находилась под угрозой уничтожения. Ботаника несла непоправимые потери, так, 8 декабря 1918 г. в Петрограде скончался ординарный академик А.С. Фаминцын. В городе проходили массовые аресты профессоров и учёных: в первых числах сентября 1919 г. был арестован сотрудник БМАН Н.А. Буш, но, к счастью, освобождён во второй половине сентября (Летопись... 2007, с. 368).

В это тревожное время Литвинов погрузился в разбор манускриптов покойного дерптского профессора Александра Андреевича Бунге (Alexander von Bunge, 1803–1890) — одного из крупнейших систематиков мира, автора капитальных таксономических монографий. Бунге, член-корреспондент Академии наук, был связан деловыми отношениями и с Петербургским ботаническим садом, но доверил свои рукописи архиву БМАН, будучи в немалой степени обязанным его директору, академику Ф. И. Рупрехту содействием в опубликовании трудов в изданиях Академии (Сытин, 2004). Литвинов систематизировал документы Бунге, начиная с его студенческих работ, когда ему, как и его товарищу Карлу Мейеру (1795–1855), профессор Карл Ледебур (1785–1851) доверил самостоятельные полевые исследования флоры Алтая:

«Список растений, собранных алтайской экспедицией Ледебур, Мейер, Бунге в 1826 г. Написан красивым мелким и четким почерком Бунге, без малейших поправок, на плотной синей писчей бумаге. Представляет собой любопытную предварительную сводку. Занумерованы все 1420 видов NN обозначают виды, а не NN [образцов], как можно бы было думать с первого взгляда. Описаний никаких нет, но намечены новые виды. Немало NN определены лишь по роду. Видовые, а иногда родовые названия определенных растений не всегда совпадают с опубликованными во *Flora altaica*. Написан список очевидно вскоре по возвращении экспедиции (1830). Для будущих комментаторов определений растений <...> этот рукописный список несомненно будет весьма полезен»³².

³¹ СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57.

³² СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57. Л. 47.

Любопытна и характеристика исследования Бунге по сравнительной флористике, обобщавшего флористические изыскания остзейских ботаников в сравнении с данными по флоре Центральной России:

«Сравнительная статистика флоры разных частей Прибалтийского края с флорой Тульской губернии и др. На двух листках почтовой бумаги начисто переписанная таблица, сопоставляющая числа видов всех семейств, с одной стороны, в списках Флейшера³³, Шмидта³⁴, Глена³⁵, Жасса (?), Руссова³⁶, Грунера³⁷ и др. и с другой — со списком Тульской флоры Кожевникова и Цингера (1880). Присоединяем сюда черновой листок с подобным же сравнением состава Прибалтийской флоры с флорой Швеции и Германии»³⁸.

Исключительно интересны сведения о материалах, положенных в основу монографий Бунге, опубликованных в «Записках Императорской Академии наук», в частности для "Generis astragali species gerontogae" («Виды рода Астрагал Старого Света») (Bunge, 1868–1869). В ней впервые создана естественная система рода *Astragalus* L., выделены 6 подродов и описано много новых секций. Морфолого-географический метод в ботанической систематике, который разрабатывал Бунге, основан на сравнительном анализе формы венчика, чашечки и плода астрагалов — таблицы препаратов хранятся в гербарии БИН (Сытин, 2002). О том, что автор монографии составил карты ареалов для многих видов, мы узнаём из комментария Литвинова. Этот замысел несущественной работы, посвящённой расселению видов рода *Astragalus* по разным ботанико-географическим районам Земли, продолжает исследования Бунге по фитогеографии представителей семейства маревых (Bunge, 1880):

«Ad Phytogeographiam Astragalorum spectantia». 20 таблиц на грифленой бумаге большого формата, где все виды астрагалов расписаны по 29 флорам. Среди них описаны 13 бланковых карт Старого Света с нанесёнными местонахождениями разных групп астрагалов. По-видимому, проектировалась статья на эту тему, подобная его "Pflanzengeographische Betrachtungen ber die Familie der Chenopodiaceen" <...>³⁹ "Astragalorum distributio geographica" — 13 бланковых карт Старого Света с нанесёнными местонахождениями разных групп астрагалов; они не были приложены к изданной Академией его монографии рода. <...>⁴⁰ Перечислены коллекторы астрагалов 128 имен с приблизительным подсчетом количества образцов астрагалов, ими собранных, и количество видов. Свои собственные коллекции (1826–66 гг.). в 212 экземпляров и 72 вида»⁴¹.

³³ Флейшер Иоганн Готтлиб (Fleischer Johann Gottlieb 1797–1838) — врач и ботаник, автор монографии по флоре Эстляндии, Лифляндии и Курляндии (Fleischer, 1839).

³⁴ Шмидт Федор Богданович (Schmidt Friedrich Karl, 1832–1908) — геолог и ботаник, исследователь (совм. с Гленом) флоры Сахалина и Приамурья.

³⁵ Глен Петр Петрович (Glehn Peter von, 1835–1876) — старший консерватор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, автор флоры окрестностей Дерпта (ныне Тарту, Эстония) (Glehn, 1860).

³⁶ Руссов Эдмунд (Russow Edmund August Friedrich, 1841–1897) — профессор ботаники и директор ботанического сада Дерптского университета, автор флоры окрестностей Таллина (Russow, 1862).

³⁷ Грунер Леопольд (Gruner Leopold, 1839 — около 1917) — прибалтийский коллектор и ботаник.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57. Л. 76.

³⁹ Там же. Л. 26.

⁴⁰ Там же. Л. 34.

⁴¹ Там же. Л. 36.

Выход в свет монографий Бунге позволил идентифицировать образцы в гербарных фондах крупных коллекций, так, мюнхенский ботаник Ю.Г. Шультес, переопределив астрагалы, а затем и остролодочки (*Oxytropis* DC.), также обработанные Бунге, прислал ему свои результаты:

«*Astragali species gerontogae herbario reg. monacensis* 1873. 30 стр. почтовой бумаги большого формата. То же — *Oxytropis* — 8 стр. Обе рукописи написаны собственноручно J.H. Schultes'ом⁴². Представляют перечень всех образцов астрагалов Мюнхенского гербария»⁴³.

Реконструкция маршрута Александра Лемана (1814–1842) — одного из ранних исследователей Средней Азии по дневникам завещанных путешественником Бунге, стала основой знаменитой работы «Ботаническое наследие Александра Лемана» «*Alexandri Lehmann reliquiae botanicae...*» (Bunge, 1847), в которой он впервые описал многие виды растений:

«Две рукописи, черновая и перебеленная, восстанавливающие ботанический дневник путешествия Лемана в 1834 и 1840 гг. (преимущественно на южном Урале). Наконец, перечень городов, посещенных Бунге: „Stadte in denen ich gewesen bin“! 350 городов (Россия, Китай, Персия, Западная Европа)»⁴⁴.

Для историков эволюционной идеи интерес представляет и указание Литвинова на манускрипт Бунге: «О теории Дарвина. Никак не озаглавленная рукопись на 4 листах почтовой бумаги малого формата, мелко исписанных»⁴⁵. Обращение к этому сочинению, возможно, разъяснит отношение систематика Бунге к дарвинизму.

Последняя экспедиция Литвинова состоялась в Поволжье, в 1927 г., как всегда, она была результативна как в отношении сбора коллекций растений, так и в поисках подтверждений концепции реликтовых сообществ, о чем свидетельствуют документы, причём район посещения был намечен давно, — таким образом, Литвинов реализовал замысел:

«Местности же наиболее замечательные в ботаническом отношении: область Сызранских отвалов, Жигули, меловые горы у г. Хвалынска и Саратова, близ колонии Норки⁴⁶ и по р. Медведице, Бурлуку, Иловле и бл[из] Камышина (с. Белые глинки и Белые горки) — находятся все в области, где валуны вовсе отсутствуют» (Литвинов, 1891, с. 68).

В экспедиционной смете (см. прил. 2), интересны некоторые подробности, имеющие отношение к полевому обиходу, в частности упоминания о сукне — гигроскопичную ткань Литвинов предпочитал бумаге, обычно используемой для засушивания растений (Литвинов, 1912). Перечень материалов для фотографирования свидетельствует, что Литвинов владел и этим методом фиксации полевых наблюдений.

В этом же 1927 г. Литвинов опубликовал небольшую работу «О некоторых ботанико-географических соотношениях в нашей флоре» (1927). В своей последней

⁴² Schultes Julius Hermann (1820–1887) — баварский ботаник и врач, сотрудник Королевского гербария в Мюнхене в 1854–1887 гг.

⁴³ СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57. Л. 22.

⁴⁴ Там же. Л. 31.

⁴⁵ Там же. Л. 33.

⁴⁶ Колония Норка — ныне с. Некрасово Красноармейского района Саратовской области.

работе, анализируя понятие «сниженных альп»⁴⁷, Литвинов высказывает суждение об общности климата степей и высокогорий, ссылаясь на данные флористов и ботанико-географов И.Я. Акинфиева и Н.А. Буша, описывавших травянистые сообщества, господствующие на пониженных хребтах Северного Кавказа и Крымской Яйлы, что, по его мнению, доказывает извечное безлесие степи. Он снова возвращается к горным борам, дополняя гипотезу об их реликтовой природе новыми доказательствами. Мысль об исторической общности флоры от Пиренеев до Средней Азии лежит и в основе попытки осмыслить феномен повторяющихся сочетаний видов, в которых он видел осколки флористических комплексов, фрагменты древней растительности. Так, например, Литвинов обращает внимание на своеобразную ассоциацию барбариса в сообществах, образуемых можжевельником. Сравнивая арчевники Копетдага, представленные древовидными формам «арчи» — можжевельника туркменского (*Juniperus turcomanica* В. Fedtsch.), где вместе с ним, «куда ни обернись, можно видеть кусты барбариса (*Berberis integerrima* Bunge)» и песчаные степи Нижнего Дона, где в сообществах стелющегося казацкого можжевельника (*Juniperus sabina* L.), «я встречал в нескольких местах кусты обыкновенного барбариса (*B. vulgaris* L.), обычного у нас только в садах» (Литвинов, 1927, с. 13–14). Примечательным ему кажется аналогичное сочетание казацкого можжевельника с барбарисом, отмеченное в Пиренеях, о котором упоминает Г.М. Вилькомм (Willkomm, Lange, 1861). Этот интересный параллелизм в структуре сообществ он объясняет дивергенцией в развитии растительного покрова:

«существует какой-то загадочный симбиоз можжевельника с барбарисом. Очевидно, имеем дело с очень прочным сообществом, образовавшимся в очень отдаленное от нас время и тогда широко распространенным. В состав его входят и некоторые растения, более известные у нас как заносные откуда-то сорняки» (Литвинов, 1927, с. 13–14).

Характерна и попытка уточнить систематическое положение и природу некоторых видов на краю ареала. В частности, Литвинов обращает внимание на изобильное произрастание в Жигулях, тогда как в Заволжье она почти исчезает, очень изменчивой, богатой разнообразными формами яблони ранней: «*Pirus praecox* Pall. fl.ross 1: 22. — Ulterior observation docebit — писал о ней Ледебур в 1844 г., но и до сих пор никто не заинтересовался разъяснением этой загадочной формы яблони» (Литвинов, 1927, с. 12), при этом он надеется, что когда-нибудь будет организована специальная экспедиция для изучения разнообразия форм этой яблони. Повторяя эпитет «загадочный», Литвинов обращается к будущим исследователям в надежде на разрешение

⁴⁷ Термин «сниженные альпы», введенный Литвиновым в применении к своеобразным реликтовым группировкам Среднерусской возвышенности, популяризировал Б.М. Козо-Полянский. Этот термин получил иную интерпретацию в исследованиях его ученика Сергея Владимировича Голицына (1897–1968), в работах которого идеи Литвинова обрели новую жизнь. См.: Виноградов, Голицын, 1960. «Сниженными альпами» авторы называют флористически богатые разнотравно-осоковые кальцефитно-степные группировки, в число эдификаторов которых кроме осоки низкой (*Carex humilis*) и мха *Thuidium abietinum* входят как обязательные участники следующие виды: бурачок ленский (*Alyssum lenense*), проломник волосистый (*Androsace villosa*), осока стоповидная (*Carex pediformis*), железница солнцелюбивая (*Clausia aprica*), копеечник крупноцветный (*Hedysarum grandiflorum*), овсец пустынный (*Helictotrichon desertorum*), мелюбка гиперборейская (*Schivereckia hyperborea*).

вопросов, поставленных предшественниками — Палласом и Ледебуром. Итог же собственных исследований приводит его к следующему заключению:

«Флору каменистых обнажений по берегам рек степной полосы, как давно было мною сказано, надо считать восточным вариантом флоры открытых каменистых склонов Средиземноморской области» (Литвинов, 1927, с. 12).

Этот вывод, ещё раз подтверждающий влияние школы Энглера на русских ботанико-географов, корреспондирует с первыми работами Михаила Григорьевича Попова (Попов, 1927, 1929), а именно — с блистательно разрабатываемой им теорией о флорогенетических элементах Древнесредиземноморской области. Таким образом, теснейшее родство германской и русской науки о растениях, в данном случае — восприимчивость к идеям А. Энглера, прослеживается в поколениях русских ботаников, а по замечанию Р.В. Камелина о М.Г. Попове — «лучшего ученика у Энглера не было» (1994, с. 108).

В последние годы жизни Д.И. Литвинов болел, но продолжал работать в прежней должности. Внезапно возобновилась переписка с Владимиром Ипполитовичем Липским, прежним сотрудником по «Гербарию Русской флоры», или, как называл это издание Литвинов в письмах, “Herbarium Rossicum” (см. прил. 3). Отметим, что эпитет “rossicum”, столь дорогой для Литвинова, действительно исчез — с изменением названия государства изменилось и название издания в 1932–1990 гг. (т. 9–27) — «Список гербария флоры СССР» (см. Батурина, 2014).

Липский, покинув Петроград, вернулся на Украину, и вёл частную жизнь в Житомире, но в 1919 г. началась его энергичная деятельность по организации науки в Киеве. В 1922 г. он был избран президентом Всеукраинской академии наук и оставался им до 1928 г. С 1928 г. он стал директором Одесского ботанического сада, где энергично организовывал научную работу, в том числе привел в образцовый порядок гербарий, который насчитывал 5500 смонтированных образцов растений, расширил территорию Ботанического сада и восстанавливал коллекции растений открытого грунта и оранжереи, организовал ряд экспедиций и сам принимал участие в гидрологических исследованиях водорослей Черного моря. В 1933 г. Липский ушёл в отставку, накануне демонстративно покинув совещание, на котором выступал с докладом Т.Д. Лысенко (Доброчаева, Мокрицкий, 1991). 24 февраля 1937 г. В.И. Липский умер, возможно, покончив жизнь самоубийством.

Эпистолярный этикет того времени не допускал откровенности, а потому обсуждаемые Литвиновым темы направлены преимущественно на растения. Они интересны тем, что приоткрывают обычные методы работы систематика-таксономиста: scrupulous исследование тонких морфологических признаков, изучение изменчивости в пределах ареала вида, поиски аутентичных материалов на основе литературных источников, установление происхождения типового образца, послужившего моделью для описания таксона. Характерно и упоминание о *Herbarium manuale*, т. е. «подручном травнике» — частной коллекции образцов растений, возникающей у каждого коллектора. Лишь в конце письма, оказавшегося последним, Литвинов осторожно высказывает тревогу о судьбе БМАМ, обречённого на слияние с Ботаническим садом⁴⁸.

⁴⁸ СПФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 264.

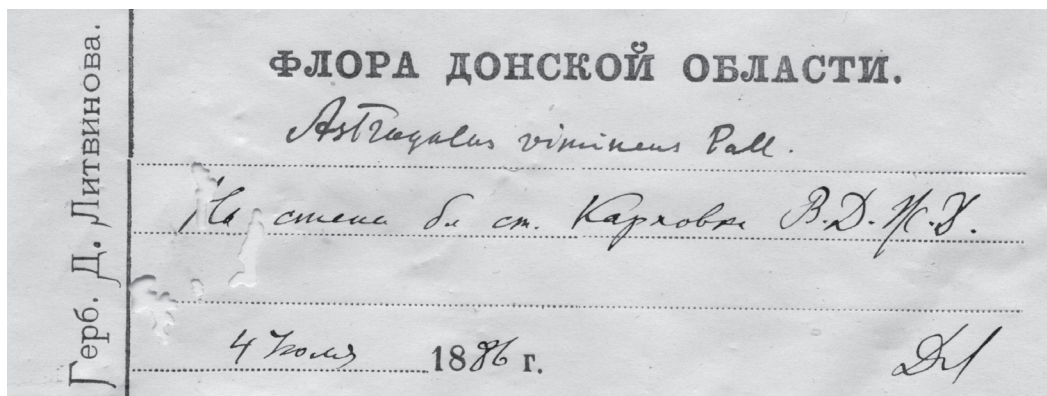

Рис. 5. Образец почерка Д.И. Литвинова. Гербарий БИН РАН (LE)

Дмитрий Иванович Литвинов умер 5 июля 1929 г., а 5 марта 1930 г. скончался последний директор БМАН Иван Парфеньевич Бородин. С их уходом закончилась 100-летняя эпоха Ботанического музея АН, а сам музей прекратил существование в 1930 г. В результате соединения БМАН с Ботаническим садом образовался Ботанический институт Академии наук (см. подробнее: Гельтман, 2014).

Один из учеников Литвинова, сотрудник БМАН Б.Н. Городков, справедливо заметил:

«Каждый, кто займется историей развития степной, альпийской или арктической флоры, должен будет считаться с работами Д.И. Литвинова, так как в них заложены корни многих более или менее общеизвестных обобщений» (Городков, 1929, стлб. 926).

Сборы многочисленных экспедиций Д.И. Литвинова хранятся в БИН РАН (рис. 5). В честь Литвинова назван род *Litwinowia* Wogonow (семейство крестоцветных) и многие виды растений.

Приложение 1

Письма Д.И. Литвинова к С.И. Коржинскому

Асхабад 12 июня 1898

Многоуважаемый Сергей Иванович!

Высылаю Вам сегодня 3-й ящик с растениями для издаваемого гербария. Заготовлен материал еще на один ящик. Собрал между прочим для этого издания 6 видов разных *Calligonum*⁴⁹, но, к сожалению, только один вид, асхабадский, собрал с цветами и плодами (с одного и того же куста), а остальные из Репетека⁵⁰ — все только в плодах. Во втором ящике были приложены для Вас разные семена. <...>

⁴⁹ *Calligonum* L. — джугун, род из семейства гречишных, свойственный песчаным пустыням Средней Азии.

⁵⁰ Репетек — железнодорожная станция в Юго-Восточных Каракумах, ныне в её окрестностях расположен Репетекский государственный биосферный заповедник (Туркменистан).

Семена разных *Calligonum* еще надеюсь Вам прислать⁵¹. В Гайданы⁵² были в самом конце апреля и, кажется, собрали интересующие Вас виды *Vicia*⁵³ и *Eryngium*⁵⁴ и они были еще в полном цвету. Затем были во второй половине мая, но, увы, к сожалению, как ни присматривался, не мог найти ни одного экземпляра этих видов с плодами. Известие о моем переводе что-то сильно запаздывает. Неужели не случайно перевод мой застопорился в Министерстве [народного просвещения]? Благодарю Вас за присылку великолепной бумаги и 5 прессов. Я уже их заслал вьюком на дальние вершины гор. Если возможно, буду просить вас прислать мне еще 2 штуки ботанизирок⁵⁵ вершков в 12–16 длины, желательно с 2-мя крышками.

Преданный Вам Д. Литвинов⁵⁶.

К № 41. Асхабад, 18 Сентября 1898 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович!

Посылаю в Академию ящик № 7 с растениями.

Если имеются определенные сведения о том, когда может состояться мое назначение, то будьте добры, телеграфируйте мне.

Очень тяжело так долго быть в неопределенном положении.

Преданный Вам Д. Литвинов⁵⁷

Приложение 2

Последняя экспедиция Д.И. Литвинова

Проект ботанической поездки в Поволжье в 1926 г.

В прошлом 1925 году я намеревался совершить большую ботаническую поездку для сборов материала по флоре обнажений мела в Поволжье, по Дону и притокам Донца. Это весьма замечательная оригинальная флора всё еще у нас детально не исследована и очень скудно представлена в коллекциях Музея. Поездка не состоялась по отсутствию средств. В настоящее время прошу ассигновать мне средства на сравнительно небольшую поездку с помощником на меловые обнажения в Поволжье. Предполагаю в течение июня и начале июля месяца осмотреть подробно мел между Сengiлеем и Сызранью на Волге и затем обширные обнажения мела к югу от Камышина.

Смета расходов

1. Ботаническое снаряжение (в дополнение к тому, что можно получить от Музея)

3000 листов бумаги25 руб.

15 метров сукна.....50 руб.

Картонные папки, упаковка и проч.5 руб.

⁵¹ Полевые наблюдения над изменчивостью видов рода джугун (*Calligonum*) впоследствии позволили Литвинову осуществить серии публикаций обработок видов для СРГРФ, в том числе и рода *Calligonum* (перечисленные под № 2405–2418), а также ряда других трудных таксономических групп, например видов, относящихся к семейству маревых (*Chenopodiaceae*), рода вейник (*Calamagrostis*) и др., что побуждает рассматривать их не как фрагментарные комментарии, но эскизы таксономических монографий.

⁵² Гайданы — населённый пункт близ г. Ашхабад (Туркменистан).

⁵³ *Vicia* L. — вика, род из семейства бобовых.

⁵⁴ *Eryngium* L. — синеголовник, род из семейства зонтичных.

⁵⁵ Ботанизирка — металлический футляр цилиндрической формы для сохранения растений в свежем состоянии до их помещения в пресс для засушивания.

⁵⁶ СПФ АРАН. Ф. 67. Оп. 2. Д. 57. Л. 1–2.

⁵⁷ Там же. Л. 3.

2. Фотографические материалы

5 дюжин пластинок размером 9 x 12 см.....15 руб.

3. Разъезды

Проезд с помощником из Ленинграда в

Ульяновск и далее в Сенгилей.....80 руб.

Багаж.....40 руб.

Экскурсии между Сенгилеем и Сызранью180 руб.

Проезд из Сызрани в Камышин с багажом.....50 руб.

Экскурсии за Камышиным.....120 руб.

Обратный проезд в Ленинград с багажом100 руб.

Вознаграждение помощника.....75 руб.

Итого750 руб.

Старший Ботаник Ботанического музея АН Д. Литвинов

1924.02.24

[Ремарка]: Поддерживаю. М. Траншель [автограф].⁵⁸

Приложение 3

Письма Литвинова к В.И. Липскому

Одесса

Академику Владимиру Ипполитовичу Липскому,

Ботанический Сад.

Петроград, 31 марта 1929 г.

Глубокоуважаемый Владимир Ипполитович!

Я было решил, что по старости лет потерял всякий интерес для такого ботаника, как Липский, но вдруг получил книги с весьма знакомой каллиграфической надписью.

Растения Ваши получены лишь <неразб.> тому назад. Я их уже пересмотрел и на днях верну Вам казённой посылкой.

Дублетами, пригодными для Вашего «Herbarium manual», мы не богаты, главным образом, по отсутствию соответствующей организации, каковая имеется в Ботаническом саду, который может Вас завалить своими дублетами: требуйте Каталог. Конечно, определения в этих дублетах не ахти какие, но как же может быть иначе? <...> 22-я книжка наших «Трудов [Ботанического музея]» должна была выйти в прошлом году, но валяется до сих пор в издательстве Академии в рукописи <...> Как только разделаюсь с одной большой работой с изданием моих новых видов злаков, так примусь за редактирование следующих выпусков нашего Herb[arium] Rossicum, для которых накопилось уйма материала, частично только обработанного <...> Очень боюсь, что вычеркнут из заглавия «Rossicum», на что не могу согласиться <...>. В окр[естностях] Одессы, конечно, немало можно набрать критического материала,

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 72. Оп. 1. Д. 61. Л. 10. Эта поездка не состоялась, но удалось совершить экспедицию в 1927 г., о её результатах докладывал сам Литвинов: «Д.И. Литвинов вернулся 28 июля из ботанической поездки на Волгу. Посещены Жигули и Сакские горы в Самарской и бывш[ей] Симбирской губ. Собран дополнительный материал для издаваемой при его участии Флоры юго-востока Европейской части Союза Республик, также для издаваемого Ботаническим музеем АН "Гербария Русской флоры". Сделаны наблюдения над флорой горных сосняков, представляющих особенность флоры тех мест. Весьма интересно было нахождение в них *Betula oycoviensis* Bess. — формы березы, до сих пор известной только в Ойцовской долине в Польше. 4 авг. 1927 г. Д. Литвинов» (СПФ АРАН. Ф. 72. Оп. 1. Д. 61. Л. 13).

полезного для этого издания и не худо было бы получить его от Вас. Разыскали бы, например, где-нибудь в приморских песках *Melilotus polonicus* L.⁵⁹ = *M. caspica* Grun. В то время, когда Линней назвал так это растение, Польша простиралась от моря и до моря, как это, того гляди, делается и опять, а окр[естности] Одессы суть loc[us] class[icus]⁶⁰ для этого вида, как и для *Triticum polonicum* L.⁶¹!

Из-за невозможности выяснить, что такое представляет собою *Atriplex tatarica* L.⁶², у меня не обработан был материал по этому роду для Herb[arium] Rossicum. Судя по названию, образец Линнея был из башкирских растений «Fl[ora] Tatarica “Heinzellmanna”», а там, по-видимому, растений только *Atriplex laciniata* L.⁶³ Но оба эти линнеевские вида, как говорят видевшие образцы в герб[арии] Линнея, очень сборные, почему их надо похерить. Вот и посылаю Вам проверенный материал, для Вашего «Herbarium manuale»! Но вариации этого облика видов из окр[естностей] Одессы, конечно было бы весьма интересно так или иначе выявить, да и собрать их показательно для издания в нашем Herb[arium] Rossicum...

Жена шлет Вам привет. Жму руку.

Д. Литвинов⁶⁴.

Петроград, 16 мая 1929 г.

Глубокоуважаемый Владимир Ипполитович!

Вообразите, 6 недель пролежал в постели с мучительным рожистым воспалением в ноге, когда-то сломанной в Туркестане⁶⁵. По этой причине осталась непосланной посылка с Вашими растениями. Вчера только, после недавней операции, в первый раз ковылял в Музей. Накопилось множество мелких дел. Завтра или послезавтра посылка будет отправлена.

Привет от жены — душевно преданный Вам Д. Литвинов⁶⁶.

Петроград, 23 июня 1929 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Ипполитович!

Присутствие *Exochorda*⁶⁷ как будто указывает и связь Вашего Сада с Туркестаном, и *Ulmus* в Одессе, судя по присланным его плодам, не туркестанские, а европейские. Сколько знаю, у туркестанских рыльца выходят из разреза вверх плода (рис. 1), у Вашего ж одесского (рис. 2) рыльце как европейского *U. minor* Mill., чего я не видел у туркестанских видов этого рода⁶⁸.

⁵⁹ *Melilotus polonicus* (L.) Pall. — донник польский (сем. Бобовые).

⁶⁰ *Locus classicus* — классическое местонахождение, т. е. географический пункт, указанный автором как место сбора образца растения, использованного им для описания вида.

⁶¹ *Triticum polonicum* L. — пшеница польская (сем. Злаки).

⁶² *Atriplex tatarica* L. — лебеда татарская (сем. Маревые), описана Линнеем по сборам Иоганна Готфрида Гейнцельмана, участника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова (1735–1737).

⁶³ *Atriplex laciniata* L. — лебеда дольчатая; в современных обработках синоним *A. tatarica*.

⁶⁴ СПФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 264. Л. 1–2.

⁶⁵ В фонде Д.И. Литвинова (СПФ АРАН. Ф. 70. Оп. 1) хранятся записки Ю.В. Литвиновой, жены учёного, о его тяжелой предсмертной болезни.

⁶⁶ Там же. Л. 3–4.

⁶⁷ *Exochorda* Lindl. — экзохорда, род семейства розоцветных.

⁶⁸ Д.И. Литвинов описал ряд туркестанских вязов (*Ulmus densa* Litv., *U. androssowi* Litv.) в СРГРФ. Его интересовали особенности и происхождение садовых форм вязов, называемых «нарван», при этом замечательно точны его наблюдения над характером вегетативных частей растений, а также способах их культуры в Средней Азии.

Но *U. minor* Mill. считается кустарником. Возможно, конечно, прививки и Ваши садовники, вероятно, Вам расскажут, как они это делали, а также как получали <...> образцы.

Я всё еще не могу оправиться от болезни. Мало езжу в Музей. Никуда не могу уехать, а надо бы погреться на южном солнце. Имеются ли также ботаники в Одессе, кроме Вас? Что там делается в Университете?

Жму руку. Д. Литвинов

[Приписка другими чернилами]:

Директор⁶⁹ как будто серьезно намерен уйти из нашего Музея будущей осенью. Тогда же будет решаться чудовищный проект соединения⁷⁰ нашего гербария и гербария Ботанического Сада!⁷¹

Благодарности

Я глубоко признателен Рудольфу Владимировичу Камелину за ценные дополнения и Лидии Васильевне Рязановой за портреты Литвинова.

Литература

Анненков Н.Н. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб.: Тип. Имп. АН, 1878. XXI, 645 с.

Гельтман Д.В. Непростое объединение Ботанического сада и Ботанического музея в Ботанический институт // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 35–60.

Батурина М.Г. Периодические и продолжающиеся издания Ботанического института РАН и предшествовавших ему учреждений // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 108–127.

Бекетов А.Н. Геоботаника // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 8: Гальберг—Германий. СПб., 1892. С. 368.

[*Бородин И.П.*] Ботанический музей // Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Ч. 1. С. 133–160.

Буш Н.А. Рецензия на Материалы для ботанико-географического описания Донецкой возвышенности // Труды Ботанического сада Юрьевского университета. 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 42.

Виноградов Н.П., Голицын С.В. Донское Белогорье — новый район сниженных альп Среднерусской возвышенности // Ботанический журнал. 1960. Т. 45. № 4. С. 524–532.

Гороворухина В.А. Дмитрий Иванович Литвинов, ученый и путешественник // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия биологическая. 1981. № 3. С. 40–43.

Городков Б.Н. Дмитрий Иванович Литвинов — путешественник и ботаник // Природа. 1929. № 11. Стлб. 919–926.

Гроссет Г.Э. О возрасте реликтовой флоры равнинной Европейской части СССР // Землеведение. 1935. Т. 37. Вып. 3. С. 185–234.

Доброчаева Д.Н., Мокрицкий Г.П. Владимир Ипполитович Липский. Киев: Наукова думка, 1991. 216 с.

Камелин Р. В. Судьба идей Михаила Григорьевича Попова // Ботанический журнал. 1994. Т. 79. № 8. С. 106–115.

⁶⁹ И.П. Бородин.

⁷⁰ См. об этом: Гельтман, 2014.

⁷¹ СПФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 264. Л. 6.

Кузнецов Н.И. По поводу издания “Flora Rossica” // Труды Ботанического сада Юрьевского университета. 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 34–38; 71–75.

Кузнецов Н.И. Памяти Василия Яковлевича Цингера // Труды Ботанического сада Юрьевского университета. 1902. Т. 8. Вып. 3. С. 204–213.

Еленевский А.Г., Радыгина В.И. О понятии «реликт» и реликтомании в географии растений // Бюллетень МОИП. Отд. Биол. 2002. Т. 107. Вып. 3. С. 39–48.

Летопись Российской Академии наук. СПб.: Наука, 2007. Т. 4. С. 368.

Липский В.И. Дмитрий Иванович Литвинов // Императорский Санкт-Петербургский ботанический Сад за 200 лет его существования. 1913–1915. Ч. 3. С. 340–348.

Липшиц С.Ю. Григорьев Владимир Васильевич // Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. Т. 3: Горницкий–Ищереков. М.: Изд-во МОИП, 1950. С. 42.

Липшиц С.Ю. Литвинов Дмитрий Иванович // Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. Т. 5: Лаасимер–Мюлен. М.: Изд-во МОИП, 1952. С. 141–153 (корректурa неизданного тома. Мемориальный кабинет М.Э. Кирпичникова, БИН РАН).

Литвинов Д.И. Библиография флоры Сибири // Труды Ботанического Музея. 1909. Вып. 5. 458 с.

Литвинов Д.И. Гео-ботанические заметки о флоре Европейской России. М.: Университетская тип., 1891. 123 с.

Литвинов Д.И. О некоторых ботанико-географических соотношениях в нашей флоре. Л., 1927. 15 с.

Литвинов Д.И. О реликтовом характере флоры каменистых склонов Европейской России (Критический очерк). СПб., 1902. 34 с.

Литвинов Д.И. Об окской флоре в Московской губернии. М., 1895. 34 с.

Литвинов Д.И. Сушение растений в сукне // Труды Бюро по прикладной ботанике. 1912. Т. 5. № 1. С. 305–315.

Манойленко К.В. Александр Парфентьевич Бородин. М.: Наука, 2005. 276 с.

Попов М.Г. Основные черты истории развития флоры Средней Азии // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. 1927. Вып. 15. С. 239–292.

Попов М.Г. Род *Cicer* и его виды. К проблеме происхождения средиземноморской флоры // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 1929. Т. 21. № 1. С. 3–240.

Сырейщиков Д.П. Иллюстрированная флора Московской губернии. М.: Изд-во книжного магазина Торгового Дома Лахтин, Сырейщиков и К^о. Ч. 1–4. 1906–1914.

Сытин А.К. Александр Андреевич Бунге. (К 200-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 2004. Т. 89. № 9. С. 1514–1527.

Сытин А.К. Коллекция препаратов цветков и плодов астрагалов А.А. Бунге в гербарии Ботанического института РАН // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. 18. СПб., 2002. С. 80–81.

Талиев В.И. Несколько слов по поводу рецензии г. Буша на мою работу «Материалы для ботанико-географического описания Донецкой возвышенности» // Труды Ботанического сада Юрьевского университета. 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 148–149.

Тюрюканов А.Н., Костенчук Н.А. Происхождение «окской флоры» и биогеоценология // Бюллетень. МОИП. Отд. Биол. 1980, Т. 85. Вып. 3 С. 123–134

Федотова А.А. «Гео-ботанические исследования о черноземе» Ф.И. Рупрехта // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. Вып. 1. С. 22–34.

Федотова А.А. Изучение степной растительности Европейской России (1850–1915): становление геоботаники. Дис. ... канд. биол. наук. СПб., 2012.

Цингер В.Я. Сборник сведений о флоре Средней России. М., 1885. 520 с.

Щербакова А.А. Дмитрий Иванович Литвинов // Н.А. Базилевская, К.И. Мейер, С.С. Станков, А.А. Щербакова. Выдающиеся отечественные ботаники. М.: Учпедгиз, 1957. С. 175–179.

Engler A. Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Pflanzenwelt, insbesondere der Florengebiete seit der Tertiärperiode I. Leipzig: Engelmann, 1879. 202 S.

Bunge A.A. Alexandri Lehmanni reliquiae botanicae // Arbeiten des Naturforscher Vereins zu Riga. 1847. Bd. 1. H. 2. S. 115–253.

Bunge A.A. Generis Astragali species gerontogae. Pars prior. // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St-Petersbourg. 1868. Sér. 7. T. 1. № 16. P. 1–160.

Bunge A.A. Generis Astragali species gerontogae. Pars altera. 1869 // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St-Petersbourg. 1869. T. 15. № 1. P. 1–242.

Bunge A. Pflanzengeographische Betrachtungen über die Familie der Chenopodiaceen // Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St-Petersbourg, 1868. Sér. 7. T. 27. № 8. P. 1–36.

Fleischer J.G. Flora der deutschen Ostseeprovinzen Esth-, Liv- und Kurland. Mitau&Leipzig, 1839. 390 p.

Hehn V. Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Übergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa. Berlin: Gebrüder Borntraeger, 1911. 665 p.

Glehn P. Flora der Umgebung Dorpat. Dorpat, 1860. 88 p.

Güttler N. Das Kosmoskop, Karten und ihre Benutzer in der Pflanzengeographie des 19. Jahrhunderts. Göttingen: Wallstein Verlag, 2014. 576 p.

Nehring A. Über Tundren und Steppen der Jetzt- und Vorzeit, mit besonderer Berücksichtigung ihrer Fauna. Berlin, 1890. 250 p.

Russow E. Flora der Umgebung Reval Dorpat, 1862. 122 p.

Willkomm M.H., Lang J. Prodromus florum hispanicae, seu synopsis methodica omnium plantarum in Hispania sponte nascentium. Vol. 1. Stuttgartiae, 1861. 360 p.

Dmitri Ivanovich Litvinov: Materials for a Biography

ANDREJ K. SYTIN

Komarov Botanical Institute RAS, St. Petersburg, Russia, astragalus@mail.ru

Dmitri Ivanovich Litvinov (1854–1929) was a taxonomist, plant geographer, and also a bibliographer and curator of the Botanical Museum of the Academy of Sciences. He developed a scientific approach for plant geography (theory of relicts), which to a great extent influenced the study of the vegetation of Eastern Europe. The article highlights the discussions between D.I. Litvinov and V.I. Talijev who opposed the theory of relicts with his own concept of anthropogenic factor in transformation of flora. The article is based on the works of D.I. Litvinov and periodicals of his time, and it includes an appendix with the materials of Litvinov's personal fonds from the St. Petersburg Branch of the Archives of the Academy of Sciences.

Keywords: Dmitri I. Litvinov, biography, history of flora, theory of “mountain millet-grass”, relicts, V.I. Talijev, theory of anthropogenic origins of plant communities.

Непростое объединение Ботанического сада и Ботанического музея в Ботанический институт

Д.В. ГЕЛЬТМАН

Ботанический институт им. В.Л. Комарова, Санкт-Петербург, Россия;
geltman@binran.ru

Ботанический институт им. В. Л. Комарова АН СССР был создан в 1931 г. в результате объединения Ботанического сада АН СССР и Ботанического музея АН СССР — учреждений, имевших собственную длительную историю и традиции. В статье рассматриваются детали процесса этого объединения, вводится в научный оборот ряд источников. Анализ документов показывает, что раздельное существование сада и музея вполне устраивало большую часть научных сотрудников этих учреждений и лишь немногие поддерживали идею их полного слияния — такую точку зрения наиболее последовательно отстаивал только В.П. Савич. На короткое время (1930 — начало 1931 г.) возобладала точка зрения, что следует создать некую ассоциацию ботанических учреждений, но они должны сохранить бюджетную самостоятельность и остаться на своих исторических местах. Однако (скорее всего, не без давления «сверху») было принято решение о полном слиянии Ботанического сада и Ботанического музея, которое в итоге оказалось оправданным.

Ключевые слова: Ботанический институт им. В.Л. Комарова, Ботанический сад, Ботанический музей, Академия наук СССР, реорганизация.

Общеизвестно, что Ботанический институт им. В.Л. Комарова Российской академии наук (БИН РАН) в своем нынешнем статусе был создан в 1931 г. как Ботанический институт АН СССР в результате объединения Ботанического сада АН СССР и Ботанического музея АН СССР (Келлер, 1934; От Аптекарского огорода... 1957; Федоров, 1964; Липшиц, Васильченко, 1968 и др.). Однако сам процесс этого объединения и события, ему предшествовавшие, историками науки детально не рассматривались. Цель настоящей статьи — в какой-то мере восполнить этот пробел.

Ботанический сад и Ботанический музей

С 1823 по 1931 г. в Санкт-Петербурге—Петрограде—Ленинграде существовали два крупных ботанических учреждения: Ботанический сад (на Аптекарском острове) и Ботанический музей (на Васильевском острове).

Ботанический сад вёл свою историю от Аптекарского огорода, основанного в 1714 г. по указу Петра I¹. В XVIII в. назывался также Аптекарским садом и Медицинским садом, в начале XIX в. стал Ботаническим садом Медико-хирургической

¹ Датой основания Аптекарского огорода считается 11 февраля 1714 г. (по старому стилю), что подтверждается записью о соответствующем указе Петра I в документах Медицинской канцелярии за 1739 г. (см. подробнее: Липский, 1913). Возможно, Аптекарский огород существовал и ранее, уже в 1713 г. но это пока не подтверждается документально. К сожалению, основные документы Медицинской канцелярии были уничтожены

академии² (ныне — Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова). В 1823 г. на его основе был создан Императорский ботанический сад³, который сначала подчинялся Министерству внутренних дел, с 1830 г. — Министерству императорского двора, а с 1863 г. — Министерству государственных имуществ⁴. В 1907–1908 гг. обсуждался вопрос о передаче сада в ведение Академии наук, что, однако, вызвало резкий протест его руководства и сотрудников (Вага, 1959). С 1918 г. именовался Главным ботаническим садом РСФСР, с 1925 г. — Главным ботаническим садом СССР, входил в систему Народного комиссариата земледелия РСФСР. В 1930 г. он был передан в подчинение Академии наук СССР⁵.

К концу 1920-х гг. сад представлял собой многопрофильное ботаническое учреждение, в состав которого, согласно положению 1927 г. (Положение... 1927) входили следующие отделы: живых растений, Гербарий (отдел систематики и географии растений), споровых растений, физиологии растений, фитопатологии, семеноведения, акклиматизации, геоботаники, микробиологии, а также музей и библиотека⁶. В саду работали около 70 научных и 50 научно-технических работников, порядка 150 садовников и рабочих.

С марта 1917 по январь 1930 г. директором сада был Б.Л. Исаченко⁷; после него во главе сада некоторое время стоял Д.В. Васильев⁸. 2 октября 1930 г., уже после передачи сада

при пожаре в 1737 г., что затрудняет точное определение даты создания Аптекарского огорода и изучение его ранней истории.

² Есть основания полагать, что фактически сад использовался как учебное учреждение Медико-хирургической академии с момента ее основания в 1798 г., однако документы об этом нам неизвестны, к тому же и сама академия до 1806 г. не имела специального документа, регулирующего её деятельность. В первом «Положении для Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии», утверждённом в 1806 г. Ботанический сад числится среди «разных учебных пособий», принадлежащих академии. В 1808 г. академия становится императорской и получает детальный Устав; в его § 7 указано, что «академии, по обоим отделениям, принадлежат: <...> два ботанических сада» (т. е. в Санкт-Петербурге и Москве) (Приложения к истории... 1898, с. 29, 34).

³ Высочайше утверждённый доклад управляющим Министерством внутренних дел «Об устройстве Ботанического сада на Аптекарском острове, с наименованием его Императорским» от 22 марта 1823 г. (Полное собрание законов Российской Империи. Т. 38. № 39.377).

⁴ Министерство государственных имуществ было учреждено в 1837 г. и в числе прочего ведало вопросами сельского хозяйства. В 1894 г. оно было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ, в 1906 г. — в Главное управление землеустройства и земледелия, в 1915 г. — в Министерство земледелия.

⁵ Об истории сада см. подробнее: Траутфеттер, 1873; Липский, 1913; Бобров, 1957а; Липшиц, Васильченко, 1968.

⁶ Отдел микробиологии фактически не работал. Отдел акклиматизации представлял собой отделение сада на Выборгской стороне — бывший «Помологический сад д-ра Э.Л. Регеля и Я. Кессельринга» (см. о нём: Федотова, 2011).

⁷ Исаченко Борис Лаврентьевич (1871–1948) — ботаник, микробиолог, специалист по биологии семян. Директор Главного ботанического сада РСФСР (СССР) в 1917–1930 гг. Подробнее о нём: Мишустин, 1949; Борис Лаврентьевич Исаченко, 1951.

⁸ Васильев Дмитрий Васильевич (1885–?) — директор Ботанического сада в феврале–декабре 1930 г., помощник директора по хозяйственной части в январе–сентябре 1931 г. Трудовую деятельность начал чернорабочим. В 1907–1910 гг. — на действительной военной службе, в 1914–1917 гг. — на фронтах Первой мировой войны, в 1919–1921 гг. — в Красной Армии. Член партии большевиков с 1918 г. В 1917–1919 гг. и 1921–1929 гг. — на советской

в Академию наук директором был избран Б.А. Келлер⁹, незадолго до этого вступивший в ВКП(б) и оказавшийся в числе первой группы академиков — членов партии. Однако к делам он приступил только 1 февраля 1931 г.¹⁰, после избрания действительным членом АН СССР. Следует отметить, что В.Л. Комаров¹¹, во второй половине 1920-х гг. сделавший стремительную карьеру в Академии наук, был заведующим отделом живых растений сада, одно время — помощником (заместителем) директора, но директором не стал.

История Ботанического музея Академии наук восходит к коллекциям Кунсткамеры. Их ботаническая часть (сравнительно небольшая, уцелевшая после пожаров и наводнений XVIII в.) в 1824 г. (возможно, в 1823 г.) была выделена в самостоятельную единицу, что традиционно считается датой созданием Ботанического музея Императорской Академии наук, хотя соответствующий официальный документ до сих пор не найден¹². До 1900 г. штат музея был ограничен академиком по ботанике и 1–2 хранителями. Надо отметить, что экспозиции, открытой для публики, в музее на Васильевском острове никогда не было, она была как раз в Ботаническом саду, который имел свой музей, открытый для посетителей (Рупрехт, 1864; Бородин, 1917; Ботанический музей, 1925; Бобров, 1957б).

работе, в основном в земельных комитетах и учреждениях Народного комиссариата земледелия. В сентябре 1931 г. отозван в распоряжение Петроградского райкома ВКП(б). (СПФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 32). Дальнейшая его судьба нам пока неизвестна.

⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1 (1930). Д. 254. Л. 45. Келлер Борис Александрович (1874–1945) — геоботаник, эколог, почвовед. В описываемый период — директор Ботанического сада АН СССР (1930–1931), затем — директор Ботанического института АН СССР (1931–1937). Подробнее о нём: Лейсле, 1949; Борис Александрович... 1946.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1931). Д. 82. Л. 44.

¹¹ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — флорист, систематик, ботанико-географ, организатор науки. В описываемый период — и. о. постоянного секретаря (1929–1930) и вице-президент (1930–1936) АН СССР, заведующий отделом живых растений Ботанического сада (1918–1931), директор Ботанического музея АН СССР (1930–1931). Подробнее см.: Ильинский, 1944; Владимир Леонтьевич... 1946; Липшиц, 1972; Савина, 2005 и др.

¹² Скорее всего, его и не было. 1824 г. как год основания Ботанического музея приводит Рупрехт (1864). В целом до конца 1820-х гг. в протоколах заседаний Академии наук выражение «Ботанический музей» не встречается, равно как и другие коллекции Академии не называются музеями. По мнению А.В. Смирнова, первое упоминание об отдельном помещении для ботанических коллекций и книг было сделано в заседании Конференции 25 мая 1825 г.: «Mr. l'Académicien Trinius représenta à la Conférence parécrit la nécessité d'assigner aux herbiers de l'Academie, qui se trouvent entassés pèle-mêle dans un coin du grénier de la maison académique, un local convenable et asez spacieux pour recevoir les accroisseinens succesoifs de plantes sêches que la collection pourra acquèrir par la suite». Триниус также просил переместить в это же помещение книги по ботанике из академической библиотеки. Просьба была сочтена справедливой, и Конференция вынесла резолюцию поручить администрации выделить место для гербария (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 36. Л. 52–52 об.). Пока самым ранним упоминанием в документах Академии наук самостоятельного музея является отчёт академика Петра Андреевича Загорского (1764–1846) от 12 ноября 1828 г. о состоянии Анатомического музея (Летопись... т. 2, 2002, с. 206). В заседании 10 марта 1830 г. впервые упомянуто выражение «Ботанический музей», когда речь идёт о консерваторе Ботанического музея (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 43. Л. 40; Смирнов, 2011).

Только с начала XX в. благодаря деятельности С.И. Коржинского¹³, а особенно И.П. Бородина¹⁴ число сотрудников музея заметно выросло¹⁵. К концу 1920-х гг. в нём работало около 20 человек, включая 10–12 научных сотрудников — систематиков (высших и низших растений) и геоботаников, а также технический и административный персонал. Директором музея с 1902 г. был И.П. Бородин, а после его смерти 5 марта 1930 г. эту должность занял В.Л. Комаров, сохранивший и заведование отделом живых растений Ботанического сада.

В XIX — начале XX в. оба учреждения внесли большой вклад в познание флоры России и зарубежных стран, в них были накоплены ценнейшие ботанические коллекции. Во взаимоотношениях сада и музея были элементы как сотрудничества, так и конкуренции. Нередко ботаники работали в двух учреждениях, например Ф.И. Рупрехт (директор музея в 1855–1870 гг.) был в 1851–1855 гг. помощником директора сада, а в 1867–1870 гг. — членом его совета. К.И. Максимович (директор музея в 1870–1891 гг.) в 1869–1891 гг. был главным ботаником сада (ранее — консерватором)¹⁶. В начале XX в. оба учреждения предприняли издание крупных сводок, задачи которых в известной мере пересекались: сад готовил «Флору Азиатской России», музей — «Флору Сибири и Дальнего Востока». Издание обеих «Флор» шло медленно, и в итоге ни та, ни другая не были завершены. Было издано 13 выпусков «Флоры Азиатской России»¹⁷ и 6 — «Флоры Сибири и Дальнего Востока»¹⁸.

Объединение или координация деятельности?

Поскольку параллелизм в работе Ботанического сада и Ботанического музея был очевиден, обсуждение вопросов о координации их деятельности и даже возможном объединении коллекций началось вскоре после окончания Гражданской войны, когда новая власть начала проводить инвентаризацию доставшихся ей научных учреждений. В конце октября 1924 г. Всесоюзный центральный исполнительный Комитет (ВЦИК), рассматривая список научных учреждений, имеющих общесоюзное значение, предложил включить в такой список и Главный ботанический сад. В связи с этим Народный комиссариат просвещения, в ведении которого находились научные учреждения, в том числе и Академия наук, посчитал, что «Ботанический сад с его музеем и гербарием необхо-

¹³ Коржинский Сергей Иванович (1861–1900) — флорист, систематик, ботанико-географ. Главный ботаник Императорского ботанического сада (1892–1899), директор Ботанического музея Академии наук (1896–1890). Подробнее: Воронов, 1961, Сытин, Федотова, 2011.

¹⁴ Бородин Иван Парфеньевич (1847–1930) — ботаник, физиолог, анатом, систематик, общественный деятель. Директор Ботанического музея Академии наук (1902–1930). Подробнее о нём см.: Маноюленко, 2005.

¹⁵ Об увеличении штатов Ботанического музея, происходившем наряду с общим ростом востребованности ботаников в начале XX в., см.: Федотова, 2007.

¹⁶ Максимович Карл Иванович (1827–1891) — ботаник, путешественник, исследователь Восточной Азии. Подробнее о нём: Грубов, 1991.

¹⁷ Ещё 3 выпуска было издано в рамках новой серии «Флора России, издаваемая Главным ботаническим садом. Сер. 1. Флора Азиатской России».

¹⁸ Флора Сибири и Дальнего Востока, издаваемая Ботаническим музеем Академии наук. Вып. 1–6. СПб. / Пг. / Л., 1913–1931.

димо слить с музеем и гербарием при Академии наук и передать в ведение Наркомпроса». Организационный отдел ВЦИК запросил мнение Ленинградского губисполкома, а Ленинградское отделение Главнауки¹⁹ (подразделение Наркомпроса) — Академию наук²⁰.

Академия ответила, что данный «внезапно поднявшийся вопрос <...> требует для правильного разрешения указания тех форм, в которых могло бы без ущерба для работы обоих учреждений совершиться их объединение». Предлагалось создать при академии особый комитет из представителей сада и музея, а также других заинтересованных организаций, который бы ведал научной стороной деятельности обоих учреждений. Отмечалось, что «слияние в настоящее время обоих гербариев в один не вызывается, с одной стороны, никакой необходимостью, а с другой — фактически невозможно, т. к. ни в Ботаническом саду, ни в Академии нет помещений, которые смогли бы поместить объединенные гербарии»²¹. Этот вопрос обсуждался 29 октября 1924 г. на собрании Отделения физико-математических наук²².

Судя по дальнейшему развитию событий, точка зрения Академии наук была принята, так как Главнаука предлагала создать упомянутый особый комитет²³, а Отделение физико-математических наук на заседании 4 марта 1925 г. приняло решение образовать для проведения в жизнь этого вопроса особую комиссию²⁴.

Вопрос об объединении сада и музея был снова поднят в начале 1928 г., когда Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 13 марта 1928 г. о составе научных учреждений АН СССР Академии наук было предложено представить Совнаркому свои соображения о целесообразности объединения Ботанического музея Академии наук с Главным ботаническим садом²⁵. Скорее всего, в связи с реализацией этого постановления, для комиссии Академии наук по вопросу о новых учреждениях академии и о положениях для академических учреждений в апреле 1928 г. (точная дата не указана) был подготовлен специальный документ «О параллелизме в деятельности Ботанического музея Академии наук и Главного ботанического сада»²⁶ (см. прил. 1). Поскольку в решении указанной комиссии записано «по вопросу о Ботаническом саду и Ботаническом музее просить академиков И.П. Бородин и В.Л. Комарова образовать соответствующую комиссию для доклада затем в ФМО»²⁷, возможно, они и были его авторами.

В документе рассмотрены доводы «за» и «против» объединения гербарных коллекций сада и музея. Среди доводов «за» основными были разделение коллекций, необходимость для приезжающих ботаников посещать два гербария в разных концах города, получение одинаковых дублетов обоими учреждениями, наконец, отсутствие координации научной деятельности. Среди доводов «против» основным была названа угроза всем коллекциями при какой-либо катастрофе в случае их перемещения в одно здание, а также ряд соображений «персонального характера», как дипломатично сказано в документе. Делался вывод, что объединенное учреждение, которое должно заниматься

¹⁹ Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1924). Д. 29. Л. 5–7.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1924). Д. 1. Л. 491.

²² Известия Российской Академии наук. Сер. VI. 1924. Т. 18. С. 606.

²³ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1925). Д. 15. Л. 4.

²⁴ Известия Академии наук СССР. Сер. VI. 1925. Т. 19. С. 913.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1928). Д. 40. Л. 4–5.

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 111. Л. 2–7.

²⁷ Там же. Л. 1.

вопросами систематики и географии растений, должно войти в состав Академии наук, при этом вхождение в его состав других отделов Ботанического сада, не связанных с гербарными коллекциями, не рассматривалось.

Авторы документа, склоняясь к идее объединения (в предложенной ими форме), ставили вопрос о его своевременности, в том числе о возможности найти место для объединенных коллекций. Отмечалось, что здание гербария сада может вместить значительно больше коллекций, если будет возможно перевести библиотеку, занимающую первый этаж, в другое помещение. Без выполнения этого условия объединение проводить не рекомендовалось. Забегая вперед, отметим, что в итоге объединение произошло без вывода библиотеки; более того, помещения гербария и библиотеки не расширены до сих пор.

Выводы, содержащиеся в этом документе (в ещё более осторожной форме), были положены в основу письма неперменного секретаря академии в Совнарком, подготовленном в мае 1928 г.²⁸ Академия опять не поддержала идею объединения (хотя признавала параллелизм в деятельности гербарных коллекций сада и музея) и предлагала: (1) передать Главный ботанический сад из ведения Наркомзема РСФСР в прямое подчинение Совнаркома СССР, (2) для объединения научной деятельности сада с академией создать специальный комитет, (3) Ботанический музей преобразовать в Лабораторию систематики и морфологии растений, (4) передать часть коллекций музея, имеющую чисто музейное значение, в сад. Немедленного объединения опять удалось избежать.

В 1928–1930 гг. Академии наук пришлось столкнуться со всё более возрастающим давлением властей, затрагивавшим самые различные аспекты её деятельности — от персонального состава до направлений исследований и их практической значимости (Колчинский, 2003). Детальный анализ этих событий выходит за рамки данной работы. Следует, однако, отметить, что Ботанический музей, в котором, конечно, уже наблюдались элементы «советизации», по-видимому, был затронут этим давлением не столь уж значительно, по крайней мере, не в такой степени, как, например, Зоологический музей, где директор А.А. Бялыницкий-Бируля был вынужден покинуть свой пост, а затем был арестован и осуждён по «академическому делу»²⁹. Во всяком случае, нам пока неизвестны материалы, где бы под объединение сада и музея подводилась какая-либо идеологическая база.

С 1926 г. стал обсуждаться вопрос о передаче Ботанического сада от Народного комиссариата земледелия в ведомство, более подходящее по профилю. В итоге он был передан в Академию наук СССР, но, судя по всему, были и другие варианты. Так, В.Л. Комаров на заседании совета сада 8 марта 1930 г. отмечал, что «мы еще не знаем, к какому ведомству нас отнесут»³⁰. По-видимому, рассматривалась и возможность передачи сада в ведение Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), во всяком случае, на отчётном партийном собрании сада 25 апреля 1930 г. отмечалось что «со стороны коллектива партии много было уделено внимания и усилий в вопросе присоединения Ботсада к Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина»³¹; соответствующий

²⁸ СПФ АРАН. Оп. 1 (1928). Д. 140. Л. 42–45. Не вполне ясно, было ли это письмо отправлено.

²⁹ См.: Слепкина, 2008; о Бируле см. также: Сухова, 2014.

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 6.

³¹ Центральный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 393. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

вопрос (с какой академией надо было «сливаться») был задан в 1933 г. В.П. Савичу³² — заместителю директора уже объединенного Ботанического института во время собрания по проведению чистки партии³³. В 1926 г. Главный ботанический сад СССР в связи с проверкой, проводимой Рабоче-Крестьянской инспекцией, запрашивал Государственный институт опытной агрономии (ГИОА)³⁴ о связях сада с сельскохозяйственными учреждениями и возможных вариантах своей ведомственной принадлежности. В ответах, подписанных А.А. Ячевским³⁵ и К.А. Фляксбергером³⁶, отмечалось, что наилучшим вариантом является присоединение сада к АН СССР³⁷. Такая рекомендация в итоге и была дана по результатам этой проверки (Научная хроника, 1927).

Ботанический сад был передан в ведение Академии наук решением Совета народных комиссаров РСФСР от 15 мая 1930 г.³⁸ После этого то, что сад и музей должны быть каким-то образом объединены, принципиальных возражений ни у кого не вызвало. Вопрос стоял о форме такого объединения. На короткое время (1930 — начало 1931 г.) возобладала точка зрения, что следует создать некую ассоциацию ботанических учреждений, но они должны сохранить бюджетную самостоятельность и остаться на своих исторических местах.

4 апреля 1930 г. общее собрание Академии наук утвердило новую структуру учреждений, в которой появился и такой уровень объединения, как «институт». Его смысл был совсем иной, чем сейчас. Это была ассоциация, призванная координировать работу входящих в неё учреждений. Был создан и Ботанический институт (БИН) в составе Ботанического музея, Ботанического сада (с пометкой «в случае передачи его в АН») и Лесного музея³⁹. Позже в состав института вошла ещё и Лаборатория биохимии и физиологии

³² Савич Всеволод Павлович (1885–1972) — специалист по низшим растения, преимущественно лишайнологу. В описываемый период — учёный секретарь Ботанического сада, в 1932–1937 гг. — заместитель директора Ботанического института. Подробнее о нём см.: Голлербах, Полянский (1955); Голубкова (1972).

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 393. Оп. 1. Д. 35. Л. 52–54.

³⁴ Создан в 1922 г. на базе Сельскохозяйственного учёного комитета Народного комиссариата земледелия (СХУК, в дореволюционный период — Учёный комитет сельскохозяйственного ведомства). В течение 1920-х гг. почти каждый из отделов ГИОА претерпел несколько преобразований и к 1930 г. на их базе была создана ВАСХНИЛ (см.: Гончаров, 2012). Вопрос о создании ВАСХНИЛ на базе структур СХУК остается малоизученным, хотя некоторые сведения об этих преобразованиях обобщены Э.И. Колчинским и А.А. Федотовой в словаре «Биология в Санкт-Петербурге» (2011). Источники о преобразовании ГИОА в ВАСХНИЛ см. также: Р.Э. Регель... 2012.

³⁵ Ячевский Артур Артурович (1863–1932) — миколог, фитопатолог. В описываемый период — руководитель Отдела микологии и фитопатологии ГИОА, позже вошедших в состав Всесоюзного института защиты растений. Являлся также председателем ботанической секции Госплана. Подробнее о нём см.: Горленко, 1953; Артур Артурович... 1964.

³⁶ Фляксбергер Константин Андреевич (1880–1942) — специалист по культурным растениям. В описываемый период — сотрудник Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (позже — Всесоюзного института растениеводства). Подробнее о нём см.: Руденко, 1981; Гончаров, 2013.

³⁷ Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга. Ф. 179. Оп. 1–1. Д. 478. Л. 5–7, 10. В данный момент нами обнаружено только два ответа на запрос, который был разослан как минимум в пяти копиях.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 144. Л. 15.

³⁹ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 (1930). Д. 254. Л. 18.

растений (ЛАБИФР)⁴⁰, а Лесной музей⁴¹ как составная часть БИНа уже не упоминался. Директором этого БИНа был назначен В.Л. Комаров, секретарем — Б.К. Шишкин⁴², административную поддержку осуществлял Ботанический музей.

Скорее всего, решение о создании такого объединения долгое время оставалось на бумаге, так как лишь в декабре 1930 г. началась переписка о создании его учёного совета⁴³. Неизвестно, собирался ли этот совет хотя бы раз. По-видимому, реально функционировало Бюро БИНа в составе В.Л. Комарова, Б.А. Келлера и Б.К. Шишкина. Во всяком случае, именно этот орган 19 января 1931 г. обсуждал вопрос о созыве конференции геоботаников и флористов и обращался в АН СССР с соответствующей просьбой⁴⁴.

В октябре—ноябре 1930 г. был проведён ряд совещаний, посвящённых координации работ Ботанического сада и Ботанического музея⁴⁵. Так, из протокола заседания комиссии по данному вопросу, состоявшегося 27 октября 1930 г.⁴⁶ (прил. 2), видно, что большинство её членов придерживалось точки зрения о необходимости продолжения раздельного существования сада и музея, возможно, лишь с некоторым изменением тематики и перераспределением штата. «Ботанический институт» упоминался только как некое объединение трех учреждений. В качестве мер по координации, например, предлагалось передать музей Ботанического сада в состав Ботанического музея и создать экспозицию на территории последнего (где ее никогда не было), сконцентрировать в музее всю геоботанику (или даже создать отдельный геоботанический институт), а изучение низших растений — в саду, и т.п. Создается впечатление, что участники совещания стремились найти варианты каких-то ритуальных действий, которые удовлетворили бы вышестоящие органы, но при этом все бы осталось на своих местах. Сторонники полного слияния сада и музея были в явном меньшинстве, такую точку зрения на упомянутом совещании последовательно отстаивал только В.П. Савич — тогда учёный секретарь Ботанического сада⁴⁷.

На другом совещании, посвящённом координации работ в области систематики и геоботаники, состоявшемся 30 октября — 1 ноября 1930 г., были достигнуты договорённости о передаче части гербария Ботанического музея в Ботанический сад, при

⁴⁰ Основана в 1890 г. как Лаборатория по анатомии и физиологии растений Академии наук. С 1925 г. — Лаборатория биологии и физиологии растений АН СССР, в 1934 г. переведена в Москву и преобразована в Институт физиологии растений АН СССР.

⁴¹ Лесной музей создан в 1920 г. при Промышленно-географическом отделении Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). В 1930 г. на его основе образован Институт по изучению леса АН СССР, который в 1933 г. был ликвидирован.

⁴² Шишкин Борис Константинович (1886—1963) — систематик, флорист. В описываемый период — старший ботаник Ботанического музея, позже — директор Ботанического института (1938—1949). Подробнее: Яковлев, Смирнов, 1963; Грубов, 1987.

⁴³ СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 702. Л. 58, 83.

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 72. Оп. 1. Ед хр. 24. Л. 33.

⁴⁵ В записке, посвящённой работе Ботанического института, В.П. Савич отмечал, что с созывом совещания руководство Ботанического музея специально тянуло до отъезда директора Ботанического сада в отпуск (Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 1).

⁴⁶ Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 22. Д. 30. Л. 4—7.

⁴⁷ В Ботаническом музее, по мнению Савича, «только три человека <...> имеют мужество высказываться за полное слияние с садом: ученый секретарь А.И. Толмачев, ст. ботаник проф. В.Г. Траншель и ботаник [Л.М.] Савич-Любичкая» (Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3).

этом отдельные коллекции, по крайней мере справочного характера, в Ботаническом музее сохранялись⁴⁸. В ноябре—декабре 1930 г. геоботаниками Ботанического музея был подготовлен детальный проект самостоятельного Геоботанического института, который предусматривал концентрацию в нем геоботаников как музея, так и сада; в его структуре предполагалось наличие не только собственно геоботанических подразделений, но и гербария⁴⁹. Этот проект встретил резкое возражение в Ботаническом саду, в том числе среди его геоботаников⁵⁰ (в саду работали Н.И. Кузнецов, О.С. Полянская, Н.М. Савич, О.А. Смирнова, Ю.Д. Цинзерлинг, А.П. Шенников, Е.В. Шифферс).

По-видимому, в феврале—марте 1931 г. «Ботанический институт» был заменен Ботанической ассоциацией (БАС). Документов о принятии этого решения пока не обнаружено, но в протоколе заседания Отделения математических и естественных наук Академии наук от 1 марта 1931 г., наряду с биологической и зоологической, упомянута и ботаническая ассоциация⁵¹.

Как уже отмечалось, наиболее последовательно идею о полном слиянии сада и музея отстаивал В.П. Савич. Он отмечал, что после принятия принципиального решения о передаче Ботанического сада в АН СССР «сад немедленно начал подготовку к реорганизации, не мысля ее в другой плоскости как полное слияние с Ботаническим музеем, так как иначе отпадал бы главный аргумент за соединение сада с академией»⁵². Сотрудниками Ботанического сада был подготовлен проект положения о Ботаническом институте и Ботаническом саду при АН СССР (БИБС)⁵³. По словам Савича, в подготовке этого документа участвовали и представители музея, многие высказывались за объединение, а его противники молчали, «так как в таком совещании их легко было разбить»; за объединение тогда высказывался и В.Л. Комаров. Проект о создании БИБСа был отослан в Совнарком и ВЦИК «перед самой передачей сада в АН», то есть в апреле 1930 г.⁵⁴ Ответа сад не получил, а вместо него появилось решение о «Ботаническом институте». По мнению Савича, «под видом объединения на самом деле сохранялся старый порядок во имя "спасения учреждения"»⁵⁵.

На пути к объединению

Предложения о полном слиянии сада и музея обсуждались на первой конференции геоботаников и флористов в феврале—марте 1931 г. и были ею поддержаны. Это дало основание Ботаническому саду разработать новый проект слияния учреждений и обратиться в Академию наук СССР с просьбой рассмотреть этот вопрос на общем собрании (прил. 3)⁵⁶. Интересно, что авторы этого документа Б.А. Келлер и В.П. Савич ссылаются на некий план В.Л. Комарова от 21 апреля 1930 г. о полном объединении

⁴⁸ Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 22. Д. 30. Л. 11—12.

⁴⁹ Там же. Л. 16—22.

⁵⁰ Там же. Л. 23—26.

⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 72. Оп. 1. Д. 24. Л. 31

⁵² Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

⁵³ Там же. Ф. 273. Оп. 22. Д. 30. Л. 27—29.

⁵⁴ Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1931). Д. 5. Л. 51.

сада и музея. К сожалению, этот документ пока не обнаружен⁵⁷, хотя можно предположить, что имеется в виду упомянутый выше проект о создании БИБС, который первоначально поддерживался Комаровым. Скорее всего, Комаров действительно ранее одобрял такой план, рассчитывая встать во главе Ботанического сада и затем — объединенного учреждения, но изменил свою точку зрения после того, как директором Ботанического сада стал Б.А. Келлер⁵⁸.

Проект объединения, судя по всему, был встречен настороженно, о чём свидетельствует конфликт на заседании Биологической группы академии 31 марта 1931 г. Директор Ботанического сада Б.А. Келлер начал зачитывать план работы своего учреждения, отметив, что он составлен с учетом того, что сад объединяется с Ботаническим музеем. Это вызвало возражения В.Л. Комарова, который заявил, что этот вопрос ещё не обсуждался Ботанической ассоциацией. После этого Келлер прекратил зачитывать документ. Несмотря на указания В.Л. Комарова, Н.А. Буша⁵⁹ и Н.И. Вавилова⁶⁰, что план сада следует зачитать, Келлер отказался это сделать и заявил, что план без учёта реорганизации ботанических учреждений не может быть доложен. В итоге по предложению Вавилова и Е.М. Пружанской⁶¹ (секретаря Биологической группы) было решено собрать 1 апреля комиссию для рассмотрения проекта реорганизации ботанических учреждений⁶².

Каких-либо документов этой комиссии пока не обнаружено. Однако ясно, что в середине апреля произошел некий перелом, скорее всего, не без влияния вышестоящих

⁵⁷ А.В. Кольцов (1972, с. 19) отмечает, что мысль об объединении сада и музея «получила обоснование в записке академика В.Л. Комарова, составленной в апреле 1930 г.», ссылаясь на СПФ АРАН (Ф. 2. Оп. 1 (1931). Д. 5. Л. 51). Однако в указанном деле находится документ, приведённый здесь в приложении 3, а не сам план Комарова или какая-либо его записка.

⁵⁸ Савич так описывал роль В.Л. Комарова в происходящих событиях: «За кулисами шла большая подготовка и нажим на академика Комарова, легко поддающегося воздействию при сильном нажиме, да и, кроме того, выяснилось желание сада иметь директором партийца и, во всяком случае, не академика Комарова, негодного в директора саду, где нужен сильный товарищ и объективно смотрящий на вещи, а не сильно личный в административном отношении работник, каким является ак[адемик] Комаров. Последнее обстоятельство тоже сыграло свою роль, так как ни для кого не секрет, что акад. Комаров всегда стремился быть директором сада и еще ранее был конкурентом бывшего директора Исаченко. Вот из желания сохранить за собой руководство садом и также в своих руках ботаническое учреждение и был им придуман проект нового Ботанического института, воспользовавшись общей тенденцией АН объединять свои лаборатории и музеи в институты» (Архив БИН РАН, Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3).

⁵⁹ Буш Николай Адольфович (1869–1941) — систематик, флорист, исследователь растительного мира Кавказа. В описываемый период — старший ботаник Ботанического музея, член-корреспондент Академии наук. Подробнее о нём см.: Шенников, 1952, Корчагин, 1969.

⁶⁰ Вавилов Николай Иванович (1887–1943) — ботаник, географ, специалист по культурным растениям, генетик, организатор науки, общественный деятель. В описываемый период — президент ВАСХНИЛ, директор Всесоюзного института растениеводства, заведующий Лабораторией генетики АН СССР, действительный член АН СССР. Подробнее о нём см.: Бахтеев, 1987; Kolchynsky, 2001; Гончаров, 2014 и др.

⁶¹ Пружанская Елена Моисеевна (1903–1937) — секретарь биологической группы АН СССР, затем — работник Биомедгиза и Московского института философии, литературы и искусства. Арестована в 1936 г., приговорена к 10 годам лагерей, в 1937 г. по новому обвинению расстреляна.

⁶² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1931). Д. 29. Л. 33–34

органов. В результате 26 апреля 1931 г. Биологическая группа, а затем Отделение математических и естественных наук (ОМЕН) АН СССР без каких-либо дискуссий приняли решения о слиянии Ботанического сада и Ботанического музея⁶³. 27 апреля такое же решение было принято Общим собранием АН СССР⁶⁴, и именно оно юридически положило начало деятельности нового учреждения, которое было решено назвать «Институт ботаники» (возможно, чтобы не путать с недолго просуществовавшим «Ботаническим институтом»). 28 апреля Общее собрание утвердило положение об институте, задачей которого провозглашались научная разработка всех разделов ботаники и широкая популяризация ботанических знаний в тесной связи с задачами соцстроительства⁶⁵. В этом документе также шла речь об «Институте ботаники», хотя его сокращённым наименованием было «БИН».

18 мая 1931 г. решение АН СССР было утверждено Президиумом Комитета по заведыванию учёными и учебными учреждениями Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР, а 8 июня — Президиумом ЦИК. Таким образом, решения Академии наук СССР были одобрены и органами государственной власти.

До начала октября 1931 г. сад и музей продолжали раздельное существование. Фактическое объединение началось в октябре 1931 г., когда Общее собрание АН СССР назначило директором института Б.А. Келлера. По-видимому, и в этот период были некоторые попытки предотвратить полное слияние двух учреждений. Позже Келлер отмечал:

«в конце 1931 г. при яростном сопротивлении члена-корреспондента Академии наук Н.А. Буша и особенно его жены⁶⁶, при явном нежелании академика В.Л. Комарова удалось добиться слияния Ботанического сада и Ботанического музея в единый Ботанический институт»⁶⁷.

Первые шаги по объединению

Практические шаги по объединению сада и музея были сделаны после назначения Б.А. Келлера на должность директора объединённого учреждения решением общего собрания АН СССР 6 октября 1931 г. Приказом № 132 от 11 октября 1931 г. было объявлено о создании Ботанического института (а не Института ботаники)⁶⁸. Как саду, так и музею предписывалось сдать все печати и бланки, назначалась специальная комиссия для приема бывшего Ботанического музея, его сотрудникам предписывалось оставаться на своих местах до особого распоряжения. Этим же приказом В.Л. Комаров был освобождён от обязанностей заведующего отделом живых растений и назначен заведующим

⁶³ Там же. Ф. 1. Оп. 1 (1931). Д. 258. Л. 29.

⁶⁴ Там же. Д. 257. Л. 16.

⁶⁵ Там же. Л. 27–29.

⁶⁶ Буш Елизавета Александровна (1886–1960) — флорист, систематик, исследователь растительного мира Кавказа. Жена Н.А. Буша. В описываемый период — ботаник Ботанического музея. В.П. Савич называл ее «негласным хозяйном Музея АН» (Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3). Подробнее о ней см.: Семенова-Тян-Шанская и др., 1963.

⁶⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1477. Л. 96.

⁶⁸ СПФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1(1931). Д. 35. Л. 51–52.

Гербарием (отделом систематики и географии растений) вместо Б.А. Федченко⁶⁹. Заведующим отделом живых растений стал А.П. Ильинский⁷⁰.

Хотя документы Академии наук предусматривали объединение Ботанического сада и Ботанического музея в единый институт, фактически этот процесс происходил в форме присоединения музея к саду, что было вполне оправдано, так как численность работников сада заметно превышала штаты музея. Даже нумерация приказов нового учреждения продолжала таковую Ботанического сада.

Сотрудники музея в октябре–ноябре 1931 г. были переведены в соответствующие отделы сада (теперь уже института). 1 декабря 1931 г. были произведены первые изменения в структуре нового учреждения⁷¹: вместо отдела физиологии растений, отдела семеноведения и лаборатории по изучению растительных продуктов и лекарственных растений при музее был сформирован отдел экспериментальной ботаники во главе с В.Н. Любименко⁷². В результате на начало 1932 г. Ботанический институт АН СССР включал следующие отделы: систематики и географии растений (заведующий — В.Л. Комаров), споровых растений (В.П. Савич, до 20.01.1932 — А.А. Еленкин⁷³), геоботаники (В.Н. Сукачев⁷⁴), живых растений (А.П. Ильинский), экспериментальной ботаники (В.Н. Любименко), музей (И.В. Палибин⁷⁵), библиотеку (И.А. Оль⁷⁶). Следует отметить, что отдел живых растений включал только научных сотрудников, учёных-садоводов и экскурсоводов, а садоводы и садовые рабочие входили в так называемую «садовую часть».

Оперативно были начаты и работы по перемещению коллекций. Уже 10 декабря 1931 г. была создана комиссия⁷⁷ для составления плана перевозки гербария бывшего

⁶⁹ Федченко Борис Алексеевич (1872–1947) — систематик, флорист, ботанико-географ. Заведующий Гербарием Ботанического сада (1905–1931). Подробнее о нём см.: Борисова и др., 1962; Бобров, 1973.

⁷⁰ Ильинский Алексей Порфирьевич (1885–1945) — ботанико-географ, геоботаник, специалист по интродукции растений. В 1918–1931 гг. — в отделе живых растений Ботанического сада, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. — заместитель заведующего этим отделом, в 1931–1934 гг. — заведующий отделом живых растений Ботанического института. Подробнее о нём см.: Федоров, Федоров, 1946; Лавренко, 1956.

⁷¹ СПФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1 (1931). Д. 35. Л. 80–81.

⁷² Любименко Владимир Николаевич (1873–1937) — физиолог, эволюционист. В описываемый период — заведующий отделом физиологии Ботанического сада, в 1931–1938 гг. — заведующий отделом экспериментальной ботаники Ботанического института. Подробнее о нём см.: Коновалов, Эйдельман, 1959; Сенченкова, 1975; Манойленко, 1996.

⁷³ Еленкин Александр Александрович (1873–1942) — специалист по низшим растениям, главным образом лишенолог и альголог. Организатор работ по изучению споровых растений в Ботаническом саду. В описываемый период — заведующий отделом споровых растений Ботанического сада. Подробнее о нём см.: Савич, 1944; Хахина, 1981.

⁷⁴ Сукачев Владимир Николаевич (1880–1967) — геоботаник, лесовед, эколог, организатор науки. В 1931–1933 гг. — заведующий отделом геоботаники Ботанического института. Подробнее о нём см.: Сукачев Владимир Николаевич, 1947; Александрова, 1960; Зонн, 1987 и др.

⁷⁵ Палибин Иван Владимирович (1872–1949) — палеоботаник. В описываемый период — заведующий музеем Ботанического сада. Подробнее о нём см.: Васильев, Криштофович, 1950.

⁷⁶ Оль Иван Андреевич (1884–1943) — миколог, фитопатолог, библиограф. В описываемый период — заместитель заведующего, заведующий библиотекой Ботанического сада / Ботанического института. Подробнее о нём см.: Бриллиант, 1944.

⁷⁷ СПФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1(1931). Д. 35. Л. 77.

Ботанического музея на территорию Ботанического института под руководством Е.Г. Боброва⁷⁸ в составе Н.В. Шипчинского⁷⁹, Б.К. Шишкина, П.Н. Овчинникова⁸⁰ и ст. мастера К.П. Леонова. Практические работы по перемещению гербария были осуществлены уже в начале 1932 г. Как отмечал Б.А. Келлер:

«было перевезено около 2000000 листов гербария цветковых и споровых растений, одних шкафов 200 штук, столов 108, всего 575 предметов хозяйственного назначения, всё научное оборудование и все материалы сверх того» (1934, с. 4).

Заключение

Сейчас, будучи современником реформирования государственных академий наук, очень заманчиво объяснить причины описанных здесь событий тогдашней политической обстановкой, тем более что в то время действительно усилилось давление власти на Академию наук и науку вообще. Конечно, вполне вероятно, что какие-либо детали и можно объяснить политическими факторами — например, то, что первым директором объединённого Ботанического института стал коммунист Б.А. Келлер, а не беспартийный В.Л. Комаров. Не исключено, что решение об объединении сада и музея в апреле 1931 г. действительно «подтолкнуло» какое-то указание сверху.

Из всех обнаруженных нами на данный момент документов складывается довольно однозначная картина: реального объединения сада и музея хотели немногие сотрудники и того, и другого учреждения, а политические аспекты были далеко не на первом месте. Большинство вполне устраивало сложившееся положение дел. Возможно, в ряде случаев это была просто дань традиции. Например, ветеран музея Д.И. Литвинов⁸¹, много сделавший для его развития, в письме бывшему главному ботанику сада В.И. Липскому⁸² называл проект объединения «чудовищным»⁸³. Как видно из недавно

⁷⁸ Бобров Евгений Григорьевич (1902–1983) — систематик, историк науки. В описываемый период — ботаник Ботанического сада / Ботанического института. Подробнее о нём см.: Васильченко, 1985; Костина, 2014.

⁷⁹ Шипчинский Николай Валерьянович (1886–1955) — систематик, специалист по интродукции растений. В описываемый период — сотрудник отдела живых растений Ботанического сада, в 1934–1938 и 1942–1948 гг. — заведующий Ботаническим садом Ботанического института.

⁸⁰ Овчинников Павел Николаевич (1903–1979) — геоботаник, систематик. В описываемый период — научный сотрудник Ботанического сада / Ботанического института. Впоследствии — директор Института ботаники АН ТаджССР. Подробнее о нём см.: Павел Николаевич Овчинников, 1973; Камелин, 2003.

⁸¹ Литвинов Дмитрий Иванович (1854–1929) — флорист, систематик, ботанико-географ, библиограф ботаники. В описываемый период — старший ботаник Ботанического музея. Подробнее см.: Городков, 1929.

⁸² Липский Владимир Ипполитович (1863–1937) — флорист, систематик, историк ботаники. В 1902–1917 гг. — главный ботаник и заведующий отделом живых растений Императорского ботанического сада. С 1918 г. — на Украине, в 1922–1928 гг. — президент Всеукраинской академии наук, в описываемый период — директор Ботанического сада Одесского университета. Подробнее см.: Васильченко, 1963; Доброчаева, Мокрицкий, 1991.

⁸³ СПФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 264. Л. 6.

опубликованных воспоминаний А.М. Семеновой-Тянь-Шанской⁸⁴ (2013), крайне негативно относилась к объединенному Ботаническому институту Е.А. Буш, которая считала, что настоящие ботаники-систематики работали только в Ботаническом музее.

Был выбран наиболее радикальный вариант объединения, хотя он и вызывал возмущения многих влиятельных и заслуженных учёных. Дальнейшее развитие объединённого Ботанического института показало, что пессимистические прогнозы противников объединения не оправдались. Институт стал и официальным, и фактическим ведущим ботаническим центром страны и одним из немногих учреждений в мире, где развивались практически все направления науки о растениях.

Благодарности

Автор благодарен А.А. Федотовой и А.К. Сытину за информацию об архивных материалах, имеющих отношение к теме настоящей работы, а А.А. Федотовой — ещё и за многочисленные ценные замечания, заметно улучшившие статью. Кроме того, автор признателен А.В. Смирнову за его исчерпывающие пояснения относительно даты создания Ботанического музея. Для уточнения биографических сведений и данных об институтах и ведомственных структурах Петербурга—Петрограда—Ленинграда использован энциклопедический словарь «Биология в Санкт-Петербурге: 1703—2008» (2011).

Приложение 1

О параллелизме в деятельности Ботанического музея Академии наук и Главного ботанического сада⁸⁵

Существование параллелизма в деятельности Ботанического музея и Ботанического сада является бесспорным, почему мысль об объединении обоих учреждений неоднократно уже и высказывалась. Однако при рассмотрении характера параллелизма картина часто получалась неясная, т. к., сопоставляя деятельность обоих учреждений, часто рассматривали их как одинаковые по объёму работ единицы. Между тем задачи Ботанического музея совпадают лишь с частью задач Ботанического сада и работы его являются параллельными не работам сада в целом, а работам отдельных его учреждений. По своему составу и направлению работ Ботанический музей Академии наук мог бы рассматриваться как институт систематики растений и связанных с последней отделов географии растений. Аналогичные работы ведутся в Главном ботаническом саду двумя учреждениями — Гербарием и Институтом споровых растений⁸⁶, с которыми поэтому и следует сопоставлять Ботанический музей. Остальные научные учреждения Ботанического сада преследуют совершенно иные задачи, в некоторой мере уподобляясь (в отдельных случаях) другим учреждениям, не находящимся в ведении сада. Так, напр[имер], в Ботаническом саду ведутся работы по физиологии растений, близкие по содержанию к тому, что имеется в Институте физиологии и биохимии растений Академии

⁸⁴ Семенова-Тянь-Шанская Анастасия Михайловна (1913—1992) — геоботаник, специалист в области охраны растительного мира. Подробнее о ней см. предисловие к ее воспоминаниям (Семенова-Тянь-Шанская, 2013).

⁸⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 111. Л. 2—7. О возможном авторстве документа см. настоящую статью, с. 39.

⁸⁶ Институт споровых растений (с 1924 г. — отдел споровых растений) — подразделение Ботанического сада, созданное в 1913 г. для изучения систематики и географии споровых растений. В дальнейшем преобразован в отдел споровых растений Ботанического института.

наук. Следует также заметить, что Музей Ботанического сада представляет совершенно иного типа учреждение, чем Ботанический музей Академии наук, являясь в первую очередь музеем морфологии растений и обладая обширными выставочными коллекциями.

Итак, в составе Академии наук и Главного ботанического сада имеются параллельные учреждения, преследующие изучение систематики и географии растений — Ботанический музей АН, с одной стороны, и Гербарий и Споровый институт Ботанического сада — с другой. Работы этих учреждений по существу являются вполне подобными и по задачам, и по направлению, сближая их несравненно больше, нежели, напр[имер] Гербарий Бот[анического] сада связан с некоторыми учреждениями, также подведомственными Бот[аническому] саду.

Поскольку вопрос о слиянии Гербария Бот[анического] сада и Бот[анического] музея АН неоднократно уже обсуждался и мнения относительно него существенно расходились, целесообразно рассмотреть доводы, приводившиеся как в пользу соединения названных учреждений, так и против него. Ниже мы остановимся также на вопросе о возможности слияния обоих учреждений при теперешних условиях, равно как о возможных мерах для сокращения параллелизма в их деятельности.

Доводы в пользу соединения Ботанического музея АН с Гербарием Ботанического сада

Кроме указанной уже общности направления научной работы обоих учреждений можно указать следующие данные:

1. Громадные материалы по флоре СССР, хранящиеся в Ленинграде, разбиты на 2 части, вследствие чего лица, работающие в каком-либо одном учреждении, лишены возможности с достаточной легкостью пользоваться значительной долей материала. Нет возможности быстро произвести учет всего наличного в Ленинграде материала по данному виду или группе растений. Вследствие этого ботаникам, работающим более обстоятельно, постоянно приходится посещать два, притом значительно разобщенные, учреждения, дабы избежать пропусков в работе. При более детальных исследованиях, когда необходимо непосредственное сравнение возможно обширного материала, приходится перевозить коллекции из одного учреждения в другое, чего можно было бы избежать в случае, если бы основные коллекции находились в едином учреждении.

2. При обмене с иногородними и зарубежными ботаническими учреждениями легко может случиться, что оба ленинградские хранилища получают одинаковые материалы, что, конечно, не в интересах ученых специалистов и вообще научной работы, т. к. на посылаемые в обмен растения единое учреждение могло бы получить более разнообразные коллекции.

3. При бедности материалов из некоторых областей распределение их в двух хранилищах значительно разбивает и без того отрывочное впечатление при просмотре соответствующих коллекций.

4. Необходимость посещения обоих учреждений отнимает у персонала их значительное количество времени, чего не могло бы быть в объединенном учреждении.

5. Как бы ни была планомерна работа каждого ботанического учреждения в отдельности, деятельность более обширного, объединенного учреждения могла бы быть несравненно более планомерной, хотя бы в силу возможности распределения работы между большим количеством сотрудников. Пока оба параллельные учреждения не располагают достаточным персоналом и средствами (чего трудно и достигнуть⁸⁷), деятельность каждого из них, даже при полной внутренней организованности, может оказаться недостаточно разносторонней. Можно также

⁸⁷ По существу, численность персонала никогда не казалась ботаникам достаточной, особенно это касается технического персонала для работы с коллекциями. Интересно отметить, что в силу естественной идеализации прошлого в Ботаническом институте сформирован устойчивый миф о том, что «раньше» было достаточно сотрудников для работы с коллекциями, а «сейчас» их явно не хватает. Такие замечания встречаются в документах на протяжении не менее чем 80 лет.

опасаться, что отдельные области могут остаться нетронутыми работами как одного, так и другого учреждения, поскольку каждое из них определяет пределы своей деятельности более или менее независимо. Внесение равномерности в распределение работ в пределах, соответствующих компетенции учреждения, едва ли может быть произведено вне объединения ныне разрозненных отделов АН и Ботанического сада.

Доводы, приводившиеся против соединения Ботанического музея АН с соответствующими учреждениями Бот[анического] сада

Были по преимуществу не столь научного, как ведомственного характера. Одной из основных их предпосылок являлась необходимость для АН иметь в своем составе ботаническое учреждение, аналогичное учреждениям, разрабатывающим другие естественноисторические дисциплины, и необходимость для Бот[анического] сада иметь в ряду своих ботанических учреждений Гербарий, т. е. Институт систематики растений. Остановливаясь на этом, противники идеи соединения центральных ботанических учреждений обычно не входили в рассмотрение того, насколько это соединение оправдывается положительными следствиями его, хотя бы и при наличии некоторых отрицательных.

Наряду с таким ведомственным подходом были и указания на целесообразность существования двух подобных друг другу ботанических учреждений, вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Указывалось, что в случае, напр[имер], какой-либо катастрофы (в частности, имелась в виду возможность пожара) разделенность учреждений явилась бы своего рода страховкой от гибели всего накопленного материала. При этом, однако, упускалось из вида, что подобная мотивировка была бы обоснована лишь в том случае, когда остальные меры, обеспечивающие безопасность коллекций, уже были бы приняты. Между тем, на деле хранение ботанических коллекций в помещении, занимаемом Ботаническим музеем АН⁸⁸, представляет, быть может, гораздо более существенный повод для опасения за сохранность ценнейших научных материалов, и такая мера, как перенос коллекции музея в иное помещение, имела бы несравненно более реальное значение, нежели рассуждения о гарантии на случай пожара, для предотвращения возможности которого ничего не делалось.

Доводы персонального характера, в частности, возможность нарушения установившихся взаимоотношений между отдельными уч[ёными] специалистами, работающими ныне в том или ином из интересующих нас учреждений, не лишены известного основания, но нельзя не признать, что возможные при перемене структуры персонала неувязки в работе отдельных лиц представляют чисто временное явление и поэтому перед ними не приходится останавливаться, если остальные доводы говорят за проведение определенной организационной меры. (Остановливаясь на персональных, субъективного порядка доводах нам не представляется уместным.)

Сопоставляя приведенные выше данные, приходится сделать вывод, что соединение Ботанического музея АН, Гербария и Спорового института Главного ботанического [сада] в единое учреждение представляется вполне целесообразным. Что касается до ведомственной стороны вопроса то, вероятно, было бы включение такого объединенного института систематики и географии как чисто научного учреждения, в сеть учреждений АН, сохранив, разумеется, и научную связь с Бот[аническим] садом. Последний по своим заданиям не вполне соответствует духу намечаемого в этой записке объединенного учреждения. Кроме того, исключение основной части ботаники из круга деятельности АН представлялось бы мало обоснованным.

⁸⁸ Музей и его Гербарий располагались на втором этаже так называемого Музейного флигеля Академии наук (Васильевский остров, Таможенный пер., д. 5/2), там, где сейчас находится Санкт-Петербургский филиал Института истории науки и техники и кафедра иностранных языков Академического университета.

Своевременно ли объединение рассматриваемых учреждений?

Вопрос о своевременности намечаемых выше мер должен решаться в зависимости от технических возможностей для их осуществления. В объединении учреждений музейного типа решающим моментом является возможность найти для них соответствующее общее помещение.

Поэтому реальное разрешение вопроса, рассматриваемого в этой записке, будет зависеть от того, может ли одно из существующих учреждений вместить в своем помещении и коллекции другого.

Поскольку помещение Ботанического музея должно быть признано не удовлетворяющим нормальным требованиям, предъявляемым к современным хранилищам ботанических коллекций, отличаясь вместе с тем и ограниченными размерами, вопрос об использовании его очевидно отпадает. Здание Гербария Главного ботанического сада⁸⁹ могло бы вместить еще значительно больше коллекций, чем в нём находятся, если окажется возможным перевод Библиотеки сада в какое-либо иное помещение (в настоящее время она занимает первый этаж здания Гербария). Возможность вмещения им всех соответствующих коллекций тем не менее далеко не очевидна, почему, прежде чем принимать какие-либо решительные меры, необходимо выяснить, какое количество коллекций могло бы вообще вместить здание Гербария бот[анического] сада и достаточно ли обеспечивает оно не только вмещение всех имеющихся материалов, но и некоторое позднее приращение коллекции. Равным образом следовало бы выяснить, в какой мере возможно перемещение в новое помещение Библиотеки Гл[авного] бот[анического] сада, без удаления которой из здания поставленный выше вопрос, вне всякого сомнения, разрешится в отрицательном смысле. В случае, если помещение Гербария окажется достаточным для намечаемого объединенного учреждения, вопрос о возможности объединения автоматически решится, если же помещение окажется недостаточным — он отложится до приискания подходящего помещения.

Меры для временного и частичного устранения параллелизма в работах

Отчасти сознательно, с указанной выше целью, отчасти в силу исторических обстоятельств, в настоящее время проводится некоторое разграничение сфер деятельности Бот[анического] музея АН и Гербария Бот[анического] сада. Не имея юридического характера, это разграничение не является обязательным, но в известных случаях намечается достаточно отчетливо. Оно заключается в сосредоточении внимания персонала каждого из названных учреждений на исследовании различных районов СССР, причем районы эти в значительной части не перекрываются. Так, можно отметить, что ботаническое исследование Туркестана ведется (не говоря о местных научных силах) преимущественно персоналом Гербария Бот[анического] сада, продолжающего работы Шренка, Карелина, О. А. Федченко и др[угих] специалистов, основная часть сборов которых поступила в гербарий сада. Напротив, исследование Кавказа, до известной степени продолжающее работы Маршала Биберштейна, Рупрехта и др[угих], ведется преимущественно силами Бот[анического] музея АН. Ботанический музей уделяет больше внимания и изучению Западной и Северной Сибири, в то время как в Южной Сибири работали больше ботаники сада и т. д. Признавая целесообразность такого разделения работ, нельзя, однако, не отметить, что соединение тех или иных «традиций» в значительной степени зависит от персональных научных интересов отдельных

⁸⁹ Четырёхэтажное здание было построено на территории Ботанического сада в 1912 г. Коллекции были перемещены в 1914 г. Первый этаж предназначен для библиотеки. Это единственное здание в России, специально спроектированное для гербарных коллекций. На момент постройки и описываемых событий было весьма совершенным в техническом отношении, однако уже на рубеже 1920—30-х гг. стало ясно, что объединение гербариев сада и музея приведёт к недостатку места для размещения коллекций. К сожалению, здание не расширено до сих пор, хотя вопрос об этом поднимался неоднократно.

сотрудников учреждений и не санкционируется какой-либо общей программой. Отдельные случаи несогласованности в данной области нередки и иногда ведут к трениям между персоналами обоих учреждений. Кроме того, важно отметить, что при неуниверсальном характере деятельности каждого учреждения легко могут оказаться районы, не затрагиваемые ни одним из них.

Учитывая это, мы должны, тем не менее, признать, что сложившаяся научная традиция, подкрепляемая сознательным отношением к вопросу о параллелизме в работах со стороны ботаников обоих учреждений, до известной степени смягчает отрицательные стороны параллельного существования двух весьма подобных по заданиям учреждений и позволяет подходить к вопросу о соединении их без могущей привести к крайне нежелательным последствиям спешки.

Подчеркивая последнее, мы должны, тем не менее, отметить, что вопрос об образовании единого учреждения, объединяющего центральные хранилища растений, представляется нам подлежащим положительному разрешению в недалеком будущем, причем технические затруднения, стоящие на пути проведения в жизнь напрашивающихся мероприятий, ни в коей мере не должны быть противопоставляемы их необходимости, вытекающей из интересов вневедомственной по существу научной работы.

Приложение 2

ПРОТОКОЛ

заседания Комиссии по согласованию работ Ботанического музея и Ботанического сада Академии наук СССР от 27 октября 1930 г.⁹⁰

Присутствовали: акад. В.Л. Комаров, Н.А. Буш, Н.И. Кузнецов⁹¹, С.Д. Львов⁹², В.П. Савич, А.И. Толмачев⁹³, В.Г. Траншель⁹⁴, Б.А. Федченко, Б.К. Шишкин, П.С. Элиасберг⁹⁵.

Председатель — В.Л. Комаров, секретарь — А.И. Толмачев.

Открывая заседание, В.Л. Комаров вкратце осветил историю вопроса о взаимоотношениях академических ботанических учреждений и Ботанического сада и обстоятельства, при которых последний был передан в ведение Академии наук. В настоящее время перед нами стоит вопрос о целесообразном размежевании функций трех учреждений, на которые распадается учрежденный как новое объединение Ботанический институт АН. В первую очередь следует выяснить,

⁹⁰ Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 22. Ед. хр. 30. Л. 4–7.

⁹¹ Кузнецов Николай Иванович (1864–1932) — систематик, флорист, геоботаник, ботанико-географ. В описываемый период — заведующий отделом геоботаники Ботанического сада. Подробнее о нём см.: Ильинский, 1932, Липшиц, 1957, Лавренко, 1965 и др.

⁹² Львов Сергей Дмитриевич (1879–1959) — физиолог растений. В описываемый период — профессор кафедры физиологии растений Ленинградского университета, по совместительству — старший ботаник отдела физиологии Ботанического сада (отдела экспериментальной ботаники Ботанического института). Подробнее о нём см.: Солдатенков, 1959.

⁹³ Толмачев Александр Иннокентьевич (1903–1979) — флорист, систематик, ботанико-географ. В описываемый период — научный сотрудник Ботанического музея. До 1925 г. работал в Ботаническом саду. Подробнее: Миняев и др., 1981, Юрцев 1994.

⁹⁴ Траншель Вольдемар Генрихович (Владимир Андреевич) (1868–1942) — миколог, фитопатолог. В описываемый период — старший ботаник Ботанического музея. Подробнее: Купревич, 1968; Азбукина, 1993.

⁹⁵ Элиасберг Павел Самуилович (Сергеевич) (1885–?) — физиолог растений. В описываемый период сотрудник ЛАБИФР и Ленинградского университета.

не имеется ли параллелизма в работах ЛАБИФР⁹⁶ и Отдела биологии и физиологической экологии БС⁹⁷ и следует ли сохранить за ними их теперешние функции в полном объеме или размежевание должно быть проведено наново. Выяснение положения целесообразно поручить подкомиссии из представителей непосредственно заинтересованных учреждений.

Более сложен вопрос о взаимоотношениях БС и БМ⁹⁸. Наличие параллелизма в работах БМ и части отделов БС бесспорно и необходимость пересмотра их функций очевидна. Говорить о полном слиянии БМ с родственными отделами БС было бы неправильно, т. к. это могло бы привести лишь к потерям, в частности к сокращению персонала, сохранение которого в полном объеме представляется совершенно необходимым. Естественно, что размежевание работ БМ и БС должно быть произведено по отраслевому признаку, причем речь может быть о различных вариантах такого размежевания.

Может быть вопрос о выделении из общего комплекса как задачи БМ либо работ по систематике растений, либо по геоботанике. Наконец, возможно выделение музея Бот[анического] сада как просветительного учреждения, с переносом его в теперешнее помещение БМ и с передачей всей научной работы в БС. Возможно и выдвижение других вариантов.

В.П. Савич считает, что вообще следовало бы поставить вопрос о полном слиянии БМ и БС. Если же этого вопроса не обсуждать, то едва ли можно выдвинуть какие-либо новые варианты размежевания функций БМ и БС.

А.И. Толмачев указывает, что в настоящее время объединяющим все ботанические учреждения органом является БИН. Разделение его на 3 учреждения — ЛАБИФР, БМ и БС едва ли можно рассматривать как окончательное, поскольку им определяется противопоставление двух отраслевых учреждений третьему комплексному. В дальнейшем институт, возможно, подлежит преобразованию в ассоциацию, объединяющую ряд отраслевых институтов примерно одинакового масштаба. Но выдвигать на очередь принципиальный пересмотр вопроса о делении института теперь едва ли целесообразно.

Н.И. Кузнецов отмечает, что присоединение БС к АН уже вполне назрело⁹⁹, что же касается до возможного размежевания функций его и БМ, то предложить другие варианты, кроме трех уже выдвинутых, едва ли возможно.

В.Л. Комаров, отмечая, что БС должен существовать как комплексное учреждение и БМ как учреждение отраслевое, указывает, что основным моментом является в настоящее время выбор той отрасли, которая должна быть выделена как специальность БМ.

На вопрос В.П. Савича, не целесообразнее ли пересмотреть решение о самостоятельном существовании БМ и БС, В.Л. Комаров отвечает, что ставить этот вопрос в данное время нецелесообразно, т. к. полное слияние БМ и БС повело бы к сокращению части персонала, что пришло бы вред обоим учреждениям.

При выборе направления работ БМ надо иметь в виду, что в ведении БС должны, во всяком случае, остаться все те работы, которые связаны с культурами сада.

А.И. Толмачев отмечает, что выделение из БС его музея невыгодно, т. к. просветительная деятельность сада связана не только с музеем, но и с оранжереями. Целесообразнее сохранить музей в том же учреждении, что и оранжереи, т. е. в БС. О желательности полного слияния БМ и БС можно говорить только принципиально, при имеющейся же обстановке оно нецелесообразно.

⁹⁶ Лаборатория биохимии и физиологии растений АН СССР.

⁹⁷ Ботанический сад.

⁹⁸ Ботанический музей.

⁹⁹ Н.И. Кузнецов в 1907–1908 гг. был одним из ярых сторонников передачи Ботанического сада в Академию наук и активно критиковал научную политику его руководства (Вага, 1959). В 1921 г. создал отдел геоботаники в Ботаническом саду и проработал в нём до конца жизни.

Б.А. Федченко считает, что постановка вопроса о полном слиянии БМ и БС несвоевременна. Пока выгоднее выделить одну из отраслей, входящих в круг ведения БИН, причем эта отрасль, очевидно, получит в близком будущем большее развитие. В более далеком будущем можно иметь в виду и слияние БМ и БС. Соображения, высказанные А.И. Толмачевым в отношении неудобства передачи из БС музейной части небесспорны. Может быть, было бы выгодно иметь музей в стенах самой Академии. Что касается до других намеченных вариантов, то передача Гербария немыслима по техническим причинам. Выделение геоботаники было бы связано с меньшими трудностями, а если оно не угрожает БС отрывом от полевой работы — на него можно бы было пойти. Можно еще поставить вопрос о выделении как задачи БМ, работы над низшими растениями.

Н.А. Буш отмечает, что варианты о выделении музея БС и Гербария следует считать отпавшими. Работу по низшим растениям лучше оставить за БС, может быть, передав саду и имеющиеся в БМ материалы. Что же касается до геоботаники, то выделение ее в самостоятельный институт вполне оправдывается, почему и следует реорганизовать БМ в геоботаническое учреждение, передав ему соответствующие функции БС. Схема подразделения БИН на 3 учреждения вполне может быть принята и как постоянная.

Н.И. Кузнецов указывает на трудности, связанные с переносом геоботанической работы в помещение БМ, т. к. это лишит геоботаников возможности постановки некоторых работ под открытым небом, в условиях, близких к природным. Тем не менее перенос геоботанического отдела и соединение его с БМ в более мощное учреждение приемлемо. Во всяком случае, выделение геоботаники из общего комплекса может послужить стимулом для развития геоботанической работы. Но, ставя вопрос о переносе геоботаники в БМ, нельзя упускать из виду необходимость опытного участка для работ геоботаников, каковой легче было бы получить в БС.

Н.А. Буш и А.Н. Толмачёв, соглашаясь с мнением о важности предоставления опытного участка для геоботанических работ, указывают, что в этом отношении размещение геоботанического учреждения в БС также не решает вопроса. Поэтому вполне можно говорить о передаче геоботанических работ в БМ и о сосредоточении их в его теперешнем помещении. Вопрос же об опытном участке надо ставить отдельно, изыскивая возможность для получения его за чертой города.

В.Г. Траншель отмечает, что с государственной точки зрения выделение геоботаники в особое учреждение представляется весьма своевременным, поскольку оно обеспечит большее ее развитие. Современное положение геоботанического отдела БС не обеспечивает соответствующей возможности.

В.Л. Комаров отмечает, что из обмена мнений уже выявилось, что речь может быть только о выделении из БС работ по геоботанике или по споровым растениям.

В.П. Савич считает, что о передаче в БМ работ по низшим растениям не может быть речи, поскольку аналогичные работы по высшим остаются за БС.

В.Г. Траншель и А.И. Толмачев поддерживают мнение В.П. Савича, причем А.И. Толмачев указывает, что выделение спорового института противоречило бы положению о выделении задачи БМ по отраслевому признаку, основываясь на признаке предметном.

В.Л. Комаров отмечает, что комиссия, очевидно, приходит к выводу о целесообразности сосредоточить в БМ работы по геоботанике. Исходя из этого, нам следует строить план реорганизации ботанических учреждений, причем на первое время надо учесть необходимость обходиться без особых затрат. Равным образом, надо озаботиться о том, чтобы полностью сохранить кадры реорганизуемых учреждений.

В.П. Савич считает, что полное слияние ботанических учреждений лучше обеспечило бы сохранение сил.

В.Л. Комаров указывает, что объединение работ ботанических учреждений уже обеспечено существованием БИН, частями которого является и БМ и БС. В принципе, может быть,

было бы правильнее организовать Ботаническую ассоциацию из отраслевых институтов, но в данное время это невозможно.

Что касается до очередных задач комиссии, то нам следует наметить 2 рабочие подкомиссии, одна из которых рассмотрит вопрос о взаимоотношениях БС и ЛАБИФР, другая — БС и БМ. В задачи обеих подкомиссий надо включить рассмотрение вопроса как о размежевании функций родственных учреждений, так и о перераспределении их персонала и материальных ценностей.

Н.И. Кузнецов предлагает выделить особую подкомиссию для рассмотрения геоботанических вопросов.

В.П. Савич, Б.А. Федченко и А.И. Толмачев выступают против этого предложения, отмечая, что отдельное обсуждение вопроса об организации геоботанических работ будет более уместно после того как вопрос о размежевании функций БМ и БС уже подвергнется разрешению.

Н.И. Кузнецов соглашается с приведенными соображениями и снимает свое предложение.

В.П. Савич отмечает необходимость привлечения к участию в работах комиссии представителей общественности.

Постановление

1. Признать целесообразным разграничение БМ и БС, принятое сессией АН, т. е. выделение как области компетенции БМ геоботанических работ, с передачей остальных работ, ведущихся БМ до настоящего времени, в ведение БС.

2. Для согласования и размежевания работ ЛАБИФР и Отдела биологии и физиологической экологии БС выделить подкомиссию в составе С.Д. Львова и П.С. Элиасберг[а], с правом кооптации других лиц. Созыв подкомиссии поручить С.Д. Львову.

3. Для согласования и размежевания работ БМ и родственных ему отделов БС, на основе положения, принятого в п.1 настоящего постановления, образовать подкомиссию в составе Н.А. Буша, Н.И. Кузнецова, В.П. Савича, А.И. Толмачева, В.Г. Траншеля, Б.А. Федченко и Б.К. Шишкина с правом кооптации других лиц. Созыв подкомиссии поручить Б.А. Федченко.

4. Предложить подкомиссиям, в случае принятия решений о перераспределении функций между существующими учреждениями, проработать вопрос о необходимом перераспределении штатов и материальных ценностей ботанических учреждений.

5. Обеим подкомиссиям поручить закончить их работы к 3 ноября.

6. Созвать ближайшее заседание Комиссии 4 ноября.

7. Привлечь к дальнейшим работам Комиссии представителей общественных организаций АН и БС.

Приложение 3

Академия наук Союза Советских Социалистических Республик Ботанический сад

Президиуму Академии наук

31 марта 1931 г.

На № 10041

Еще 21 апреля 1930 г. академик В. Л. Комаров представил комиссии, выделенной Советом Бот[анического] сада, доклад о необходимости полного слияния Бот[анического] сада с Ботан[ическим] музеем АН (протокол комиссии от 21.IV.30 года под предс[едательством] ак[адемика] Комарова).

С тех пор Ботан[ический] сад АН неизменно стоял на этой позиции, т. к. оправдать нахождение двух параллельных учреждений в системе АН невозможно. Все же возникшие после проекты о выделении из БС и БМ обязательно двух же учреждений были искусственны и нежизненны, так как они выходили не из существа дела, а из желания сохранить БМ как самостоятельную бюджетную единицу. Ботан[ический] сад уже при переходе к АН представлял из себя целый Ботанический институт, в котором разрабатывались научные вопросы почти во всех областях ботаники и выделение из него уже одного отраслевого института нарушало всю стройную систему работы, которая столь полно вырисовывалась в плане работ на 1932 год.

Особенно следует остановиться на сделанной попытке выделить геоботанику из сада в особое учреждение. Эта попытка была нежизненна, т. к. отрывала геоботанику от систематики и флористики, в то время как развитие их возможно лишь в тесном контакте между ними, тем более что и имеющийся персонал не всегда можно строго разбить на геоботаников и систематиков. Кроме того, уже при обсуждении размежевания между БС и новым геоботан[ическим] учреждением выяснилась необходимость геоботан[ического] институту иметь свои гербарии и цветковых и споровых и своих систематиков, что снова повело бы к параллелизму и не позволило бы изжить и наблюдаемое нездоровое совместительство работников БС в БМ ввиду недостатков специалистов ряда специальностей.

Надстройка в виде БИН'а или БАС'а не решила вопроса, так как такое крупное учреждение, как БС, ассоциировалось с небольшим учреждением, как ЛАБИФР — полуботанического-полухимического характера, и с параллельным саду учреждением — Бот[аническим] музеем. Создавалась лишняя инстанция для прохождения дел и в без того сложной системе АН и по практике, за полугодовое существование БИН'а и последовательно БАС'а никакой практической ценности эта инстанция не имела, т. к. только штамповала отчеты и планы работ, которые затем проходили окончательно в другом виде.

Поэтому Ботанический сад АН разработал новое положение о Бот[аническом] саде, предусмотрел полное слияние БС и БМ, причем в проекте нового Бот[анического] сада АН в основу были положены все работы производственных совещаний Бот[анического] сада, также совместная БС и БМ от 3.V.30 г., а также постановления первой всесоюзной производственной конференцией геоботаников и флористов.

Директор ак. Б.А. Келлер.
Ученый секретарь В.П. Савич.

Литература

Азбукина З.М. Памяти Вольдемара Генриховича Траншеля (1868–1942) // Микология и фитопатология. 1993. Т. 27. Вып. 4. С. 91–94.

Александрова В.Д. Владимир Николаевич Сукачев (К 80-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности) // Ботанический журнал. 1960. Т. 45. № 10. С. 1568–1582.

Артур Артурович Ячевский / Вступ. статья Л.С. Гитман, М.В. Горленко. М.: Наука, 1964. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Ботаника. Вып. 7).

Бахтеев Ф.Х. Николай Иванович Вавилов, 1887–1943. Новосибирск: Наука, 1987. 269 с.

Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / Сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. 568 с.

Бобров Е.Г. Ботанический сад // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957а. С. 32–71.

Бобров Е.Г. Ботанический музей Академии наук (1823–1916) // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957б. С. 72–80.

Бобров Е.Г. Памяти Б. А. Федченко. К 100-летию со дня рождения // Ботанический журнал. 1973. Т. 58. № 5. С. 754–757.

Борис Александрович Келлер / Вступ. статья И.И. Мещанинова, А. Г. Чернова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 100 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. биол. наук. Ботаника. Вып. 2).

Борис Лаврентьевич Исаченко / Вступ. статья П.Н. Усачёва. М.: Изд-во АН СССР, 1951. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Микробиология. Вып. 2).

Борисова А.Г., Кнорринг О.Э., Некрасова В.Л. К 90-летию со дня рождения Бориса Александровича Федченко // Ботанический журнал. 1962. Т. 47. № 6. С. 897–907.

[*Бородин И.П.*] Ботанический музей // Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Часть 1. С. 133–160.

Ботанический музей. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 19 с.

Бриллиант В.А. Памяти И.А. Оль // Советская ботаника. 1944. № 2. С. 58–59.

Вага А. История вопроса о создании центрального ботанического учреждения в дореволюционной России. Таллин, 1959. 119 с.

Васильев А.В., Кристофович А.Н. Иван Владимирович Палибин // Ботанический журнал. 1950. Т. 35. № 6. С. 684–688.

Васильченко И.Т. Владимир Ипполитович Липский (к 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1963. Т. 48. № 9. С. 1236–1239.

Васильченко И.Т. Евгений Григорьевич Бобров (1902–1983) // Ботанический журнал. 1985. Т. 70. № 6. С. 860–864.

Владимир Леонтьевич Комаров / Вступ. статья И. И. Мещанинова, А. Г. Чернова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 100 с. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Ботаника. Вып. 1).

Воронов А.Г. С. И. Коржинский. К 100-летию со дня рождения // Бюллетень МОИП. 1961. Т. 66. Отд. биол. Вып. 5. С. 142–146.

Гончаров Н.П. Константин Андреевич Фляксбергер (1880–1942) // Историко-биологические исследования. 2011. 3. № 3. С. 106–108.

Гончаров Н.П. Государственная организация аграрной науки в России (К 175-летию РАСХН) // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3. С. 10–33.

Горленко М.В. Артур Артурович Ячевский как миколог и фитопатолог (1863–1932) (к 20-летию со дня смерти) // Микробиология. 1953. Т. 22. Вып. 5. С. 602–610.

Голлербах М.М., Полянский В.И. Заслуженный деятель науки профессор В.П. Савич. К 70-летию со дня рождения // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 2. С. 281–286.

Голубкова Н.С. Всеволод Павлович Савич (1885–1972) — учёный и организатор науки в области споровых растений // Ботанический журнал. 2003. Т. 88. № 10. С. 142–150.

Гончаров Н.П. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014.

Городков Б.Н. Дмитрий Иванович Литвинов // Природа. 1929. № 11. С. 919–926.

Грубов В.И. К столетию со дня рождения Бориса Константиновича Шишкина // Ботанический журнал. 1987. Т. 72. № 7. С. 987–990.

Грубов В.И. Карл Иванович Максимович (к 100-летию со дня смерти) // Ботанический журнал. 1991. Т. 76. № 2. С. 296–300.

Доброчаева Д.Н., Мокрицкий Г.П. Владимир Ипполитович Липский. Киев: Наукова думка, 1991. 214 с.

Зонн С.В. Владимир Николаевич Сукачев, 1880–1967. М.: Наука, 1987. 252 с.

Ильинский А.П. Николай Иванович Кузнецов // Землеведение. 1932. Т. 34. Вып. 3–4. С. 149–158.

Ильинский А.П. Пятьдесят лет работы В. Л. Комарова в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова Академии наук СССР // Сов. бот. 1944. № 6. С. 16–23.

Камелин Р.В. Павел Николаевич Овчинников (к 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 2003. Т. 88. № 5. С. 165–176.

Келлер Б.А. Ботанический институт Академии наук СССР к XVII съезду коммунистической партии // Советская ботаника. 1934. № 1. С. 3–13.

Колчинский Э.И. «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932) // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 577–664.

Кольцов А.В. В.Л. Комаров и Академия наук СССР // Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова: 1869–1969. Л.: Наука, 1972. С. 16–35. (Комаровские чтения. XXIV).

Коновалов И.Н., Эйдельман З.М. Научное творчество В.Н. Любименко и дальнейшее развитие его идей // Труды Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР. Сер. 4. Физиология растений. 1959. Вып. 13. С. 7–12.

Корчагин А.А. Научная и педагогическая деятельность Николая Адольфовича Буша (к 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1969. Т. 54. № 11. С. 1635–1641.

Костина Т.В. О документальном наследии Е.Г. Боброва в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (к 50-летию завершения «Флоры СССР») // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. Вып. 3. С. 61–73.

Купревич В.Ф. В.Г. Траншель (к 100-летию со дня рождения) // Микология и фитопатология. 1968. Т. 2. Вып. 2. С. 164–167.

Лавренко Е.М. Памяти А.П. Ильинского // Ботанический журнал. 1956. Т. 41. № 4. С. 607–610.

Лавренко Е.М. Николай Иванович Кузнецов как ученый (к 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 1. С. 151–155.

Лейсле В.Ф. Жизненный путь академика Б.А. Келлера // Записки Воронежского сельскохозяйственного института. 1949. Т. 22. Вып. 1. С. 7–17.

Липский В.И. Исторический очерк Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада (1713–1913) // Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). СПб., 1913–1915. Часть 1. С. 1–378.

Липищ С.Ю. Николай Иванович Кузнецов // Ботанический журнал. 1957. Т. 42. № 9. С. 1307–1314.

Липищ С.Ю. Владимир Леонтьевич Комаров (жизнь и творчество) // Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова: 1869–1969. Л.: Наука, 1972. С. 3–16. (Комаровские чтения. XXIV).

Липищ С.Ю. Литературные источники по флоре СССР. Л.: Наука, 1975. 232 с.

Липищ С.Ю., Васильченко И.Т. Центральный гербарий СССР. Л.: Наука, 1968. 142 с.

Манойленко К.В. Иван Парфёньевич Бородин, 1847–1930. М.: Наука, 2005. 274 с.

Манойленко К.В. В.Н. Любименко: эволюционные, эколого-физиологические, историко-научные аспекты деятельности. СПб.: Наука, 1996. 196 с.

Миняев Н.А., Ребристая О.В., Шмидт В.М., Юрцев Б.А. А.И. Толмачев (1903–1979) // Ботанический журнал. 1981. Т. 66. № 5. С. 754–756.

Мишустин Е.Н. Памяти академика Бориса Лаврентьевича Исаченко (1871–1948) // Ботанический журнал. 1949. Т. 34. № 5. С. 547–551.

Научная хроника // Известия Главного Ботанического сада СССР. 1927. Т. 26. Вып. 4. С. 420–421.

От Аптекарского огорода до Ботанического института: Очерки по истории Ботанического института Академии наук СССР / отв. ред. П. А. Баранов и Е. Г. Бобров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 308 с.

Павел Николаевич Овчинников / Вступ. ст. А.И. Максимова и др. Душанбе: Дониш, 1973. 58 с.

Положение о Главном ботаническом саду // Известия Главного ботанического сада СССР. 1927. Т. 26. Вып. 6. С. 655–658.

Приложения к истории Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии. 1798–1898. СПб.: Тип. МВД, 1898. 337 с.

Регель Р.Э. Прикладная экология для инженеров земельных улучшений / Подгот. к печ., вступ. ст. и коммен. А.А. Федотовой, Н.П. Гончарова // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. № 3. С. 691–705.

Руденко М.И. Константин Андреевич Фляксбергер (К 100-летию со дня рождения) // Бюллетень ВИР. 1981. № 106. С. 3–6.

- Рупрехт Ф.И.* Очерк истории Ботанического музея // Записки Имп. Академии наук. 1864. Т. 5. Вып. 2. С. 139–162.
- Савина Г.А.* Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров — президент АН СССР // На переломе: Отечественная наука в конце XIX — XX веке. СПб.: Нестор-История, 2005. Вып. 3. С. 165–205 (Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы, № 3).
- Савич В.П.* Памяти проф. А.А. Еленкина // Советская ботаника 1944. № 1. С. 60–63.
- Семенова-Тян-Шанская А.М.* Записки о пережитом / Сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский, А.Ю. Заднепровская. СПб.: ООО «Анатолия», 2013. 340 с.
- Семенова-Тян-Шанская А.М., Яковлев М.С., Гогина Е.Е.* Памяти Елизаветы Александровны Буш // Ботанический журнал. 1963. Т. 48. № 2. С. 297–302.
- Сенченкова Е.М.* Владимир Николаевич Любименко (К 100-летию со дня рождения) // Бюллетень МОИП. 1975. Т. 80. Отд. биол. Вып. 3. С. 142–145.
- Слепкова Н.В.* Реорганизация Академии наук 1929–1931 гг. и Зоологический музей // Академический архив в прошлом и настоящем. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 292–302.
- Смирнов А.В.* Пётр Симон Паллас и Зоологический институт Академии наук // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 3. С. 107–129.
- Солдатенков С.В.* Сергей Дмитриевич Львов // Физиология растений. 1959. Т. 6. Вып. 2. С. 255–256.
- Сукачев Владимир Николаевич* / Вступ. ст. Б. В. Щербакова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Ботаника. Вып. 3).
- Сухова Н.Г.* А.А. Бяльницкий-Бируля: письма из Русской полярной экспедиции (Подготовка к печати и комментарии) // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 1. С. 84–97.
- Сытин А.К., Федотова А.А.* Коржинский Сергей Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / Сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 248.
- Траутфеттер Р.Э.* Краткий очерк истории Императорского С.-Петербургского ботанического сада // Труды Имп. Санкт-Петербургского Ботанического сада, 1873. Т. 2. С. 145–304.
- Федоров Ал.А.* Ботаническому институту им. В. Л. Комарова Академии наук СССР 250 лет // Ботанический журнал. 1964. Т. 49. № 11. С. I–VIII.
- Федоров Ал.А., Федоров Ан.А.* Памяти А.П. Ильинского // Советская ботаника. 1946. № 3. С. 208–211.
- Федотова А.А.* Российские ботанико-географы во «второй отечественной» // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 364–390.
- Федотова А.А.* Помологический сад д-ра Э.Л. Регеля и Я. Кессельринга // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 387.
- Хахина Л.Н.* Эволюционные взгляды А.А. Еленкина // Проблемы новейшей истории эволюционного учения. Л.: Наука, 1981. С. 189–202.
- Шенников А.П.* Памяти Н.А. Буша // Ботанический журнал. 1952. Т. 37. № 5. С. 713–718.
- Юрцев Б.А.* Развитие идей и начинаний А.И. Толмачева в современной ботанике // Ботанический журнал. 1994. Т. 79. № 6. С. 1–18.
- Яковлев М.С., Смирнов Л.А.* Борис Константинович Шишкин // Ботанический журнал. 1963. Т. 18. № 5. С. 765–767.
- Kolchinsky E.I.* Nikolai Ivanovich Vavilov (1887–1943) // Darwin and Co. Eine Geschichte der Biologie in Portraits. Bd. 2. München: Verlag C. H. Beck, 2001. S. 77–94.

The Uneasy Merging of the Botanical Garden and Botanical Museum into the Botanical Institute

DMITRY V. GELTMAN

Komarov Botanical Institute of RAS, St. Petersburg, Russia;
geltman@binran.ru

The institution currently known as the Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences was formally established in 1931 as the Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences by merging of the Botanical Garden and the Botanical Museum of the USSR Academy of Sciences. Both merged institutions had their own long history. The Botanical Garden was established in 1714 as the Apothecary (Physic) Garden, since 1823 — the Imperial Botanical Garden, and since 1918 — the Principal Botanical Garden. The Botanical Museum was established in 1824 by separating the botanical collections kept in the Academy of Sciences and the Kunstkammer. The article deals with the process of merging the two institutions, and several new sources are published for the first time. It is shown that the majority of staff, especially in the Botanical Museum was satisfied by the *status quo* and only some scientists supported full merging of the garden and the museum. However, exactly this variant was accomplished. Further events have shown that this decision was the right one in terms of the development of botany in the USSR.

Keywords: Komarov Botanical Institute, Botanical Garden, Botanical Museum, Academy of Sciences of the USSR.

О документальном наследии Е.Г. Боброва в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (к 50-летию завершения «Флоры СССР»)

Т.В. КОСТИНА

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Санкт-Петербург, Россия;
TanyaBizyaeva@yandex.ru

Статья посвящена обзору документов архивного фонда Евгения Григорьевича Боброва — секретаря редакции и соредактора «Флоры СССР» (СПФ АРАН. Ф. 1092). Ставится вопрос о необходимости изучения истории этого издания, которая отразилась не только в документах фонда Ботанического института АН СССР (СПФ АРАН. Ф. 273), но и в документах, сохранившихся в фондах ботаников — участников издания. Помимо биографии и деятельности Е.Г. Боброва в обзоре рассматривается история фонда, его структура, раскрывается содержание некоторых интересных документов. Из них становится ясно, что активная работа над изданием «Флоры СССР» началась с конца 1920-х гг. (первое время использовалась такая форма организации труда, как соцсоревнования, но вскоре от нее отказались). Годы Великой Отечественной войны существенно замедлили работу, и ускорить издание томов удалось только после 1949 г., когда к работе был привлечен широкий круг учёных из разных городов СССР.

Ключевые слова: Е.Г. Бобров, «Флора СССР», Ботанический институт Российской академии наук.

Создание «Флоры СССР» (Т. I—XXX, 1934—1964) по праву считается одним из крупнейших достижений советских флористов и систематиков. Семь томов «Флоры» получили в 1951 г. Сталинскую премию. Издание было переведено на английский язык (Vol. 1—19, 24: Jerusalem, 1963—1977; Vol. 22, 25—28, 30, Alphabetical indexes to volumes I—XXX: Washington, 1998—2004 и др.¹). Однако, несмотря на большое значение «Флоры СССР» для ботаники, история её создания до настоящего времени практически не изучена и ждёт своего исследователя².

Основной комплекс официальных документов по истории подготовки «Флоры» сосредоточен в фонде Ботанического института АН СССР (СПФ АРАН. Ф. 273). В то же время не меньший интерес представляют личные фонды ботаников, трудившихся над созданием «Флоры СССР», в документах которых отразился живой процесс работы над изданием³.

¹ Полное библиографическое описание и историю переводов и изданий «Флоры СССР» на английском языке см.: Schmid, 1998.

² Некоторые данные о процессе издания «Флоры СССР» сообщены самим Е.Г. Бобровым в отдельной статье: Bobrow, 1965.

³ Ф. 277: Комаров Владимир Леонтьевич. 1869—1945; Ф. 897: Буш Николай Адольфович. 1869—1941; Ф. 927: Гроссгейм Александр Альфонсович. 1888—1948; Ф. 860: Крашенинников Ипполит Михайлович. 1884—1947; Ф. 823: Кречетович Виталий Иванович. 1901—1942; Ф. 996: Лавренко Евгений Михайлович. 1900—1987; Ф. 835: Липшиц Сергей Юльевич. 1905—1983 (из материалов этого фонда была опубликована шуточная речь на банкете по случаю завершения «Флоры СССР». См.: Федотова, 2012); Ф. 854: Палибин Иван Владимирович. 1872—1949; Ф. 1018: Попов Михаил Григорьевич. 1893—1955; Ф. 791: Рожевиц Роман Юльевич. 1882—1949; Ф. 1014: Синская Евгения Николаевна. 1889—1965; Ф. 333: Толмачев Александр Иннокентьевич. 1903—1979; Ф. 810: Федченко Борис Алексеевич. 1872—1947; Ф. 919: Шишкин Борис Константинович. 1886—1963.

В частности, в этом отношении большой интерес представляет фонд Е. Г. Боброва (1902–1983)⁴.

Доктор биологических наук, профессор, старший научный сотрудник Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР Евгений Григорьевич Бобров известен как специалист в области систематики, флористики, географии растений, морфологии и эволюции хвойных растений, историк и организатор науки. За годы работы в Ботаническом институте Бобров опубликовал более 170 работ. Это труды по географии и истории растительного покрова отдельных частей СССР (Средней Азии, Приуралья и юго-востока Европейской части), а также исследования по систематике Ворсянковых, Гераниевых, по родам Лещина, Донник, Клевер и др. Бобров — автор, пожалуй, лучшей русскоязычной биографии шведского натуралиста Карла Линнея.

Е.Г. Бобров родился 17 февраля (2 марта) 1902 г. в Твери, в семье железнодорожного служащего, бывшего рабочего, выходца из крестьян Валдайского уезда Новгородской губернии. Он окончил два класса земского училища (1911), Общественную среднюю школу станции Поповка Октябрьской железной дороги (1918). В 1918 г. поступил «за недостатком вакансий на биологическом отделении» на физико-математическое отделение Петроградского университета. Но уже через год, в 1919 г., он смог перевестись на биологическое отделение и в результате окончил в 1925 г. университет, уже переименованный в Ленинградский, специализируясь на морфологии и систематике растений.

С лета 1918 до июня 1923 г. одновременно с учёбой он работал в железнодорожных учреждениях, военном госпитале и Военно-политической академии. Летом 1920 г. вёл геоботанические, флористические и фенологические наблюдения на Петергофской станции университета. В 1921 и 1922 гг. участвовал в экспедиционных работах, организованных Ботаническим садом в Череповецкой губернии, и с этого времени был тесно связан с Главным ботаническим садом, куда был принят в июне 1923 г. на должность препаратора в Гербарий.

В 1926 г. Бобров был зачислен сверхштатным аспирантом без содержания в Географо-экономический исследовательский институт при Географическом факультете Ленинградского университета по специальности «Ботаническая география». В 1929 г. он окончил аспирантуру, представив диссертацию «Растительность гор Большие Балханы», судьба которой пока остается непроясненной. В 1927–29 гг. он занимал должность старшего ассистента (с почасовой оплатой) по курсу «Систематика растений» при кафедре географии растений на географическом факультете Ленинградского университета. В 1926 г. он опубликовал первые научные работы, после чего был переведён на должность ассистента Главного ботанического сада.

С начала 1930-х гг. Бобров начал приобретать и определённый опыт администрирования. С передачей Главного ботанического сада в Академию наук и реорганизацией его в Ботанический институт, будучи в должности старшего научного сотрудника, осенью 1931 г. он был назначен секретарем отдела систематики и исполнял эти обязанности один год⁵. В 1930–1932 гг. заведовал препараторской школой отдела кадров Академии наук. Летом 1932 г. был назначен начальником Северной геоботанической группы (в составе семи партий) Нижне-Волжской почвенно-ботанической экспедиции.

⁴СПФ АРАН. Ф. 1092.

⁵См. об этом подробнее статью в данном выпуске: Гельтман, 2014.

Рис. 1. Петергофская естественнонаучная станция Петроградского университета. Лето 1920 г. (стоит проф. Н.А. Буш, за столом второй справа Е.Г. Бобров)

Помимо издания «Флоры СССР», — главного дела жизни Боброва, о чём будет сказано ниже, основные вехи его биографии выглядят следующим образом. 25 октября 1935 г. на заседании Президиума Академии наук СССР по представлению Квалификационной комиссии биологических наук за работы по систематике Боброву без защиты диссертации была присуждена степень кандидата биологических работ по разделу ботаники. Присуждение учёной степени без защиты, по совокупности научных трудов, было обычным явлением в 1930-е гг. в СССР. В 1937 г. Бобров работал в Южном Крыму в качестве руководителя группы студентов ЛГУ. С 10 декабря 1937 г. до 15 июня 1938 г. исполнял обязанности директора Ботанического института Академии наук и ответственного редактора журнала «Советская ботаника», членом редакции которого состоял до 1946 г.

15 мая 1941 г. Бобров защитил докторскую диссертацию на тему «Виды клеверов в СССР». После выхода в 1947 г. работы из печати она была удостоена премии Президиума АН 1948 г. и в 1950 г. издана в виде отдельной монографии. Решением ВАК от 3 июня 1950 г. Бобров был утверждён в учёном звании профессора по специальности «систематика и география цветковых растений».

В середине 1960-х — начале 1980-х гг. Бобров продолжал работать в Ботаническом институте старшим научным сотрудником. В 1965 г. он был утверждён членом редакции «Ботанического журнала». Одновременно являлся членом Президиума Всесоюзного ботанического общества, с 1935 г. входил в состав учёного совета Ботани-

ческого института, с 1963 г. — в состав совета биолого-почвенного факультета ЛГУ; состоял иностранным членом Лондонского Линнеевского общества и иностранным членом Болгарского ботанического общества⁶. Бобров был одним из подписавших в 1955 г. «Письмо трёхсот» против методов и теорий Т.Д. Лысенко, насаждавшихся в биологической науке в СССР⁷.

Скончался Бобров в Ленинграде 28 февраля 1983 г. и был похоронен на Богословском кладбище г. Ленинграда.

Вехи биографии Боброва в представленном виде, однако, не отражают главного дела его жизни — издания «Флоры СССР». С 1930 г. его деятельность самым тесным образом была связана с созданием этого монументального издания. Деятельный участник разработки проекта «Флоры СССР», в 1931 г. он был назначен главным редактором издания, академиком В.Л. Комаровым, на пост секретаря редакции⁸. Через два года Е.Г. Бобров стал учёным секретарем сектора Ботанического института, занимающегося изданием «Флоры СССР», и с этого времени на нём лежала почти вся организационная и значительная часть редакционной работы. В апреле 1946 г. он был назначен на должность заведующего сектором «Флоры СССР» в БИН. Под редакцией Е.Г. Боброва (совместно с Б.К. Шишкиным) вышли 13–15, 18, 22, 24, 26–27 и 30 тома; совместно с С.К. Черепановым⁹ отредактирован том 28, а с Н.Н. Цвелёвым¹⁰ том 29 и «Алфавитные указатели к тт. I–XXX» (1964). В качестве автора он написал для «Флоры СССР» более 40 авторских листов основного текста: обрабатывал класс гнетовых; семейства вертляницевых, гераниевых, каперцовых, парнолистниковых, шаровниковых; роды: *Actinolema*, *Adonis*, *Astrantia*, *Atractylodes*, *Caesalpinia*, *Centella*, *Echinops*, *Eryngium*, *Falcata*, *Glycine*, *Hydrocotyle*, *Lagonychium*, *Melilotus*, *Phaseolus*, *Pisum*, *Sanicula*, *Trifolium* и др.

Неудивительно поэтому, что в архивном фонде Е.Г. Боброва сохранилось немало документов, связанных с подготовкой к изданию «Флоры СССР». В то же время при работе с любым личным фондом необходимо учитывать особенности его формирования. Для облегчения работы с фондом и публикуется настоящий обзор.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 24.

⁷ Публикация Т. 14 «Флоры СССР», вышедшего в свет в 1949 г., была снабжена предисловием редакции, где в завуалированной форме также выражена ее позиция по отношению к теории Т.Д. Лысенко: «Это первый том из выходящих в свет после сессии ВАСХНИЛ (август 1948 г.) с известным докладом акад. Т.Д. Лысенко — “О положении в биологической науке”. В связи с этим следует отметить отношение И.В. Мичурина к инвентаризации представителей растительного мира СССР, т. е. к флористической работе. В 1932 г. (соч. т. IV, с. 202) И.В. Мичурин писал: “С живейшим удовольствием встречаю намерение к изданию ботанического описания флоры, растущей на всей территории нашего Союза Республик. Эта нужда давно назрела у нас, крайне стесняя каждую работу во всякой осмысленной культуре растений. Надо удивляться, как это такой пробел до сих пор удержался у наших ботанических светил науки”». (Флора СССР, т. XIV, 1949, с. V).

⁸ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.

⁹ Черепанов Сергей Кириллович (1921–1995) — ботаник-систематик, знаток ботанической номенклатуры, автор «Свода изменений и дополнений к “Флоре СССР”», списков сосудистых растений СССР.

¹⁰ Цвелёв Николай Николаевич (р. 1925) — ботаник-монограф, специалист в области систематики (особенно семейства злаков), флористики, морфологии и эволюции сосудистых растений, член-корреспондент РАН.

* * *

Документы Е.Г. Боброва поступили в Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР 15 марта 1985 г. от его вдовы, ботаника Людмилы Андреевны Куприяновой, (см. о ней: Тарасевич, 2011) и одного из сыновей, также ботаника, Андрея Евгеньевича Боброва. Документы охватывают период с 1917 по 1983 г. В результате научно-технической обработки их них было сформировано 121 дело; они объединены в одну опись, состоящую из 6 разделов.

Раздел «Научные труды и материалы к ним» (крайние даты документов: 1930–1982) включает в себя все сохранившиеся в фонде тексты научного характера, принадлежащие перу Е.Г. Боброва. К сожалению, материалы фонда носят фрагментарный характер и неполно отражают научную деятельность Е.Г. Боброва. Рукописи монографий в фонде отсутствуют, но имеется небольшое количество подготовительных материалов (выделены в отдельные дела): отрывок черновика, вырезка из книги (с пометами Е. Г. Боброва), варианты аннотаций.

В фонде сохранилось несколько докладов и статей, в том числе неопубликованных. В неизданной статье «Гербарии Советского союза, их состояние и задачи», написанной Е.Г. Бобровым, скорее всего, в 1955–1957 г., он дает обзор истории отечественных гербариев, начиная его с небольшой коллекции, собранной Петром I во время путешествия за границу в 1717 г., после чего дает обзор гербариев университетов и Академии наук. Современное состояние гербарного дела описано им далеко не в лестных тонах, прямо указывая, что оно «производит почти везде у нас впечатление запущенного». Бобров писал:

«Ближайшими причинами этого являются чрезвычайно быстрый рост самого дела в недавнем прошлом, связанная с этим его некоторая неорганизованность и наступившее и всё ещё продолжающееся невнимание к нему за последние годы из-за непонимания его значения»¹¹.

Важным историческим свидетельством является описание проблем гербариев, поскольку Бобров, действительно, имел самые глубокие представления о том, что происходило не только в гербарии БИНа, но и в других гербариях Советского Союза, где работали его коллеги. Он так описывал сложившуюся ситуацию:

«Тут и отсутствие надлежащих помещений, и недостаток самой скромной технической вооруженности — трудности с монтировкой коллекций, иногда даже отсутствие бумаги, недостаток шкафов, зараженность коллекций вредителями и пр. Почти всюду ощущается недостаток технического персонала. Работа в гербариях обычно ведется, если так можно выразиться, экстенсивно, так как на должное внимание к коллекциям недостает времени и сил. Немало повинно в этом недостатке и то, что большая часть персонала гербариев занята в некоторых случаях излишне громоздкими флористическими сводками»¹².

Завершает Бобров статью постановкой задач работы республиканских и других, начинающих свою деятельность гербариев.

Учитывая значение исследований Боброва как историка науки, биографа Карла Линнея, большой интерес представляет черновик доклада «О Жане-Батисте Ламарке, его

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.

¹² Там же. Л. 14.

жизни и учении», прочитанного после 1945 г. Примечателен и сам факт обращения Боброва к биографии французского естествоиспытателя, и то, что он упоминает о симпатиях к Ламарку своих старших, к тому времени уже ушедших коллег В.Л. Комарова и В.Н. Любищенко. Можно отметить, что Ламарк был одним из немногих ботаников, упомянутых в предисловиях к томам «Флоры СССР». В первом томе редакция позволила себе поместить исторический анекдот, связанный с ним¹³.

Также в этот раздел была отнесена корректура и все материалы, имеющие отношение к подготовке коллективной монографии «От Аптекарского огорода до Ботанического института: очерки по истории Ботанического института Академии наук СССР» (М.; Л., 1957). Е.Г. Бобров был автором двух очерков и ответственным соредактором издания (с П.А. Барановым¹⁴). Эти материалы вместе с сохранившимися рукописями очерков В.А. Бриллиант-Лерман, И.Т. Васильченко, И.Н. Коновалова, А.Н. Криштофовича, В.Л. Некрасовой, В.П. Савича, В.Б. Сочавы, А.П. Шенникова и фотографиями, подготовленными для иллюстрирования издания, собраны в единый комплекс документов.

В раздел «Документы к биографии» (1917–1983) вошли документы об учебе Боброва, получении им ученых степеней, почетных грамот, поздравительных адресов; отзывы о работах Боброва, за исключением отзывов на «Флору СССР», которые вошли в раздел «Документы по научно-организационной деятельности». Также к биографическим документам были отнесены «Самоотчёт д-ра Боброва Е.Г.» и «Краткая характеристика работ по сектору флоры СССР БИНа и сведения о работе зав. сектором д-ра Е.Г. Боброва», т. к. они написаны им в манере, близкой к автобиографии. В частности, он описал в «Краткой характеристике...» повседневные заботы, связанные с созданием «Флоры СССР»:

«Мне приходится читать все рукописи, подготавливая их к печати и читать все корректуры; сам я, как правило, составляю и все указатели. Очень немного времени мне остаётся на то, чтобы быть активным автором; но и здесь, в этом немного, мне приходится на себя брать

Рис. 2. Е.Г. Бобров редактирует материалы пятнадцатого тома «Флоры СССР». 1947 г.

¹³ «Когда-то Ж.Б. Ламарк, бывший изобретателем дихотомических таблиц для определения растений, побился с приятелями об заклад, что если первый же прохожий, случайно идущий мимо них, согласится пожертвовать получасом, то по таблицам, вновь составленным для его "Flore de France", такой прохожий, никогда не занимавшийся ранее ботаникой, правильно определит любое данное ему в руки растение. Биографы Ламарка утверждают, что опыт вполне удался» (Флора СССР. Т. 1, 1934, с. 4).

¹⁴ Баранов Павел Александрович (1892–1962) — ботаник, член-корреспондент АН СССР, директор БИН АН СССР в 1952–1962 гг.

обыкновенно те группы растений, которые не обеспечены другими авторами. Всего для флоры мною написано немногим более двадцати листов (можно не считать, конечно, тридцать с лишком листов указателей — это работа почти техническая)¹⁵.

Документы этого раздела охватывают по времени создания всю научную биографию Е.Г. Боброва. Сохранилось его обращение к дирекции БИН, его парторганизации и местному по поводу поступившего ему предложения подать заявление об уходе на пенсию, сделанное за год до смерти, в 1982 г.

«Не желая попасть в положение унтер-офицерской вдовы, “которая сама себя высекла”, я отказывался это заявление подать, сказав, что если Дирекция решила меня уволить, то она сама и найдет нужную формулировку, — писал с горечью Е.Г. Бобров, — Последние же 10 лет, в должности консультанта, имея право работать половину рабочего времени, я был на работе ежедневно полный рабочий день <...> Более того, с 1965 г. я не смог использовать еще 5–6 месяцев отпуска. За эти 13–14 лет мною опубликовано более 50 работ, из них 5 масштаба докторских диссертаций <...> Последние 2–3 года моя работа стала спокойнее (меньше стало обязательных заседаний), но напряжение ее не ослабело, т. к. обычная работа не уменьшилась, а значительно увеличилась работа по редакции Ботанического журнала — только для этого издания я пишу теперь не менее 100 (ста) рецензий в год. “Сохранение рабочего места” за мною, о чем прошу, позволило бы мне продолжать мои исследования, как и некоторые другие работы, т. к. состояние моего здоровья пока это позволяет»¹⁶.

Наиболее объёмный по количеству документов раздел фонда — «Документы по научно-организационной деятельности» (1920–1981). В нём отложились значительный комплекс делопроизводственных документов по истории БИН за 1920–1930-е гг., а также 1960-е гг., когда Е.Г. Бобров руководил различными подразделениями института (Гербарием и Дублетным сектором Гербария), материалы по обследованию Главного ботанического сада, производившегося перед его преобразованием в Ботанический институт. Детально зафиксирован в подлинных документах, сохранившихся в фонде, процесс перевозки коллекций из бывшего Ботанического музея Академии наук в Гербарий БИН на Аптекарском острове. Е.Г. Бобров, занятый при подготовке гербариев к перевозке и в самом процессе перевозки, вел дневник этого мероприятия, от перемещения первых 14 шкафов гербария, состоявшегося 1 января, до последних двух лошадиных подвод, завершивших перевозку 3 июня 1932 г., и эмоциональной приписки, обведённой в прямоугольник с восклицательным знаком: «Конец и трофеи»¹⁷.

Ярким документом по истории института 1930-х гг. является стенограмма распорядительного заседания Президиума АН СССР «О программе работ Ботанического института на 1938 г.». Выступавший на заседании от имени института Е.Г. Бобров был вынужден доказывать, что сотрудники института «ни в какой мере не отказались от участия в разрешении, в пределах наших возможностей, тех самых народно-хозяйственных проблем, которые стояли перед нами в прошлом году»; объяснять, что появление в плане нового раздела «“Проблема эволюции растительного мира” диктуется прямыми указаниями Президиума относительно того, что вопросами эволюции у нас занимались мало»; а также отвечать на критику ака-

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

¹⁶ Там же. Д. 28. Л. 1–2.

¹⁷ Там же. Д. 36. Л. 7–17.

демика Б.А. Келлера¹⁸, ушедшего в октябре 1937 г. по собственному желанию с должности директора БИН, но фактически с 1936 г. занимавшегося созданием Ботанического сада Академии наук в Москве.

Приведённые документы объединены в подразделе «Главный ботанический сад СССР, с 1930 г. Ботанический институт АН СССР» (13 дел за 1920–1981). Документы, связанные с редактированием «Флоры СССР», выделены в отдельный подраздел. При этом чёткой границы между этими двумя подразделами провести невозможно, так как ряд документов первого (планы работ БИН и его отделов, «Стенограмма...» и др.) имеют отношение и к деятельности всего БИН и к изданию «Флоры СССР», так же как «Договора соцсоревнования сотрудников БИНа, в том числе Е.Г. Боброва, о подготовке критических обработок родов для “Флоры СССР” и др.; протокол заседания производственного сектора от 2 марта 1931 г. о премировании ударников 1930 г., планировании ударных обязательств и создании общественного контроля по подготовке “Флоры СССР” и др.» (1929–1931) касались не только их работ по «Флоре СССР», но и других научных занятий.

Документы этого раздела чрезвычайно интересны. Они отражают живой процесс зарождения масштабного издания и трудности его осуществления. Дело в том, что работа над «Флорой СССР» не могла бы идти столь быстро, как она начиналась в конце 1920-х — начале 1930-х гг., если бы она целиком была плановой работой коллектива. Нуждаясь в деньгах, сотрудники БИН в надежде на премирование подписывали так называемые «Договора соцсоревнований»:

«Принимая вызов, я, Е.Г. Бобров, в свою очередь вызываю С.Г. Горшкову¹⁹ на монографическую обработку в соответствующем объеме рода *Tamarix* для флоры СССР и Н.В. Шипчинского²⁰ на монографическую обработку родов *Actaea* и *Cimicifuga* — для Флоры СССР. Срок исполнения работы для С.Г. Горшковой и Н.В. Шипчинского предлагаю по 1 янв. 1931 года»²¹.

Не все при этом подписывались безоговорочно на вызов, некоторые заменяли одни описания другими. Например, старший ассистент М.М. Ильин²² писал:

«Вызов на род *Echinops* отклоняю, т. к. по данному роду в настоящее время не имеется достаточного количества материала. Вместо рода *Echinops* беру род *Serratula* с окончанием обработки его через 1 год после подписания настоящего договора за исключением срока пребывания в командировке и при условии своевременной выписки из заграницы необходимого материала»²³.

¹⁸ Келлер Борис Александрович (1874–1945) — геоботаник, почвовед, эколог, академик АН СССР и ВАСХНИЛ. Директор БИН в 1931–1937 гг. Автор статьи в «Большие планы и малые дела» в «Правде» в апреле 1938 г., в которой критиковались Ботанический и Зоологический институты.

¹⁹ Горшкова София Геннадьевна (1889 — после 1949) — ботаник, систематик, флорист.

²⁰ Шипчинский Николай Валерианович (1886–1955) — ботаник, систематик, заведующий Ленинградским ботаническим садом в 1934–1938 и 1942–1948 гг. См. его мемуары в этом номере: Гельтман, Андреев, 2014.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

²² Ильин Модест Михайлович (1889–1967) — ботаник-ресурсовед.

²³ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 44. Л. 3.

Договора показывают желание участников издания максимально расширить круг авторов. Они прямо пишут об этом:

«В то же время все мы, т. е. В.А. Петров, С.В. Юзепчук²⁴, Е.Г. Бобров и Н.В. Шипчинский предлагаем всем вызванным нами научным работникам в свою очередь вызвать на аналогичную работу тех товарищей, которые остались не охваченными настоящими вызовами»²⁵.

Перекрёстные вызовы касались не только «Флоры СССР», но и Китайской и Монгольской флор; сотрудники БИН Е.П. Матвеева, С.А. Невский²⁶ и Н. Шипчинский в январе 1931 г. объявили себя «ударной бригадой по выполнению производственного плана 1931 г.» и вызывали на то же сотрудников Туркестанского Гербария²⁷. Интересно, что в эти годы (1933–1935) существовала особая «Бригада по общественному просмотру “Флоры СССР”». В фонде сохранились протоколы заседаний бригады, отзывы ее членов²⁸.

В связи с изменением политической обстановки в стране времена соцсоревнований уже через несколько лет ушли в прошлое. В 1938 г. Бобров так описывал ситуацию с замедлением сроков выполнения обработок для «Флоры СССР»:

«Пятилетний опыт работы по составлению “Флоры СССР” показал нам, что сколько-нибудь широкое привлечение к этой работе сторонних БИН’у специалистов весьма затруднительно и по ограниченности числа их и по несоблюдению ими по разным обстоятельствам условий соглашений. Это обстоятельство усугубляется еще и тем, что перемены в личном составе работников БИН’а, произошедшие в 1838 г., весьма сильно сократили число специалистов, могущих по своей квалификации участвовать в работе по “Флоре СССР”. Сокращение же авторского коллектива Флоры вызывает и сокращение темпов работы, что находится в противоречии с постановлении Президиума АН от ... 1938 г.»²⁹.

Рис. 3. Е.Г. Бобров в экспедиции на Алтае. 1971 г.

²⁴ Юзепчук Сергей Васильевич (1893–1959) — ботаник-систематик, активный автор «Флоры СССР».

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

²⁶ Невский Сергей Арсеньевич (1908–1938) — ботаник-систематик, специалист по семействам орхидных и злаков.

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 44. Л. 5.

²⁸ Там же. Д. 54.

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.

Бобров как директор БИН'а, заместитель главного редактора «Флоры» и секретарь редакции «Флоры» просил Президиум АН разрешить заключать авторские договора на часть работ, «в порядке сверхштатных поручений и соглашений на редактирование отдельных томов со штатными сотрудниками БИН'а», представляя, что такие соглашения составят не более 30 % всей работы.

Крайне негативно отразилась на темпах работы над «Флорой СССР» Великая Отечественная война. «4 года в значительной мере потеряны и что самое главное потеряны нужнейшие люди — авторы», — писал Е.Г. Бобров³⁰. В эти тяжёлые годы не стоял вопрос о дополнительном финансировании издания, над которым продолжали работать сотрудники в соответствии со своими научными планами. Начиная с 1949 г. к работе над «Флорой СССР» был привлечён широкий круг специалистов из других городов СССР: в Москве — С.Ю. Липшиц³¹, С.Г. Тамамшян³²; в Киеве — М.В. Клоков³³; на Кавказе — Я.И. Проханов³⁴, Д.И. Сосновский³⁵, И.П. Манденова³⁶, А.Л. Тахтаджян³⁷; в Ташкенте — А.И. Введенский³⁸, А.Я. Бутков³⁹, В.П. Бочанцев⁴⁰; в Алма-Ате — П.П. Поляков⁴¹, В.П. Голоскоков⁴²; в Сталинабаде — Ю.С. Григорьев⁴³, П.Н. Овчинников⁴⁴; на Дальнем Востоке — М.Г. Попов⁴⁵.

Материалы по подготовке «Флоры СССР» позволяют понять, почему произошёл рост объёма издания по сравнению с первоначальными планами; как решалась сложная проблема с оплатой труда сторонних авторов, увидеть редакторскую работу не только самого Е.Г. Боброва, но и других ботаников: В.И. Кречетовича,

³⁰ Там же. Д. 45. Л. 18.

³¹ Липшиц Сергей Юльевич (1905–1983) — систематик, историк и библиограф ботаники, автор справочника «Русские ботаники» (1947–1952).

³² Тамамшян София Георгиевна (1901–1981) — ботаник-систематик, заведующая Гербарием Естественной исторической музея Армении.

³³ Клоков Михаил Васильевич (1896–1981) — систематик, ботанико-географ, а также автор поэтических сборников.

³⁴ Проханов Ярослав Иванович (1902–1965) — систематик, специалист по ботанической номенклатуре.

³⁵ Сосновский Дмитрий Иванович (1886–1953) — ботаник, директор Тбилисского ботанического института.

³⁶ Манденова Ида Павловна (1907–1957) — систематик, специалист по флоре Кавказа.

³⁷ Тахтаджян Армен Леонович (1910–2009) — ботаник-эволюционист, автор системы цветковых растений, академик АН СССР / РАН, директор Ботанического института АН СССР в 1977–1986 гг.

³⁸ Введенский Алексей Иванович (1898–1972) — систематик, ботанико-географ, исследователь флоры Средней Азии, создатель среднеазиатской ботанической школы.

³⁹ Бутков Александр Яковлевич (1911–1981) — ботаник-систематик.

⁴⁰ Бочанцев Виктор Петрович (1910–1990) — ботаник, систематик, исследователь флоры Средней Азии. Работал в Ташкенте, позже — в Ленинграде.

⁴¹ Поляков Петр Петрович (1902–1974) — ботаник-систематик.

⁴² Голоскоков Виталий Петрович (1913–1999) — систематик, геоботаник, флорист, в 1957–1975 гг. заведующий Отделом флоры Института ботаники Академии наук Казахской ССР.

⁴³ Григорьев Юрий Сергеевич (1905–1975) — ботаник-систематик.

⁴⁴ Овчинников Павел Николаевич (1903–1979) — ботаник, академик АН Таджикской ССР.

⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 45. Л. 34. Попов Михаил Григорьевич (1893–1955) — ботанико-географ, систематик, флорист.

С.А. Невского, Р.Ю. Рожевица и др. Также в этот подраздел помещены собранные в одно дело «Критические отзывы В.И. Кречетовича и Г.А. Трегубова о работе над “Флорой СССР” с ответами редакции “Флоры СССР” на них»; «Несколько предложений относительно издания “Флоры СССР” С.О. Илличевского»⁴⁶. Интересно, что ответы на критические отзывы помещены непосредственно в предисловиях к томам «Флоры СССР»⁴⁷. Вместе с этими документами они представляют диалог редакции с коллегами.

Небольшой подраздел «Академические и неакадемические учреждения, в том числе зарубежные (1944–1981)» образован из приглашений и программ на различные заседания, присланных Е. Г. Боброву, документов о его поездке в Венгрию, а также документов, касающихся издания его работы «Карл Линней» и её болгарского перевода (Бобров, 1983).

В разделе «Фотографии и портрет» (1920–1983) сохранились коллективные фотографии учащихся с преподавателями, сделанные на Естественнонаучной станции Петроградского университета в Петергофе в 1920 г.; снимки разных лет, на которых запечатлены помещения БИН; фотопортреты Е.Г. Боброва, одного и с коллегами, а также фотографии, сделанные во время экспедиции 1971 г. на Алтай. Среди фотографий, собранных Е.Г. Бобровым, сохранились портреты членов Академии наук А.А. Гроссгейма, Б.К. Шишкина; фотография академика В.Л. Комарова с неустановленным лицом.

В разделе «Переписка» (1932–1982) сохранились письма жене, Л.А. Куприяновой, написанные Е. Г. Бобровым в блокадном Ленинграде осенью и зимой 1941 г., когда семья находилась в эвакуации (сначала в Казани, затем в Тетюшах, а после в Саранске). Несмотря на появляющиеся в ноябре–декабре жалобы на голод и холод, письма проникнуты заботой о семье, за которую он переживал намного больше, чем за себя. Остальные письма сохранились в черновых вариантах. Большинство из них — черновые наброски писем зарубежным коллегам на французском языке, без указания адресата.

Письма Е.Г. Боброву образовали значительный комплекс архивных дел. Большая часть — это письма отечественных и зарубежных коллег, но есть письма дружеского (от А.И. Введенского) и личного (от И.Ф. Чембуловой) характера.

Среди документов раздела «Труды и документы других лиц» (1933 — не позднее 1959) особый интерес представляет сохранившееся неопубликованное сочинение В.И. Кречетовича «Что такое *Asperula cynanchica* auct. Fl. Ross. в связи с ближайшими родственными циклами», переданное Е.Г. Боброву в 1953 г. А.Г. Борисовой⁴⁸. До этого времени рукопись находилась у Л.И. Цветковой в материалах из кабинета Б.А. Федченко и была использована М.В. Клоковым при обработке им подрода *Cynanchica* рода Ясменник.

В 2011 г. фонд Е.Г. Боброва прошёл научно-техническую обработку. В настоящее время он поступил на государственное хранение в СПФ АРАН и доступен читателям. Представляется, что полувековой юбилей издания — достаточно весомый повод обратиться к изучению документов фонда. Исследование этой темы важно начать

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 53.

⁴⁷ Флора СССР, т. 2, 1934, с. V; т. 3, 1935, с. V; т. 7, 1937, с. V.

⁴⁸ Борисова Антонина Георгиевна (1903–1970) — специалист по флоре пустынь и засушливых экосистем Центральной Азии, профессор.

ещё и потому, что уже оказавшиеся в архивном фонде документы сейчас можно дополнить живыми свидетельствами работы над изданием, собрав их у наших современников, заставших окончание работы над «Флорой СССР».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а.

Автор выражает признательность редакторам выпуска Дмитрию Викторовичу Гельтману и Андрею Кирилловичу Сытину, а также Анастасии Алексеевне Федотовой за помощь в работе над статьей.

Литература

Бобров Е.Г. Карл Линней (1707–1778) / Прев. от рус. Борис Китанов. София: Наука и искусство, 1983. 197 с.

Гельтман Д.В. Непростое объединение Ботанического сада и Ботанического музея в Ботанический институт // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 35–60.

Гельтман Д.В., Андреев М.П. Воспоминания по революционной истории БИНа Н.В. Шипчинского // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 3. С. 74–89.

Тарасевич В.Ф. Куприянова Л.А // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008. Энциклопедический словарь / Ред.-сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 262–263.

Федотова А.А. От автора «Flora Rossica» — авторам «Флоры СССР» // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 1. С. 92–95.

Флора СССР. Т. I / гл. ред. акад. В.Л. Комаров; ред. I тома М.М. Ильин; сост. Е.Г. Бобров, М.М. Ильин, В.Л. Комаров, А.Н. Криштофович, Б.А. Федченко, А.В. Фомин, С.В. Юзепчук. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. XVI, 302 с.

Флора СССР. Т. II / Гл. ред. акад. В.Л. Комаров; ред. II тома Р.Ю. Рожевиц, Б.К. Шишкин; сост. Е.Г. Бобров, А.И. Введенский, Н.Ф. Гончаров... [и др.] Л.: Изд-во АН СССР, 1934. XXXIII, 778 с.

Флора СССР. Т. III / Гл. ред. акад. В.Л. Комаров; ред. III тома Б.К. Шишкин; сост. Н.Ф. Гончаров, В.И. Кречетович, А.Н. Криштофович... [и др.] Л.: Изд-во АН СССР, 1935. XXV, 636 с.

Флора СССР. Т. VII / Гл. ред. акад. В.Л. Комаров; ред. VII тома Б.К. Шишкин; сост. Е.Г. Бобров, А.А. Булавкина, В.Л. Комаров, И.М. Крашенинников, В.И. Кречетович, А.Н. Криштофович... [и др.] Л.: Изд-во АН СССР, 1937. XXVI, 790, [2] с.

Флора СССР. Т. XIV / Гл. ред. акад. В.Л. Комаров; ред. XIV тома Б.К. Шишкин, Е.Г. Бобров; сост. Е.Г. Бобров, А.Г. Борисов, В.Н. Васильев... [и др.] М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. XXIV, 790 с.

Флора СССР, Алфавитные указатели к тт. I–XXX / Сост. Л.И. Иванина, Т.Г. Леонова, А.Е. Маценко. М.; Л.: Наука, 1964. 262 с.

Bobrow E.G. Flora URSS // Nature. 1965. Vol. 205. 13 March. P. 1046–1049.

Schmid R. A bibliographically Kafkaesque situation // Taxon. 1998. Aug. № 47. P. 788–790.

**About Bobrov's Documentary Heritage in the St. Petersburg Branch
of the Archives of the Russian Academy of Sciences
(for the 50th Anniversary of the "Flora of the USSR")**

TATIANA V. KOSTINA

St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archive,
St. Petersburg, Russia; TanyaBizyaeva@yandex.ru

The article reviews the documents of E.G. Bobrov's archival manuscript group – who was the editorial secretary and the co-editor of "Flora of the USSR" (SPB ARAS. Manuscript group 1092). The article discusses the question of the necessity of studying the history of this edition, which was reflected not only in the documents of the manuscript group of the Komarov Botanical Institute of the Academy of Sciences of the USSR (SPB ARAS. Manuscript group 273) but also in the documents preserved in the manuscript groups of the botanists – who were participants of the volume. In addition to the biography of E.G. Bobrov, the review deals with the history of the manuscript group and its structure, and discloses the contents of the most interesting documents. They show that the active work on the publication of "Flora of the USSR" began in the late 1920s – early 1930s, and that the work was organized as "socialist competition". The years of the Great Patriotic War had a negative impact on the work performance, and it only became possible to accelerate the publication of the volumes after 1949, when a wide range of scientists from different cities of the USSR became involved in the work.

Keywords: E.G. Bobrov, "Flora of the USSR", Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Воспоминания по революционной истории БИНа Н.В. Шипчинского

*ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
Д.В. ГЕЛЬТМАНА, М.П. АНДРЕЕВА*

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
geltman@binran.ru

Воспоминания Н.В. Шипчинского, работавшего в Ботаническом саду / Ботаническом институте в 1910–1955 гг. — один из немногих документов, дающих представление о повседневной жизни Ботанического сада в предреволюционные годы, во время революции и Гражданской войны. В них рассказывается также о первых шагах по «советизации» сада, взаимоотношениях научных сотрудников с новой властью и назначенными ею хозяйственными руководителями.

Ключевые слова: Ботанический сад, Октябрьская революция, Гражданская война.

Николай Валерианович Шипчинский (1886–1955) — известный ботаник, систематик, специалист по интродукции растений и зелёному строительству. Он родился в Гельсинфорсе (Хельсинки) в дворянской семье. В 1909 г. закончил русскую гимназию в Гельсинфорсе и в этот же год поступил в Санкт-Петербургский университет, который, однако, не закончил из-за начала Первой мировой войны.

С 1910 г. он начал работать «по вольному найму» в Гербарии Императорского ботанического сада¹. В 1912 г. был приглашён Переселенческим управлением (с которым сад активно сотрудничал) на должность ботаника, участвовал во многих почвенно-ботанических экспедициях этого управления и оставался в его штате до 1919 г. В 1915 г. был принят на должность лектора — руководителя экскурсий в Ботанический сад. С 1916 г. он консерватор Гербария, в штате этого подразделения оставался до 1931 г., хотя в годы революции и Гражданской войны ему приходилось много заниматься спасением коллекцией живых растений и даже замещать одного из учёных садоводов.

¹ Об истории Императорского (Главного) ботанического сада см. введение к данному номеру журнала.

С 1934 по 1938 г. Н.В. Шипчинский заведовал отделом Ботанический сад Ботанического института АН СССР (БИН). В 1937–1938 гг. он каким-то чудом избежал репрессий, когда специальная комиссия, созданная месткомом института, назвала его деятельность на посту заведующего «вредительской»: ему и ещё нескольким сотрудникам пытались вменить в вину все мыслимые и немыслимые недостатки сада², в том числе и такие, которые имеют место до сих пор.

В 1942–1948 гг. Н.В. Шипчинский снова заведовал Ботаническим садом (во время блокады он оставался в Ленинграде), затем работал в должности старшего научного сотрудника. За заслуги в сохранении и восстановлении коллекций института был награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За оборону Ленинграда».

Научные интересы Н.В. Шипчинского были связаны с систематикой ряда групп цветковых растений, прежде всего семейства лютиковых (в широком смысле, включая пионовые). Несколько родов этого семейства он обработал для «Флоры СССР» (Шипчинский, 1937). Он участвовал во многих экспедициях на территории СССР, а в 1916 г. посетил окрестности оз. Урмия в Иране (Шипчинский, 1927); свои путешествия он описал в научно-популярной книге (Шипчинский, 1955). Активно занимался вопросами зелёного строительства, проектировал ботанические сады в Москве, Минске и Фрунзе (ныне Бишкек).

Н.В. Шипчинский был в числе первых научных сотрудников Ботанического сада, принявших (по крайней мере, внешне), новые порядки, установившиеся после Октябрьской революции. В его общественной характеристике³ указано, что он был активным автором стенгазеты сада, появившейся в 1924 г. В 1925 г. он первым из научных сотрудников был принят кандидатом в члены ВКП(б), а в 1926 г. стал членом партии. В упомянутой общественной характеристике также отмечено, что при его активном содействии в штат научных сотрудников были приняты первые комсомолки. В 1924–1931 гг. трижды избирался депутатом Ленсовета. С его помощью были приняты решения о передаче в Ботанический сад коллекций из бывших дворцовых и частновладельческих оранжерей.

«Воспоминания по революционной истории БИНа» были написаны, скорее всего, в конце 1932 г. Рукописный вариант хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (далее СПФ АРАН)⁴, на нём имеется две пометки красными

Рис. 1. Н. В. Шипчинский — студент Санкт-Петербургского университета (Фотоархив БИН РАН)

² Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее — СПФ АРАН). Ф. 273. Оп. 1 (1938). Д. 12. Л. 28.

³ Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 8. Д. 96. Л. 15.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 54.

чернилами, сделанные рукой тогдашнего заместителя директора по научной работе В.П. Савича «В комиссию по истории БИНа, 10 XI 1932» и «Перепечатать на машинке 2 экз. 3 V.1933». Неполный машинописный вариант «Воспоминаний» хранится также в Архиве Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН⁵.

Предлагаемые «Воспоминания...» Н.В. Шипчинского — одно из немногих имеющихся у нас свидетельств очевидцев событий, происходивших в Ботаническом саду перед революционными событиями 1917 г. и в первое послереволюционное десятилетие. Хотя они и написаны с определённых идеологических позиций, в них содержатся очень ценные сведения о событиях, происходивших в саду в это непростое время, а также детали быта и повседневной жизни сотрудников.

Рукописный и машинописный тексты почти идентичны. В машинописный вариант вставлены отдельные небольшие добавления, в отдельных случаях к фамилиям добавлены инициалы. Текст воспроизведён с сохранением оригинального стиля, внесены лишь необходимые изменения в пунктуацию и расстановку прописных букв.

К сожалению, о части лиц, упомянутых в воспоминаниях, нам не удалось найти биографических данных или эта информация очень фрагментарна.

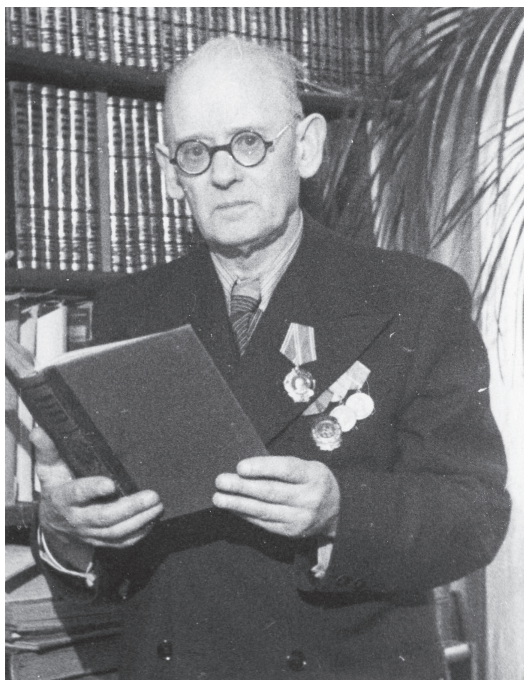

Рис. 2. Н.В. Шипчинский в начале 1950-х гг.
(Фотоархив БИН РАН)

Благодарности

Публикаторы благодарны Е.М. Арнаутовой за консультации о составе коллекций живых растений Ботанического сада БИН РАН и А.А. Федотовой — за просмотр текста и конструктивные замечания.

Н.В. Шипчинский

Воспоминания по революционной истории БИНа

Я начал работать в б[ывшем] Ботаническом саду в 1909–10 гг., еще будучи студентом 1-го курса Ленинградского университета. В это время при университете существовала так называемая межкружковая организация, которая объединяла представителей всех научных студенческих кружков физ[ико]-мат[ематического] факультета университета. Эта организация взяла

⁵Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 19. Д. 435.

Рис. 3. Садовники Императорского ботанического сада, 1913 г.
(Императорский... 1913. Вклейка между с. 272–273)

на себя почин проводить экскурсии с рабочими кружками по музеям Ленинграда. Такая группа студентов образовалась для проведения экскурсий в праздничные дни по оранжереям и музею Ботанического сада. В эту группу вошёл и я. Кроме меня, насколько я припоминаю, вошли: Раменский Л.Г.⁶, Крейер Г.К.⁷, Савич В.П.⁸, Ильин В.С.⁹, Юрьев, кажется, Данилов¹⁰, Мальчевский и некоторые другие, которых я не могу вспомнить.

⁶ Раменский Леонтий Григорьевич (1884–1953) — эколог растений, геоботаник. В описываемый период — студент Санкт-Петербургского университета. Подробнее о нём см.: Работнов, 1953, 1984; Голуб, 2013.

⁷ Крейер Георгий Карлович (1887–1942) — ресурсовед, лишенолог. В 1913–1926 гг. — в Белоруссии, с 1926 г. — во Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур / Всесоюзном институте растениеводства, где занимался культурой лекарственных растений. Подробнее о нём см.: Раздорская, Адольф, 1944.

⁸ Савич Всеволод Павлович (1885–1972) — специалист по низшим растениям, преимущественно лишенолог. В описываемый период — консерватор Института споровых растений Ботанического сада, в 1922–1925 гг. — помощник директора, 1925–1932 гг. — учёный секретарь Ботанического сада, в 1932–1937 гг. — заместитель директора Ботанического института. Подробнее о нём см.: Голлербах, Полянский, 1955; Голубкова, 1972.

⁹ Ильин Василий Сергеевич (1888–1957) — физиолог растений. Двоюродный брат философа И.А. Ильина. С 1920 г. — в эмиграции (в Чехословакии, Австрии, Венесуэле).

¹⁰ Данилов Афанасий Николаевич (1879–1942) — физиолог растений. В 1908–1911 гг., практикант, с 1914 г. — консерватор Ботанического сада, затем работал в Ботаническом саду / Ботаническом институте на различных должностях. В 1917–1922 гг. — учёный секретарь (секретарь совета) и помощник директора. Подробнее о нём см.: Бриллиант, 1942.

Проводили мы рабочих — главным образом тех, которые состояли в разных подпольных организациях. Каждый раз бывало от 40–50 человек до 200 и более. Эти экскурсии проводились до 1914 года, до начала войны.

Однажды таковая экскурсия была 1 мая (вероятно, в 1910 или 1911 году), и пришло большое количество рабочих. Это показалось подозрительным полиции, и вскоре вокруг сада появилось много полицейских, шпиков и др[угих] охранников, которые установили наблюдение за скопившимися рабочими. Темой объяснений по оранжереям было, как и всегда, «Растение и среда» и «Борьба за существование». Полиция ожидала маёвки, но в нашу работу не вмешалась, а на следующий день директору сада Фишеру фон Вальдгейму¹¹ было не то градоначальником, не то приставом поставлено на вид, что в случае такого скопления рабочих он должен доводить до сведения полиции.

За все время проведения таких экскурсий мы пропустили очень большое количество рабочих, давая им массу сведений и повышая уровень их развития.

Перед революцией в 1916 г. или в первые дни революции началась работа по организации или, верней, восстановлению профсоюза «Северный профессиональный союз садоводов». Собирались в простенке оранжереи № 4 в б[ывшей] семенной, там присутствовали Кляве В.Ф.¹², Циток В.И.¹³, Березенко М.И.¹⁴, Иогансон А.П.¹⁵, я и многие другие как из Ботанического сада, так и из Таврического, Елагиноостровского садоводств и др. Споры были горячие, но привели к организации союза, и затем уже официальное широкое заседание было созвано (вероятно, в середине 1917 г.) в Гербарии в зале совета¹⁶. Там уже присутствовал и Комаров В.Л.¹⁷, который, кажется, председательствовал, и Дубянский В.А.¹⁸ и я. Этот союз существовал до созыва во Дворце труда конференции, на которую был от союза садоводов делегирован я, как почётный член союза, и 2 садовода, но кто — я теперь не помню. Там вопрос свёлся к тому, что надо Северный союз садоводов объединить с Союзом лесных работников. Было достигнуто соглашение, и образовался объединенный

¹¹ Фишер фон Вальдгейм Александр Александрович (1839–1920) — ботаник, фитопатолог, организатор науки. Внук основателя Московского общества испытателей природы Г. И. Фишера фон Вальдгейма и профессора Московского университета Г.Ф. Гофмана. Директор Варшавского ботанического сада (1878–1896), в 1896–1917 гг. — директор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада. Много сделал для развития сада и превращения его в современное научное учреждение. Сразу после Февральской революции ушёл в отпуск, с мая 1917 г. — в отставке по состоянию здоровья. См.: Любимов, 1915; Еленкин, 1921.

¹² Кляве Валериан Федорович (1875–?) — садовник, в штате Ботанического сада с 1887 г. В 1917–1920 гг. — председатель рабочкома сада. В 1920 г. — на освобожденной профсоюзной работе, член правления Петроградского союза работников земли и леса, заведующий отделом материального снабжения (СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 377. Л. 78, 153–154). В 1922 г. вернулся в сад после конфликта с администрацией, не желавшей предоставлять ему прежнее рабочее место. Это аргументировалось отсутствием вакансий, а также тем, что, уходя из сада, он оставил порученную ему оранжерею в плохом состоянии (СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 4. Д. 30. Л. 1–27).

¹³ Циток Владимир Иванович (1879–?) — садовник, в штате Ботанического сада с 1902 г. Член союза садовых рабочих с 1905 г., в партии большевиков с 1920 г.

¹⁴ Березенко Моисей Иванович (1881–?) — садовник, в штате Ботанического сада с 1901 г.

¹⁵ Иогансон Александр Петрович (1868–?) — садовник, в штате Ботанического сада с 1887 г.

¹⁶ Ныне зал Учёного совета Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН. Расположен на втором этаже здания гербария.

¹⁷ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — флорист, систематик, ботанико-географ, организатор науки. До революции — старший консерватор Гербария Императорского ботанического сада. С 1917 г. — заместитель директора, с 1918 г. — заведующий отделом живых растений сада. Подробнее о нем см.: Ильинский, 1944; Владимир Леонтьевич... 1946; Липшиц, 1972; Савина, 2005; и др.

¹⁸ Дубянский Владимир Андреевич (1877–1962) — ботанико-географ, геоботаник, исследователь пустынь. С 1906–24 гг. — в штате Ботанического сада: помощник консерватора, консерватор, затем работал в других учреждениях. Подробнее о нем см. Варищева, 1958; Говорухина, 1978.

союз, который потом превратился в производственный союз под названием «Союз земельных и лесных работников».

В момент Февральской революции в саду началось сильное брожение вследствие недовольства прежней администрацией: директора Фишера фон Вальдгейм, секретаря канцелярии Любимова¹⁹, завхоза Катугина²⁰, вахтёра (фамилию не помню)²¹. Общее собрание (сходка) решило, что все они должны быть смещены и директор должен быть выборным. Общие собрания, вернее, сходки в первые дни собирались в вестибюле оранжерей. Не прошло и нескольких дней, как на такое собрание является Б.Л. Исаченко²² и объявляет, что он назначен Временным правительством на должность директора сада. Все этим неожиданным известием были очень обескуражены и это было так неожиданно, что никто не высказался по этому вопросу, но потом начали роптать, особенно рабочие: как же это так, мы его не выбирали, а его нам кто-то назначил. Очевидно, это дошло до Исаченко, и он созвал Совет сада, в который уже вошли все научные работники сада, и поставил так ловко вопрос, что его Совет «избрал»²³, вернее санкционировал директором сада. Рабочие, однако, были этим недовольны и говорили, что вот опять рабочие остались в стороне, какая же это власть народная, решали ученые — интеллигенция, а мы, рабочие, остались ни при чем.

Рис. 4. А.А. Фишер фон Вальдгейм — директор Императорского Ботанического сада, 1913 г. (Фотоархив БИН РАН)

6 декабря каждого года в вестибюле оранжерей происходило молебствие перед иконой Николая Чудотворца, которая стояла в простенке при входе в ор[анжерею] № 2. И вот в один из последних годов перед революцией, как всегда все собрались на молебен: ученики школы

¹⁹ Любимов Сергей Васильевич (1866—?) — секретарь Императорского ботанического сада в 1907—1917 гг. Секретарь руководил всей административной и хозяйственной деятельностью учреждения, готовил отчеты сада к публикации. Автор книги о праздновании 200-летнего юбилея сада (Любимов, 1914).

²⁰ Катугин Алексей Степанович (1865—?) — в 1907—1913 гг. — смотритель, в 1913—1917 гг. — заведующий хозяйственной частью Ботанического сада. До поступления на работу в сад был хористом и актером Михайловского театра.

²¹ В документах сада за 1917 г. упоминается вахтер Никифор Моисеев, которому ревизионной комиссией вменялась в вину «приемка большой партии стекол в количестве меньшем, чем значилось по накладной» (СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 16. Л. 27).

²² Исаченко Борис Лаврентьевич (1871—1948) — ботаник, микробиолог, специалист по биологии семян. С 1902 г. — заведующий Станцией для испытания семян (позже преобразована в отдел семеноведения) Ботанического сада. В 1917—1930 гг. директор Главного ботанического сада РСФСР (СССР). Подробнее о нём см.: Мишустин, 1949; Борис Лаврентьевич... 1951.

²³ Исаченко был избран директором советом сада 24 июня 1917 г. Известен также акт от 13 мая 1917 г. о приёме им сада от Фишера фон Вальдгейма. Исаченко назван в этом документе «назначенный Временным правительством временно исполняющий обязанности директора» (СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 16. Л. 16).

Рис. 5. Б. Л. Исаченко — директор Главного Ботанического сада РСФСР, начало 1920-х гг. (Фотоархив БИН РАН)

садоводства, садовники в котелках и крахмальных воротничках, канцелярские чиновники в форме, ботаники в сюртуках и, наконец, Фишер фон Вальдгейм с женой и дочерьми. Фишер в парадной форме: в белых брюках с золотыми лампасами, мундире с расшитым золотом воротником, при орденах, лента через плечо, на голове треуголка. Поп и диакон в светлых ризах. Прошел молебен и в заключение многолетие за здоровье императора. Фишер восклицает «ура!», его поддерживает Любимов, Катугин и еще кой-кто. Остальные молчат. Фишер еще раз восклицает «ура!», опять почти всеобщее молчание. Тогда он скорее надевает свою треуголку и чуть ли не бегом уходит домой. Катугин и Любимов начинают суетиться, а все понемногу утекают по домам, кто на южный, кто на северный двор²⁴.

На Новый год, на Пасху все научные работники обязаны были прийти с визитом к Фишеру на квартиру, а он занимал весь дом, где сейчас живет Исаченко, детский очаг и все помещения б[ывшего] отдела семеноведения до большого зала включительно²⁵. Восточную часть дома занимал Монтеверде Н.А. Эти визиты были очень нудные и всем почти в тягость. Хождения на поздравления директора продолжались ещё при Исаченко, приблизительно до 1925 г.

²⁴ В описываемое время почти все работники сада имели то или иное жильё на его территории.

²⁵ Согласно плану сада 1912 г. директор жил в одноэтажном доме, где позднее долгое время располагался детский сад. Недавно на этом месте построено здание микологических лабораторий. В двухэтажном доме (сохранился до настоящего времени, сейчас в нём располагаются геоботанические лаборатории) находился служебный кабинет директора, зал заседаний совета сада и квартира главного ботаника (в описываемый период — Н.А. Монтеверде).

Служители и сторожа жили под Фишером, в первом темном сыром полуподвальном помещении, где в 1930 и [19]31 году был склад картошки.

Когда Фишер шел по парку, то сторож должен был снять шапку и раскланиваться еще за десятки шагов до подхода директора, то же с его женой, если был новый сторож, который не знал в лицо Фишера и не раскланивался по правилам, то получал замечание.

Хорошо режим фишеровского времени знал отец Шипольского²⁶, который, будучи служителем, был фактически превращен в лакея Фишера. Фишер держал коров, индюшек, и коровницей у него была Михайлова, жена б[ывшего] коচেгаара сада, кажется, она была как служащая сада.

Служебные приёмы были у Фишера очень торжественные у него на квартире наверху²⁷. Приемная в большой комнате с окнами в одноэтажной части дома, а кабинет рядом с окнами в сад. О целях посещения надо было сначала заранее поставить в известность секретаря Любимова, а потом уже, получив разрешение, явиться «прилично» одетым к Фишеру. Все приёмы были очень кратковременными.

Сразу после революции был образован хозяйственный комитет для ведения хозяйственных дел сада²⁸. В этот комитет входил директор (председатель), несколько ботаников, представители от рабочих и садоводов. Этот комитет существовал несколько лет, но был в основном совещательным, а не решающим.

В период времени между февральской и октябрьской революциями в саду прошла забастовка на почве экономического характера. Цена денег всё падала, всё дорожало, а зарплата оставалась прежняя. Рабочие забастовали, выставили у ворот и входов вооруженные пикеты, никого не выпускали из сада, чтобы заставить учёных присоединиться к забастовавшим. В результате приехал представитель Министерства земледелия и принужден был провести повышение ставок зарплаты.

В связи с ухудшающимся продовольственным положением рабочие и служащие организовали свой кооператив в помещении кладовки над воротами на Южный двор, а потом расширили и на всё помещение ор[анжереи] № 9. Председателем кооператива сначала был И.А. Оль²⁹, а с начала 1918 г. Н.В. Шипчинский, а И.А. Оль вел денежную отчетность, продавцом швейцар Гербария Яков Иванович Иванов, который умел доставать продукты. Товару привозили много и, когда уже трудно было доставать более существенное, много покупали квашеной капусты, воблы и мороженых судаков. Хлеб покупали через продуправу на количество прикрепленных, то же сахар, крупу и т.д.

²⁶ Шипольский Антон Иосифович (1865—?) — служитель сада. В Ботаническом саду и Ботаническом институте после революции работал его сын садовод Шипольский Иосиф Антонович (1900—1937) — член ВКП(б) с 1927 г., в 1937 г. был арестован по обвинению во вредительстве и шпионаже, расстрелян, позднее реабилитирован.

²⁷ Точнее — в его служебном кабинете (см. сноску 25).

²⁸ В действительности хозяйственный комитет был образован раньше, в 1910 г. В его состав входили директор, представитель высестоящей организации — Главного управления земледелия и землеустройства, секретарь сада и один из главных ботаников, который выбирался на 1 год. В 1917 г. в хозяйственный комитет были делегированы также представители рабочих организаций.

²⁹ Оль Иван Андреевич (1884—1943) — миколог, фитопатолог, библиограф. В описываемый период — заместитель заведующего, заведующий библиотекой Ботанического сада / Ботанического института. Подробнее см.: Бриллиант, 1944.

Когда начались затруднения с разменной монетой, то ввели свои разменные боны разного цвета в зависимости от стоимости.

Чем дальше, тем хуже становилось продовольственное снабжение и, наконец, при организации общегородской кооперативной сети наш кооператив было приказано закрыть. От голода, болезней и др. в саду одно время помирали чуть ли не еженедельно 1–2 человека. Поэтому была устроена своя покойницкая, в простенке ор[анжереи] № 8 и заведовал покойницей садовник (не помню фамилии).

Затруднения с топливом для оранжерей начались с 1917–18 года. Угля не получали, дрова в недостаточном количестве, часто гнилые. Рабочие мобилизовывались по военной, профессиональной и др[угим] линиям, кто на фронт, кто куда, кто уезжал от голода в деревню. Лошадей тоже мобилизовали и осталась одна хромая³⁰. Пришлось дрова развозить на людях. Приходили на работу и рабочие и научные и их ставили к саням грузить и развозить дрова по кочегаркам. Пилить дрова тоже было некому, тогда за это дело, чтобы не погубить оранжереи, взялись Шипчинский Н.В. и помзавхоза Марков. Организовали артели и всю зиму пилили дрова на 2-х электрич[еских] пилах с 5 вечера до 12–1 часа ночи, зимой в большие морозы при недостаточном, если не сказать больше, питании. Работали сверхударно, до полного изнеможения, не жалея себя.

Наконец настал момент, когда уже нечего стало пилить. Это было в 1918–19 году. В топку оранжерей ушло всё, все за прежние годы нераспиленные толстые чурбаны, обломки разобраных сараев, сучья... С вечера последнее полено отправлено в кочегарку. Вопрос — быть или не быть оранжереям сада. Шипчинский и Марченков — ответственные по топливу члены хозяйственного комитета. Прибытия дров по жел[езной] дороге в адрес сада нет, вагоны где-то застряли. Топлива хватит только до вечера. Все хлопоты и розыски дров ни к чему не привели. Тогда Шипчинский решает украсть дрова детской больницы, сложенные штабелями на берегу Невки против бывш[его] столыпинского участка³¹. Мобилизуем людей, сани, берем 12 куб. сажень девятки (б.ч. ёлка). Распиливаем — и в кочегарки. Оранжереи до следующего дня спасены. Наутро получаем сведения от агента по топливу Когана, что в адрес сада прибыли вагоны с дровами (кажется, 42 вагона). Организуем наемным транспортом перевозку дров в сад. Через несколько дней (3–5) приходит ко мне (Шипчинскому) человек в кожаной тужурке с наганом и заявляет,

Рис. 6. Вход в Главный ботанический сад РСФСР. Конец 1920-х гг. (Фотоархив БИН РАН)

³⁰ По сообщению сада в Народный комиссариат земледелия от 22 октября 1919 г., 4 лошади сада со сбруей были конфискованы по распоряжению военных властей в ночь с 16 на 17 октября (СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 684. Л. 150).

³¹ Участок против Ботанического сада на углу Песочной улицы (ныне — улица проф. Попова) и Аптекарской набережной. До 1917 г. там располагалась дача министра внутренних дел, в 1906 г. произошло покушение на Н.А. Столыпина, дача была частично разрушена. После Октябрьской революции участок был передан саду, здесь находился хозяйственный двор и небольшой лабораторный корпус. В 2000-е гг. на этом месте возведён жилой дом.

что вы, товарищ Шипчинский, украли дрова и меня надлежит арестовать и направить в ЧК как контрреволюционера. Разговаривать ни о чём не желает и требует следовать за ним. Во время пути ещё по саду, объясняю положение сада, возможность гибели всех ценностей, принадлежащих Республике, что взятое количество топлива вернём и т. д. В конце концов договариваемся, что им все равно надо дрова пилить на швырок, везти на Выборгскую сторону в детскую больницу. Обещаю доставить им прямо во двор 12 куб. саженой распиленных дров, т. е. их выгода, что не надо самим пилить и возить, а мы, дескать, спасли народные ценности. Достигли полного соглашения и мы, мы дрова получим и нам их ближе привезти с Финляндского вокзала на Выб[оргскую] сторону, тоже кой-что выгадали. Так дело уладилось.

Кризис с топливом начался еще зимой 1916/17 года и при Временном правительстве была в кабинете директора в гербарии создана комиссия из представителей Министерства земледелия, просвещения, городской думы, Академии наук и сада для решения вопроса о закрытии части оранжерей³². Было решено часть оранжерей закрыть, уплотнив все остальные. Из Большой пальмовой всё, что можно было, размещено в другие оранжереи, поставлена дощатая перегородка с просыпкой опилками, отделяющая высокую часть пальмовой от низкой, примыкающей к №18. Отделены туда же две группы грунтовых *Gigantochloa*, все другие пальмы, кроме грунтовых, вынесены в ту часть, где круглый фонтан. На гибель осталось только то, что нельзя было тронуть с места — два больших *Livistona chinensis*, 2 *Caryota rumphiana*, 1 *Cocos amara*³³, остальные большие бамбуки. Крупная *Acanthorhiza* из грунта при входе в больничку³⁴ была высажена в ящик и вынесена, но она не выдержала пересадки и погибла. Погибла также большая

Рис. 7. Директор сада Б.Л. Исаченко (в первом ряду крайний справа) с группой садовников и работников хозяйственной части. В первом ряду второй слева — Э.А. Апшинец, во втором ряду справа — В.И. Циток (Фотоархив БИН РАН)

³² Первоначально была создана Комиссия по приведению в порядок коллекций живых растений Ботанического сада Петра Великого, в которую входили только работники сада, в том числе и Н.В. Шипчинский (СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 16. Л. 5–10). Комиссия заседала 13 и 22 марта 1917 г. и выработала рекомендации, которые были не столь радикальны. Однако дальнейшее ухудшение ситуации потребовало закрытия ряда оранжерей.

³³ Крупные пальмы, растущие в грунте, достигают крыши пальмовой оранжереи. В коллекции Ботанического сада БИН РАН в настоящее время имеются *Livistona chinensis* и *Caryota rumphiana*, которые повторно были интродуцированы в 1930-е гг. и после Второй мировой войны.

³⁴ Так тогда называли часть современной оранжереи № 17.

лиана — пальма, у которой надломился при переносе ствол. Были закрыты следующие оранжереи: 26, 27, 28, 24, 23, 21, 7, 10, 12, 13 или 14, не считая 25, которая была разобрана на топливо.

Надо отметить, что население оранжерей к этому времени сильно прибавилось благодаря тому, что нами были получены растения от Дурново (много)³⁵, с завода Брусницына³⁶ и др.

За время этой тесноты, недостатка температуры и ухода погибло порядочно растений, особенно более требовательных.

Часть дублетных растений была отнесена на квартиры в саду, часть крупных — в гербарий, где они потом замерзли. В споровом помещении лазарет³⁷, так же как и в теперешней экспериментальной бот[анике]³⁸.

За время этой тесноты, недостатка температуры и ухода погибло порядочно растений, особенно более требовательных.

Из года в год без ремонта стояли оранжереи и к 1924 г. пришли в ужасное состояние. В этом году были ассигнованы большие деньги на их восстановление, но до этого года много сил, крови и нервов было потеряно на поддержание и сохранение богатств, и только энтузиазм и самоотверженность старых работников спасли оранжереи, хотя кризисы: топливный, людской, ремонтный и т. д. длились более 6 лет, а люди были голодны, холодны, болели и умирали.

Наконец в 1924 г. оранжереи были восстановлены, изменена система отопления (централизация), люди демобилизовывались, возвращались на работу. Стараниями ряда лиц, в частности, моими, как члена Ленсовета, нами были получены все крупные пальмы и ряд коллекционных растений из Таврич[еского] садоводства (ок[оло] 140 шт. всех) и из Детскосельской оранжереи (несколько интересных вещей) и оранжереи засажены и получили возможность снова развиваться и догонять прежнее состояние.

В эти же голодные и холодные годы не топились один год Гербарий, работа была перенесена на квартиры ботаников в саду, но и там температура стояла +3–5°, а в гербарии было морозу –9°. В гербарии дежурили по 4 часа по очереди, чтобы поддерживать порядок, выдавать и принимать пачки.

Перед октябрьской революцией, когда на улицах шла агитация, многие научные работники резко спорили и защищали принципы буржуазной революции. Когда же произошла октябрьск[ая] революция, началось первое резкое расслоение: после собрания всех «чиновников», в том числе и научных работников сада в здании Министерства уделов (теперь ОблЗУ³⁹), многие научные работники забастовали, но фронт был недружный, и сказалась аполитичность, «наука, дескать, не политика и ей заниматься можно» и дня

³⁵ Частная коллекция оранжерейных растений.

³⁶ Коллекции растений, располагавшаяся на кожевенном заводе Брусницыных (зимний сад — пристройка к особняку владельцев завода). В настоящее время — кожевенный завод им. А.Н. Радищева.

³⁷ Здание сада по Песочной улице (лит. П по современной схеме учёта) освободилось в 1914 г. после переезда гербария и библиотеки в новые помещения. В 1914–1917 гг. там располагался госпиталь. В 1918–1919 гг. помещения были отремонтированы, и в них расположился Институт споровых растений (с 1924 г. — отдел споровых растений).

³⁸ Скорее всего, речь идёт о здании, известном в БИН РАН как «здание экологии» (лит. М), где сейчас располагается лаборатория эмбриологии и репродуктивной биологии и некоторые другие подразделения.

³⁹ Областное земельное управление. По-видимому, речь идёт о здании по адресу ул. Моховая, д. 40.

через 3–5 почти никто не бастовал, но ряд лиц под тем или иным предлогом уехали из Ленинграда на юг (Кучеровская⁴⁰, Кнорринг⁴¹, Крашенинников⁴², Смирнова⁴³, Десятова⁴⁴, Липский⁴⁵ и др.). Рабочком образовался в начале революции и первым председателем был Кляве В.Ф., потом Иона Кузнецов⁴⁶, Воскресенский⁴⁷ и т. д.

К этому времени в казарме, где сейчас клуб⁴⁸, был сделан маленький клуб (теперешняя сцена — зал, артистические — сцена. Сделали все своими силами), потом организовали в соседней комнате столовую, а против нее Ленинский уголок и комнату для пионеротряда. Завоевание этих помещений шло постепенно.

Большие разговоры, особенно среди научных работников, вызвало появление в саду первого коммуниста, т. Соминского⁴⁹, которого многие возненавидели. Еще больший

⁴⁰ Кучеровская (Рожанец) София Евгеньевна (1889–1950) — геоботаник, почвовед, флорист. В 1909–1914 гг. — в экспедициях Переселенческого управления, в 1915–1919 гг. — член-корреспондент Ботанического сада. Затем работала в ботанических организациях различных городов СССР. Подробнее о ней: Липшиц, 1952.

⁴¹ Кнорринг (Кнорринг-Неуструева, Неуструева) Ольга Эвертовна (1887–1977) — систематик, ботанико-географ. С 1808 г. работала в Ботаническом саду в составе экспедиций Переселенческого управления. В 1921 г. вернулась в Петроград, работала в Ботаническом саду / Ботаническом институте до 1958 г. Подробнее о ней: Борисова, 1958.

⁴² Крашенинников Ипполит Михайлович (1884–1947) — систематик, ботанико-географ. С 1914 г. — консерватор Ботанического сада. После окончания гражданской войны вернулся в Петроград, работал в Ботаническом саду / Ботаническом институте. Подробнее о нём: Лавренко, 1949; Липшиц, 1959.

⁴³ Смирнова Ольга Алексеевна (1892–1958) — геоботаник, флорист. В 1912–1918 гг. училась на Бестужевских курсах, сотрудничала с Ботаническим садом, принимала участие в экспедициях Переселенческого управления. В 1924–1938 гг. — в отделе геоботаники Ботанического сада / Ботанического института. Подробнее: Савич и др., 1963.

⁴⁴ Десятова-Шостенко (Roussin) Наталия Алексеевна (1889–1968) — систематик, флорист, деятель в области охраны природы. В 1911–1915 гг. — преподаватель частной гимназии в Петербурге / Петрограде, сотрудничала с Ботаническим садом. В 1912–1913 гг. и 1916–1917 гг. — ботаник Переселенческого управления. С 1917 г. — главным образом на Украине, работала в ряде ботанических учреждений, в том числе в заповеднике Аскания-Нова. После окончания Второй мировой войны жила и работала во Франции. Подробнее: Лавренко, 2000; Федорончук, Шевера, 2005.

⁴⁵ Липский Владимир Ипполитович (1863–1937) — флорист, систематик, историк ботаники. В 1902–1917 гг. — главный ботаник и заведующий отделом живых растений Императорского ботанического сада. С 1918 г. — на Украине, в 1922–1928 гг. — президент Всеукраинской академии наук, затем — директор Ботанического сада Одесского университета. Подробнее: Васильченко, 1963; Доброчаева, Мокрицкий, 1991.

⁴⁶ Кузнецов Иона Васильевич (1881–1945) — ботанико-географ, флорист. Участник экспедиций Переселенческого управления, с 1913 г. — младший консерватор Ботанического сада, в 1915–1918 гг. — в армии. В 1918–1928 гг. — заведующий Вторым отделением Ботанического сада в Можайском уезде Московской губ. (с 1925 г. передано в ведение Московского химико-фармацевтического института). Затем — в экспедициях различных ботанических организаций. Подробнее о нём: Васильев 1947; Липшиц, 1952.

⁴⁷ Возможно, имеется в виду Воскресенский Владимир Михайлович (1882–?) — электромонтер сада.

⁴⁸ Здание сохранилось до настоящего времени (литер Ж), известно в Ботаническом институте как «зелёный домик».

⁴⁹ Соминский Дмитрий Михайлович (1899–?) — рабочий, член РКП(б), организатор колллектива РКП (б) в Ботаническом саду в 1923 г.

шум вызвало назначение пом[ощником] дир[ектора] Земскова⁵⁰ — «мужика, служителя Мед[ицинского] инст[итута], почти неграмотного». Но для рабочих, да и для некоторых учёных, появление Земскова было очень важным и создало резкий перелом в политических настроениях. В столовой часто собирались политические собрания, на которых руководящую роль играл Земсков, который будировал умы, раскрывал глаза слушателей, в горячих спорах многими часами рабочие начинали всё более и более сознавать и понимать политическое положение и задачи большевизма.

Среди садоводов и наиболее развитых мастеровых выделилась более сознательная группа, которая пошла по пути большевистской партии. Но и среди научных работников началось постепенное расслоение, вызванное недовольством политикой тогдашнего директора Исаченко и некоторых лиц, близко к нему стоящих. Первый резкий перелом в научных работах начался с того, что ботаник Шипчинский, работавший в саду с 1909 года, подал заявление о вступлении в ряды ВКП(б) и 21 января, в день второй годовщины смерти Ленина⁵¹, его кандидатура была предложена на обсуждение на очень многочисленном общем собрании, на котором было много ученых. Произнесенная председателем фамилия Шипчинского, подавшего заявление в партию, как громом поразила всех, особенно бывшего активного общественника И.А. Оль, который несколько раз вскочил, хватаясь за голову. После этого на Шипчинского научные стали смотреть как на зачумлённого и старались его обходить, не встречаться, не разговаривать и опасаться, как будто он сразу стал другим: из друзей — врагом. Но это длилось недолго, и спустя 2–3 месяца взаимоотношения стали почти прежними и в то же время научные работники стали больше прислушиваться и присматриваться к работе тогда еще очень малочисленного, но крепкого коллектива ВКП(б) Бот[анического] сада и несколько больше принимать участие в общественной жизни.

С уходом Земскова на его место был назначен Э. А. Апшине⁵², который по своему общему развитию и подготовке стоял много выше Земскова. Научные работники поначалу почувствовали как будто некоторое послабление противостояния, особенно дир[ектор] Исаченко, с которым взаимоотношения Апшинека были лучше, чем при Земскове. Но ведь сменился только человек, а политика осталась прежней и только несколько смягчились формы её проведения. Начатое дело двигалось и поставленная партийной ячейкой задача коммунизации учреждения была осуществлена в результате [деятельности], начатой при Апшинеке и законченной при Васильеве⁵³ — члене ВКП(б) уже на посту директора сада. К этому времени,

⁵⁰ Земсков Григорий Михайлович (1875–?) — помощник директора Ботанического сада по хозяйственной части в 1924–1925 гг., назначен в связи с введением нового Положения о Главном ботаническом саду РСФСР. Из крестьян, трудовую деятельность начал слесарем. В его личном деле указано, что он с 1906 г. был служителем «лаборатории медицинского института», работал также в «противогазной лаборатории». После Октябрьской революции — заведующий сельскохозяйственным отделом Петроградского района Петрограда, участвовал в боевых действиях против войск Юденича. Член партии эсеров с 1904 г., большевиков — с мая 1917 г. Постоянный докладчик на партийных собраниях Ботанического сада в 1924–1925 гг.

⁵¹ Согласно документам, приём Н.В. Шипчинского кандидатом в члены РКП(б) происходил 21 января 1925 г. Был принят «единогласно по III категории» (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 393. Оп. 1. Д. 11. Л. 4).

⁵² Апшине^к (Апшенек) Эдуард Ансович (1896–?) — помощник директора Ботанического сада по хозяйственной части в 1926–1929 гг. Член партии большевиков с 1918 г. В 1918–22 гг. в Красной армии, в том числе в дивизии латышских стрелков. С 1922 г. — на советской работе.

⁵³ Васильев Дмитрий Васильевич (1885–?) — директор Ботанического сада в феврале — декабре 1930 г., помощник директора по хозяйственной части в январе — сентябре 1931 г. Трудовую деятельность начал чернорабочим. В 1907–1910 гг. и 1914–1917 гг. — на службе в царской армии, в 1919–1921 гг. — в Красной Армии. Член партии большевиков с 1918 г.

особенно когда научным работникам пришлось столкнуться с полит[ической] отсталостью дореформенной и в момент реформы с Ак[адемией] наук, ясно сказалось, что работники сада шагнули в политическом развитии далеко вперед и расслоение прошло очень глубоко. Особенно резкий толчок был дан, когда ребром были поставлены вопросы перед научными работниками в моменты: обострения дел с Англией (наш ответ Чемберлену), процесс вредителей Промпартии, чаяновщина и др. Здесь ясно сказалось, что многие научные работники сильно отстали политически от передовых рабочих и хотя дорости политически до понимания всего окружающего: начинают требовать бесед, лекций, обсуждения, читать газеты и наконец, после долгих усилий со стороны общественности решаются организовать кружок текущей политики и проработывать вкратце (за недостатком времени, весной 1931 г., перед летним разездом) основные решения 17 партийной конференции, а с осени продолжили занятия в этом кружке и организовали еще 2 кружка диамата. С момента оформления слияния БС⁵⁴ с Академией наук и укрепления партийного состава все больше и больше начинают поступать заявления о желании работать совместно с партией, развивается самокритика и забываются прежние ещё фишеровские традиции и исаченковское молчаливое поддакивание и преклонение перед начальством.

«Октябрь» в саду наступил с большим опозданием, особенно среди научных работников, но он наступил и нагоняет пропущенное время.

10.XI.1932. Н. Шипчинский.

Литература

- Борис Лаврентьевич Исаченко / Вступ. статья П.Н. Усачева. М.: Изд-во АН СССР, 1951. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Микробиология. Вып. 2).
- Борисова А.Г.* Ольга Эвертовна Кнорринг-Неуструева. К 70-летию со дня рождения и к 50-летию научной деятельности // Ботанический журнал. 1958. Т. 43. № 3. С. 454–456.
- Бриллиант В.А.* Памяти Афанасия Николаевича Данилова // Советская ботаника. 1942. № 6. С. 55–56.
- Бриллиант В.А.* Памяти И.А. Оль // Советская ботаника. 1944. № 2. С. 58–59.
- Варищева В.М.* Творческий путь Владимира Андреевича Дубянского // Ботанический журнал. 1958. Т. 43. № 4. С. 612–617.
- Васильев В.Н.* Иона Васильевич Кузнецов // Советская ботаника. 1947. Т. 15. № 2. С. 102–104.
- Васильченко И.Т.* Владимир Ипполитович Липский (к 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1963. Т. 48. № 9. С. 1236–1239.
- Владимир Леонтьевич Комаров / Вступ. статья И. И. Мещанинова, А. Г. Чернова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 100 с. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Ботаника. Вып. 1).
- Говорухина В.А.* Жизнь, отданная изучению пустынь // Проблемы освоения пустынь. 1978. № 5. С. 67–70.
- Голлербах М.М., Полянский В.И.* Заслуженный деятель науки профессор В.П. Савич. К 70-летию со дня рождения // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 2. С. 281–286.
- Голуб В.Б.* Штрихи к биографии Л.Г. Раменского (дополнения и комментарии к письму В.П. Савича Т.Н. Работнову) // Растительность России. 2013. № 23. С. 122–132.

В 1917–1919 гг. и 1921–1929 гг. — на советской работе, в основном в земельных комитетах и учреждениях Народного комиссариата земледелия. В сентябре 1931 г. отозван в распоряжение Петроградского райкома ВКП(б) (СПФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 32).

⁵⁴ Ботанического сада.

Голубкова Н.С. Всеволод Павлович Савич (1885–1972) — учёный и организатор науки в области споровых растений // Ботанический журнал 2003. Т. 88. № 10. С. 142–150.

Доброчаева Д.Н., Мокрицкий Г.П. Владимир Ипполитович Липский. Киев: Наукова думка, 1991. 214 с.

Еленкин А.А. А.А. Фишер фон Вальдгейм // Известия Главного ботанического сада РСФСР. 1921. Т. 20. Вып. 1. С. 48–54.

Ильинский А.П. Пятьдесят лет работы В.Л. Комарова в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова Академии наук СССР // Советская ботаника. 1944. № 6. С. 16–23.

Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). СПб., 1913. Часть 2. 326 с.

Лавренко Е.М. Памяти И.М. Крашенинникова // Ботанический журнал. 1949. Т. 34. № 4. С. 431–441.

Лавренко Е.М. Воспоминания // Ботанический журнал. 2000. Т. 85. № 2. С. 140–156.

Липищ С.Ю. Русские ботаники (ботаники России — СССР): Биографо-библиографический словарь. М.: Московское общество испытателей природы, 1952. Т. 4. 644 с.

Липищ С.Ю. Ипполит Михайлович Крашенинников // Отечественные физико-географы и путешественники. М.: Учпедгиз, 1959. С. 548–553.

Липищ С.Ю. Владимир Леонтьевич Комаров (жизнь и творчество) // Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова: 1869–1969. Л.: Наука, 1972. С. 3–16. (Комаровские чтения. XXIV).

Любимов С.В. 50-летие учёной и административной деятельности директора Императорского ботанического сада Петра Великого Александра Александровича Фишера-фон-Вальдгейма. Пг., 1915. 104 с.

Любимов С.В. 200-летний юбилей Императорского ботанического сада Петра Великого. СПб., 1914. 200 с.

Мишустин Е.Н. Памяти академика Бориса Лаврентьевича Исаченко (1871–1948) // Ботанический журнал. 1949. Т. 34. № 5. С. 547–551.

Работнов Т.А. Л.Г. Раменский // Ботанический журнал. 1953. Т. 38. № 5. С. 773–788.

Работнов Т.А. К столетию со дня рождения Леонтия Григорьевича Раменского // Бюллетень МОИП. 1984. Т. 89. Отд. биол. Вып. 3. С. 120–133.

Раздорская Л., Адольф Н. Памяти Георгия Карловича Крейера // Советская ботаника. 1944. № 2. С. 59–60.

Савина Г.А. Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров — президент АН СССР // На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX веке. СПб.: Нестор-История, 2005. Вып. 3. С. 165–205 (Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы, № 3).

Савич Н.М., Неуструева О.Э., Некрасова В.Л. Памяти Ольги Алексеевны Смирновой (1892–1958) // Ботанический журнал. 1963. Т. 48. № 3. С. 466.

Федорончук Н., Шевера М. Профессор Наталия Десятова-Шостенко — пионер охраны дикой природы Украины // Гуманитарный экологический журнал. 2005. Вып. 2 (17), Т. 7. — Спецвыпуск «Заповедники и дикая природа». С. 73–79.

Шипчинский Н.В. Урмийская экспедиция // Известия Главного ботанического сада СССР. 1927. Т. 26. Вып. 6. С. 537–555.

Шипчинский Н.В. Роды: пион — *Paeonia*, калужница — *Caltha*, купальница — *Trollius*, гемена — *Hegemone*, калиантемум — *Callianthemum*, весенник — *Eranthis*, лептопирум — *Leptopyrum*, энемион — *Enemion*, равноплодник — *Isoopyrim*, полуводосбор — *Semiaquilegia*, коптис — *Coptis*, воронец — *Actaea*, клопогон — *Cimicifuga* // Флора СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 7. С. 24–57, 60–62, 72–86.

Шипчинский Н.В. Мои путешествия. М.: Географгиз, 1955. 180 с.

Memories on the Revolutionary History of BIN [Komarov Botanical Institute] Nikolay V. Schipczinsky

*DRAWING UP, INTRODUCTORY ARTICLE AND COMMENTS
BY DMITRY V. GELTMAN, MIKHAIL P. ANDREEV*

Komarov Botanical Institute of RAS St. Petersburg, Russia; geltman@binran.ru

The eminent botanist Nikolay V. Schipczinsky worked in the Botanical Gardens / Komarov Botanical Institute in 1910–1955. His memoir is one of the few documents that give an idea of the daily routine of the Botanical Garden during the years before the Russian Revolution, as well as in the following years of the revolution and civil war. He also described the first steps of the “sovietization” of the Garden, and relationships of researchers with the new government and newly appointed economy and party managers.

Keywords: St. Petersburg Imperial Botanical Garden, Russian revolution, Civil War.

О приобретении гербария Р.Э. Траутфеттера Императорским Санкт-Петербургским ботаническим садом

ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ А.К. СЫГИНА

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Санкт-Петербург, Россия;
astragalus@mail.ru

Публикуемые документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН освещают процедуру включения личной коллекции крупного систематика, директора Санкт-Петербургского Императорского Ботанического сада (1866–1875) Рудольфа Эрнестовича Траутфеттера в основной фонд Гербария сада. Разбор коллекции по поручению нового директора сада Э.Л. Регеля осуществлял главный ботаник К.И. Максимович. Ценность коллекции Траутфеттера определяется обилием содержащихся в ней типовых материалов, на основании которых были описаны виды и роды растений.

Ключевые слова: Р.Э. Траутфеттер, гербарные коллекции, Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад.

Гербарий Р.Э. Траутфеттера¹ — одна из самых крупных частных коллекций России. Сегодня он главным образом инкорпорирован в Гербарий Ботанического института им. В.Л. Комарова (ЛЕ). Часть коллекции находится в Гербарии Лесотехнической академии им. С.М. Кирова (КФТА). Некоторые дубликаты из коллекции Траутфеттера находятся в крупнейших мировых гербариях — в Женеве (Гербарий Э. Буасье; G-Boiss), в Британском музее естественной истории (Лондон; BM), в Гербарии университета г. Брно (Чехия; BRNU), в Музее естественной истории в Париже (P).

Гербарий ценен тем, что в нем имелись экземпляры описанных Траутфеттером видов — аутентики (типы)². Среди коллекторов значатся Христиан Стевен (Christian Steven, 1781–1863), Федор Богданович Фишер (Friedrich Ernst Ludwig von Fischer; 1782–1854), Виллибальд Готлибович Бессер (Willibald Swibert Joseph Gottlieb von Besser; 1784–1842), Карл Фридрих Ледебур (Carl Friedrich von Ledebour; 1785–1851), Карл Иванович Мейер (Carl Anton Meyer; 1795–1855), Фридрих Рудольф Гогенакер (Rudolph Friedrich Hohenacker; 1798–1874), Франц Иванович Рупрехт (Franz Josef Ruprecht; 1814–1870), Александр Федорович Миддендорф (Alexander Theodor von Middendorff; 1815–1894), Александр Карпович (Каспарович) Беккер (Alexander Becker; 1818–1901), Густав Иванович Радде (Gustav Ferdinand Richard Johannes von Radde; 1831–1903), Александр

¹ Траутфеттер Рудольф Эрнестович (Ernst Rudolf von Trautvetter, 1809–1889) — крупный систематик растений. Закончил Дерптский университет (ученик К. Ледебур), профессор, а также ректор университета св. Владимира в Киеве (1847–1859), основатель и заведующий университетским ботаническим садом в Киеве (1841–1852), директор Горы-Горещкого земледельческого института (1860–1864), директор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада (1866–1875). См. о нём: *Липский В.И.* Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования. Пг., 1913–1915. Ч. 3. С. 122–127; *Немыкин В.В., Немыкина И.А.* Р.Э. Траутфеттер (1809–1889) // Ботанический журнал. 1990. Т. 75. № 9. С. 1322–1325.

² Тип — образец растения, послуживший автору для составления диагноза при описании нового вида.

Рис. 1. Лист из гербария Э.Р. Траутфеттера. Копеечник Бранта (*Hedysarum branthii* Trautv. et С.А. Меу.) названный в честь Т.Э. Бранта, участника Сибирской экспедиции А.Ф. Миддендорфа. Образцы собраны в 1844 г. на острове Медвежий, а также в бухте Мамга и заливе Узком Охотского моря. Гербарий БИН РАН (LE)

Лаврентьевич Чекановский (Aleksander Piotr Czekanowski; 1833–1876), Альберт Эдуардович Регель (Albert von Regel; 1845–1908), Алексей Павлович Федченко (1844–1873) и Ольга Александровна Федченко (1845–1921) и др.

Согласно завещанию Рудольфа Эрнестовича фон Траутфеттера его наследником стал племянник, коллежский советник Рудольф Гугонович фон Траутфеттер, проживавший в Петербурге, в Нарвской части, 1-го участка по Забалканскому проспекту в доме № 1. В качестве душеприказчика покойного он обратился к директору Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада Эдуарду Людвиговичу Регелю³

³ Регель Эдуард Людвигович (1814–1892) — ботаник-систематик, учёный-садовод, директор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада в 1875–1892 гг.

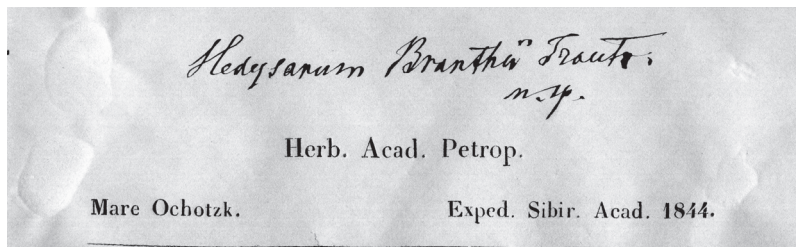

Рис 2. Образец почерка Э. Р. Траутфеттера. Копеечник Бранта (*Hedysarum branthii* Trautv. et С.А. Мей.). Гербарий БИН РАН (LE)

с просьбой принять гербарий в собственность сада. Э.Л. Регель поручил разборку гербария главному ботанику сада Карлу Ивановичу Максимовичу⁴. Результаты экспертизы К.И. Максимовича интересны как практика работы с коллекциями в одном из ведущих ботанических учреждений мира.

Выписка из духовного завещания Тайного Советника Рудольфа Эрнестовича фон Траутфеттера⁵

II п. 13. Весь мой гербарий Императорскому Ботаническому Саду.

Письмо племянника Траутфеттера Э.Л. Регелю⁶

Его превосходительству Эдуарду Лудвиговичу Регелю, Господину Директору Императорского Санкт-Петербургского Ботанического Сада.

Покойный мой дядя, Тайный Советник Рудольф Эрнестович фон Траутфеттер, завещал в полное и безотчетное владение и распоряжение Императорскому Санкт-Петербургскому Ботаническому Саду весь свой гербарий Русской флоры, состоящий из 1829 связок. Извещая о сем Ваше Превосходительство, я, в качестве душеприказчика по духовному завещанию моего дяди, честь имею просить почтить меня уведомлением благоугдно ли будет Императорскому Санкт-Петербургскому Ботаническому Саду принять завещанный ему гербарий.

Санкт-Петербург, 30 марта 1889 г.

Вашего Превосходительства

Покорнейшего слуги Р. Траутветтер

[Резолюция Э.Л. Регеля в правом верхнем углу]:

Покорнейше прошу сообщить, что И.Б. Сад принимает с глубокою благодарностью и прием поручен Главному Ботанику К.И. Максимовичу.

31 марта [18]89 г.

⁴ Максимович Карл Иванович (1827–1891) — ботаник-систематик, путешественник, куратор Гербария Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада.

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 151. Оп. 1. Д. 817. Л. 2 (О Гербарии, оставленном Саду по духовному завещанию покойным Тайным Сов[етником] Р.Э. Траутфеттером).

⁶ Там же. Л. 3.

Записка Максимовича о гербарии Траутфеттера⁷

Господину Директору Императорского Ботанического Сада

Согласно предложению Вашего Превосходительства завещанный Императорскому Ботаническому Саду гербарий покойного Тайного Советника Р.Э. фон Траутфеттера в Гербарий Ботанического Сада принять и записать на приход.

По беглом рассмотрении гербария Траутфеттера оказалось, что он состоит из 1829 пакетов с приблизительно 6000 видов растений исключительно Русской флоры⁸, уложенных в обыкновенную писчую бумагу. Растения, за немногим исключением, все определены самим завещателем, снабжены ярлыками с точным обозначением где, когда, и кем были собраны. Большинство видов налицо в большом, иногда в весьма значительном числе экземпляров.

К гербарии придан каталог, писанный рукою завещателя; в введении в нему исчислены вкратце коллекции, из которых гербарий составлен, а затем следует перечень родов растений с обозначением сколько видов вошло в каждый пакет, а иногда, какие именно виды в нем находятся. К сожалению, далеко не у всех пакетов показано число хранимых в них видов; а потому невозможно обозначить точную цифру видов всего гербария.

Экземпляры лежат в бумаге свободно и ядом противу насекомых не пропитаны, по каковым причинам степень сохраненных экземпляров далеко не везде удовлетворительна.

Гербарий Траутфеттера составляет весьма драгоценное приобретение для Ботанического сада, где благодаря ему, ныне сосредоточены окончательно коллекции почти всех главных деятелей по флоре России.

При громадности собственных коллекций Ботанического сада, в гербарии Траутфеттера, конечно, содержится весьма многое для Сада лишнее или ненужное, что можно отчислить в число дублетов, т. е. употребить в обмен или предать в другие научные учреждения.

Прежде чем приступить к выбору таких дублетов, имею честь представить на усмотрение Вашего Превосходительства мои соображения на счет того как приступить к разбору и рассортировке этой коллекции.

Имея в виду, что каждый экземпляр этого гербария был изучен его составителем и поэтому должен считаться ценным оригиналом, прежде всего необходимо выбить штемпелем на каждом ярлыке слова: Herbar. Trautvetter. (т. е. Herbarium Trautvetterianum).

По окончании этой работы из гербария выбираются все те коллекции, которые или вовсе в Ботаническом саде не имелись или имелись только в одном экземпляре. Первые должны поступить в Русский гербарий Сада, другие — в Общий гербарий⁹.

Дублетные экземпляры упомянутых в пункте 2 коллекций, а равно все те коллекции, которые уже имеются в гербарии Ботанического сада, поступают в число дублетов.

Дублеты эти, имеющие наибольшее значение в самой России, рассылаются в возможно большем числе в отечественные научные учреждения, имеющие собственные гербарии и занимающиеся изучением отечественной растительности, т. е. в Академию наук, в Университет или Общество Естествоиспытателей при нем, в Петровскую академию, Лесной институт, Медико-хирургическую академию, Никитский сад и другие, где эти дублеты могут принести пользу, а также частным лицам, трудящимся над изучением местной растительности.

Оставшиеся, за удовлетворением отечественных учреждений и лиц, дублеты рассылаются заграничным корреспондентам Сада в обмен, на общем основании.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 817. Л. 5—6.

⁸ Гербарий русской флоры включал растения, собранные на территории Российской империи.

⁹ Общий гербарий, кроме растений зарубежных, в то время включал дублеты собранных в России образцов, в том числе и тех, географическое положение места сбора которых было неясно.

Хотя к занятиям по гербарию Траутфеттера весьма желательно приступить без замедления; но Вашему Превосходительству известно, насколько служащие при Гербарии обременены текущими работами, сколько необходимого дела по гербарии должно оставаться неисполненным за неимением рук и времени. Поэтому никак нельзя рассчитывать на возможность, приняться за эту неожиданную, значительную работу нашими наличными средствами. Необходимо приискать для этой экстренной работы и экстренного работника. На первое время требуется только лицо, которое займется клеймением ярлыков, которого вознаграждение следовательно незначительно. Полагаю, что эта работа, ежели обождать месяц или два, для того чтобы отсыревшие пакеты гербария Траутфеттера могли вполне просохнуть, протянется до конца настоящего года. Затем должна пойти рассортировка гербария, доступного только знающему делу лицу, о приискании и вознаграждении какового я, в свое время и буду иметь честь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством.

Заведующий Гербарием Гл[авный] Бот[аник] Максимович
15 июня 1889 г.

Записка в Департамент земледелия и сельской промышленности¹⁰

19 августа 1889 г.
№ 637

[Текст повторяет выше приведенный, в конце записки есть дополнительный абзац]:

Вместе с этим, при приеме гербария, найдено в библиотеке покойного Р. Э. Траутфеттера большое число книг ботанического содержания, не имеющих в библиотеке Сада, которые было бы весьма полезно приобрести. За неимением на это средств, имею честь покорнейше просить Деп[артамент] Землед[еления] и Сел[ьской] Пром[ышленности], не отказать исходатайствовать суммы в размере 200 рублей на приобретение необходимых книг из библиотеки покойного Траутфеттера, который изъявил согласие уступить Саду наследник этой библиотеки.

On the Obtainment of Ernst Rudolf von Trautvetter's Private Herbarium by the St. Petersburg Imperial Botanical Garden

ANDREJ K. SYTIN

Komarov Botanical Institute, St. Petersburg, Russia; astragalus@mail.ru

The publication presents documents from the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences. The materials illuminate the process of inclusion by which the private collection of Ernst Rudolf von Trautvetter, the eminent taxonomist and director (1866–1875) of the St. Petersburg Imperial Botanical Gardens, came into the main corpus of the Garden's herbarium. By order of the new director of the Gardens, Eduard von Regel, it fell upon chief botanist Karl I. Maximowicz to work with the collection. The general value of the Trautvetter's collection was that it contained a great number of type specimens.

Keywords: Ernst Rudolf Trautvetter, herbarium, St. Petersburg Imperial Botanical Garden.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 817. Л. 8–9.

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

Реорганизационные пертурбации: историки биологии в БИНе в 1970-х гг.

Э.И. Колчинский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН.

Санкт-Петербург, Россия; ekolchinsky@yandex.ru

В публикуемом отрывке из воспоминаний Э.И. Колчинского, находящихся сейчас в издательстве «Нестор-История», рассказывается о трехгодичном пребывании ленинградских историков биологии ИИЕТ АН СССР в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР. На фоне различных реорганизационных пертурбаций, происходящих с сектором истории и теории эволюционного учения, раскрываются взаимоотношения научного сообщества и власти в 1970-х гг., мотивы и стиль поведения ряда крупных учёных, освещаются некоторые моменты XII Международного ботанического конгресса в 1975 г.

Ключевые слова: БИН, ИИЕТ, АН СССР, ЦК КПСС, Международный ботанический конгресс, К.М. Завадский, Д.В. Лебедев, С.Р. Микулинский, П.Н. Федосеев.

В начале 1970-х гг. Ю.С. Мелешенко¹ поднял вопрос о реорганизации Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР (ЛО ИИЕТ) в институт, который занимался бы не только историей науки и техники, но и современными социальными и методологическими проблемами. Этот проект был поддержан в Ленинградском обкоме КПСС. Этим планам не препятствовал и директор расположенного в Москве ИИЕТ АН СССР Б.М. Кедров, на коленях у которого Мелешенко ещё в детстве посиживал. Планировалось, что в новом академическом институте наряду с проблематикой научно-технической революции останется и история науки,

¹ Мелешенко Юрий Сергеевич (1921–1972) — философ, доктор философских наук, профессор. В 1967–1972 гг. — заведующий ЛО ИИЕТ АН СССР; осуществлял одновременно руководство созданной им в 1969 г. проблемной группой методологических и социальных проблем техники и технических наук. Сфера научных интересов: философские проблемы техники и научно-технического прогресса.

и науковедение. Заместителю Кедрова С.Р. Микулинскому² была очевидна утопичность подобных планов, но при таком раскладе сил ему оставалось только наблюдать, как из-за личных амбиций под угрозой оказывается судьба истории науки в Ленинграде. Довольно быстро проект был преобразован в объединение на базе ЛО ИИЕТ всех секторов московских институтов, входящих в Отделение философии и права АН СССР. Но все оказалось гораздо хуже. Ведь, планируют одни, а решают другие.

В декабре 1971 г. в Ленинград приехали вице-президент АН СССР П.Н. Федосеев³ и заведующий Отделом науки и вузов ЦК КПСС Е.М. Чехарин⁴. Они создали в кабинете уполномоченного Президиума АН СССР по Ленинграду Б. Е. Быховского⁵ совещание. На нём присутствовали представители всех учреждений, которые предполагалось включить в ИСЭП. Были и заведующие секторами ЛО ИИЕТ. Федосеев и Чехарин, отметив значение ИСЭП, рекомендовали участникам совещания приступить к его организации. К.М. Завадский⁶ решительно выступил против механического включения ЛО ИИЕТ в состав нового института. Ближится 250-летний юбилей АН СССР, сказал Завадский, и ликвидация ЛО ИИЕТ приведёт как к свертыванию исследований по истории Академии наук, так и к прекращению работ в области истории и теории эволюционного учения, которые не вписывались в рамки работ ИСЭП. К сожалению, на этом совещании Завадского поддержал только его ученик А.С. Мамзин⁷. Подводя итоги совещания, П.Н. Федосеев не согласился с их аргументами.

Мы, молодежь, в целом были настроены за новый институт. Мелешенко обещал помочь нам сделать ленинградскую прописку и обеспечить жильем. Но когда проект стал принимать какие-то очертания, выяснилось, что в Президиуме АН СССР проект поддержан, но новое учреждение будет создаваться без Мелешенко. Ему там, в лучшем

² Микулинский Семен Романович (1919–1990) — историк науки, философ, чл.-корр. АН СССР (1968). В 1963–1974 гг. — зам. директора, в 1974–1986 гг. — директор ИИЕТ АН СССР. Область научных интересов: история биологии в России в XIX в., философские проблемы естествознания, науковедение.

³ Федосеев Петр Николаевич (1908–1990) — философ, социолог, общественный деятель, акад. АН СССР (1960). Член ЦК КПСС (1961–1989), вице-президент АН СССР (1962–1967), (1971–1988). Область научных интересов: проблемы исторического материализма и научного коммунизма, критика буржуазной философии, социология.

⁴ Чехарин Евгений Михайлович (1924–2001) — государственный деятель, правовед, чл.-корр. АН СССР (1976). В 1961–1972 гг. — заместитель заведующего, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Область научных интересов: теория государства и права, политическая система советского общества.

⁵ Быховский Борис Евсеевич (1908–1974) — зоолог, акад. АН СССР (1964). Директор Зоологического института (1962–1974), академик-секретарь Отделения общей биологии АН СССР (1963–1971), уполномоченный Президиума АН СССР по Ленинграду. Область научных интересов: паразитология.

⁶ Завадский Кирилл Михайлович (1910–1977) — биолог, историк науки, философ, Заслуженный деятель РСФСР (1975). Заведующий сектором истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ АН СССР (1967–1975), заведующий Лабораторией истории и теории эволюционного учения БИН (1975–1977).

⁷ Мамзин Алексей Сергеевич (р. 1928) — философ, Заслуженный деятель РФ (1998). В 1967–1969 гг. — старший научный сотрудник сектора истории и теории эволюционного учения ЛО ИИЕТ, в 1969–1975 гг. — заведующий Ленинградским сектором философии биологии в Институте философии АН СССР. Сфера научных интересов: философские вопросы биологии, социальная экология, история и методология науки.

случае, была уготовлена должность заместителя директора. Запущенный им процесс «пошёл во вред ему», и изменить он ничего уже не мог. Возможно, это как-то ускорило его безвременную кончину 9 мая 1972 года в возрасте 50 лет. Во время траурного митинга на кладбище все поклялись продолжить его дело. На следующий день представители от ЛО ИИЕТ вместе с С.Р. Микулинским поехали в обком доказывать, что Юрий Сергеевич неверно оценил научный потенциал возглавляемого им учреждения. В нём в основном работают историки науки и техники, биологи, но нет специалистов по научно-технической революции, не считая нескольких неостепенённых сотрудников его группы. На некоторое время решение вопроса при активном сопротивлении со стороны московского института, возглавляемого с 1973 г. Микулинским, всячески затягивалось. У нас обязанности заведующего отделением исполнял А.В. Кольцов⁸, который не хотел ничего слушать о каких-либо реорганизациях.

Смена руководства ИИЕТ в Москве произошла своеобразно. Научный и политический авторитет Б.М. Кедрова был высок. Он был редким исключением среди философов-академиков, пользовавшихся уважением естествоиспытателей. На фоне сталинских философов-пропагандистов типа М.Б. Митина⁹, П.Ф. Юдина¹⁰, Ф.В. Константинова¹¹, Бонифатий Михайлович сиял яркой звездой, был очарователен, остроумен, демократичен. Со всеми сотрудниками здоровался за руку, правда, тут же забывал, с кем здоровался. Однажды я был удостоен чести с интервалом в две минуты дважды пожать ему руку. Сын друга В.И. Ленина (по слухам и сам Бонифатий Михайлович в раннем детстве сживал на коленях у вождя мирового пролетариата), одного из организаторов ЧК, Михаила Кедрова, расстрелянного в 1941 г., Бонифатий Михайлович свою долю гонений получил в начале 1950-х гг. Однако не пал духом и в ожидании ареста занялся изучением архива Д.И. Менделеева, подготовил знаковую книгу о его открытии. Хорошо читались и его труды по классификации наук. Правда, со временем он увлекся написанием всякого рода толстых книг о взглядах классиков марксизма на естествознание, и читать их всерьёз было уже невозможно. Кедров — автор 169 книг. Сравнивая его с писателем Ю. Олешей — автором популярных тогда воспоминаний «Ни дня без строчки...», я как-то охарактеризовал его творчество так: «Ни дня без печатного листа». В докомпьютерный век такая продуктивность была редка, а метод «Реклю», то есть «режу, клею» был доступен далеко не всем. Кедров остается уважаемой фигурой в академическом истеблишменте, возглавляемом его учениками и почитателями. О нём пишут диссертации, воспоминания, а моя коллега из Циньхуанского университета Бао Оу защитила по Кедрову диссертацию. Вообще Кедров очень популярен в Китае, его труды считаются образцовым примером разработки диалектического материализма на базе естествознания.

При таком творческом горении Бонифатию Михайловичу некогда было заниматься текущими делами в институте, и он поручил их вести Семену Романовичу

⁸ Кольцов Анатолий Васильевич (1927–2000) — историк. Заведующий ЛО ИИЕТ (1962–1966, 1972–1973). Область научных интересов: история Академии наук в XX в.

⁹ Митин (Гершкович) Марк Борисович (1901–1987) — философ, публицист, политический и общественный деятель, акад. АН СССР (1939). Заведующий сектором в Институте государства и права (1970–1985). Область научных интересов: апологетика сталинизма и лысенкоизма.

¹⁰ Юдин Петр Фёдорович (1899–1968) — философ, дипломат, общественный деятель, акад. АН СССР (1953). Член ЦК КПСС (1952–1961). Область научных интересов: апологетика сталинизма.

¹¹ Константинов Фёдор Васильевич (1901–1991) — философ, общественный деятель, акад. АН СССР (1964). Академик секретарь Отделения философии и права АН СССР 1967–1975. Область научных интересов: исторический материализм, биография В.И. Ленина.

Микулинскому, биография которого была запятнана так, что вряд ли он мог рассчитывать на карьерный рост. Комсомольский активист Микулинский попал в плен в первый год войны, каким-то образом сумел выжить, после освобождения побывал в сталинских лагерях, но и там не пропал. После освобождения окончил в 1949 г. философский факультет Московского университета, аспирантуру и защитил диссертацию под руководством крупного палеонтолога Л.Ш. Давиташвили¹², который активно поддерживал Т.Д. Лысенко. В таком духе были и первые публикации Микулинского по истории биологии, готовившиеся в период пресловутой борьбы с космополитизмом до того, как он начал работать в ИИЕТ. В институт он пришёл в 1952 г. Микулинский, бесспорно, был человеком очень ярким, самобытным, способным очаровывать людей, заводить связи в верхах, включаться в сложные социальные сети, формировать вокруг себя коллективы единомышленников. Выбранный Кедровым в 1963 г. на пост главного помощника, Микулинский трудился днём и ночью, не щадя сил, быстро стал центральной фигурой в Институте, но во всём послушной Кедрову.

Чтобы С.Р. Микулинскому легче было решать вопросы в различных инстанциях, особенно в Президиуме АН СССР, где главным считалось академическое звание, Б.М. Кедров добился его избрания в 1968 г. в члены-корреспонденты АН СССР, что было непросто, так как биологи помнили ранние публикации Семена Романовича. В 1971 г. после тяжёлой болезни скончался директор Института философии П.В. Копнин¹³, замену которому было найти нелегко, так как вокруг замещения подобных постов начиналась длительная борьба разных философских группировок, имевших своих покровителей в высших эшелонах власти. Поиск осложнялся и тем, что Копнин был творческой личностью, ратовал за обновление марксистской гносеологии, что не нравилось ортодоксам ни среди философов, ни среди партийных лидеров.

Принятие решения ускорила академик Болгарской академии наук Теодор Павлов, автор весьма посредственных книг о ленинской теории отражения, но по совместительству член Политбюро Коммунистической партии Болгарии, имевший возможность прямого выхода на Л.И. Брежнева. Он пригрозил в секретариате ЦК КПСС, что пожалуется Брежневу на затягивание вопроса с назначением директора, который был необходим в связи с предстоящим в Москве Всемирным конгрессом философии. Его трудно было готовить в отсутствие директора Института философии, отвечающего за всю работу. Кто-то решил, не тратя время на длительное согласование назначить Б.М. Кедрова исполняющим обязанности директора Института философии, сохранив за ним до следующих выборов и пост директора ИИЕТ АН СССР. Кедров с этим согласился. Директором Института философии было быть престижней, чем ИИЕТ АН СССР. Философии уделяли большее внимание, сам институт был гораздо больше, тематика исследования разнообразнее.

Конгресс был проведён успешно, и ничто, казалось, не предвещало Кедрову беды. Но его недруги-ортодоксы не дремали. В 1974 г. на заседании Отделения философии и права АН СССР, где в один день проходили выборы директоров ИИЕТ и Института

¹² Давиташвили Лео Шиович (1895–1977) — палеонтолог, историк науки, акад. АН ГрССР (1944). Область научных интересов: эволюционной теории, история эволюционной палеонтологии, ископаемые моллюски, стратиграфия верхнетретичных отложений.

¹³ Копнин Павел Васильевич (1922–1971) — философ, чл.-корр. АН СССР (1970). Директор Института философии АН СССР (1968–1971). Область научных интересов: гносеология, методология и логика науки.

философии АН СССР, вначале Кедрову выразили благодарность за успешное многолетнее руководство ИИЕТ и избрали новым директором С.Р. Микулинского. Затем при выборах директора Института философии против кандидатуры Кедрова выступили Б.М. Митин и другие философы-пропагандисты. В итоге в один день Кедров перестал быть директором двух институтов. Ситуация стала для Кедрова особенно тягостной из-за того, что он вернулся в Институт, в котором недавно был полным хозяином и который теперь возглавлял выдвинутый им человек, желавший править самостоятельно, а не быть на побегушках у вырастившего его академика. Естественно ситуация, отягощённая особенностями противостоящих лидеров, изначально была чревата конфликтами. Всё это сказывалось на обстановке в ИИЕТ, что было небезразлично и для Ленинграда.

Осенью 1974 г., когда ЛО ИИЕТ возглавлял доктор медицинских наук профессор Николай Александрович Толоконцев¹⁴, планировавший вместе с К.М. Завадским вернуть исследования по истории и методологии охраны окружающей среды, прежние идеи о создании нового Института ожили. Средств, как всегда, не было, и его решили организовать на базе не только ленинградских учреждений Отделения философии и права, но и Отделения экономики АН СССР. Здесь совпали интересы и партийного руководства Ленинграда, и академического начальства. С одной стороны, обкому нужен был свой карманный академический институт, который бы занимался политическими, экономическими и социальными исследованиями. С другой стороны, академическому руководству не нравилось, что в Ленинграде расплодилось масса всяких филиалов, отделов, секторов. Все они функционировали на уровне самостоятельных организаций и обращались со своими нуждами и требованиями прямо в Президиум Академии наук, порой минуя головные институты в Москве. Представители общественных наук, ввиду размытости критериев их труда, порой трудно уживаются друг с другом, у них нередко возникают склоки. Их они несли на суд в ЦК КПСС, поскольку над ними не было партийной организации института. А из ЦК их жалобы спускались для разборки в обком, который был бессилён принимать кадровые решения, так как головные институты были в Москве. В общем, для объединения академических учреждений по общественным наукам под одной крышей было немало причин объективного и субъективного порядка,

В итоге в планируемый институт решили согнать философов, экономистов, социологов и нас, историков науки. Рассматривая проектируемый институт как некий реферативный придаток обкома, его решили назвать Институтом социально-экономических проблем (ИСЭП). Аббревиатура — ИСЭП звучала как имя некоего древнеегипетского бога, что, возможно, и зачаровывало высокое начальство. Предложение было поддержано Секцией общественных наук АН СССР, а также в отделах науки ЦК КПСС и Ленинградского обкома КПСС, так как оно понравилось первому секретарю Ленинградского обкома КПСС Г.В. Романову, который незадолго до того стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Романов старался на практике воплотить идею о превращении науки в непосредственную производственную силу и считал, что академическая наука должна помочь обкому эффективно решать идеологические, политические и экономические задачи. Кроме того, ему надоело, что отдел науки обкома

¹⁴ Толоконцев Николай Александрович (1924–2010) — медик, доктор медицинских наук, профессор. В 1973–1975 гг. — заведующий ЛО ИИЕТ. Сфера научных интересов: проблемы окружающей среды, экология человека, токсикология.

разбирался с бесконечными склоками внутри ряда ленинградских секторов, отделов и отделений московских институтов. Создание единого института означало и появление партийной организации, которая и должна будет разбираться с эпистолярным творчеством отдельных учёных. Романову удалось добиться соответствующего решения Секретариата ЦК КПСС от 31 октября 1974 г., а затем и Президиума АН СССР.

Большинство сотрудников ЛО ИИЕТ, научные интересы которых лежали вне тематики ИСЭП, были обеспокоены предстоящей реорганизацией. Выражая эти настроения, общественные организации ЛО ИИЕТ не раз обращались в дирекцию московского института, в партийные органы Ленинграда, ходатайствуя о сохранении ЛО ИИЕТ. Боролись против подобного решения и руководители Отделения экономики АН СССР, понимая, что руководство сверху и наука — вещи несовместимые. Запоздалые маневры ряда видных учёных-академиков (математиков и экономистов), включая уходящего в отставку М.В. Келдыша¹⁵, предвидевших гибель многих научных направлений в новом институте, не дали результатов. Около десяти ленинградских академических учреждений, включая ЛО ИИЕТ, упразднили, а их штаты и бюджеты передали в ИСЭП.

Однако Микулинскому удалось добиться, что в ИСЭП ушли только сектор социологических проблем науки и группа методологических проблем техники и технических наук, а сектор истории Академии наук и Музей М. В. Ломоносова временно были сохранены в качестве ленинградских секторов ИИЕТ АН СССР. Их руководителем в 1975—1978 гг. Б. И. Иванов¹⁶. Связано это, прежде всего, с тем, что надо было проводить торжественные мероприятия, посвящённые 250-летию юбилею АН СССР: организовывать выставки, готовить юбилейные издания, а главное, писать доклады для академического руководства. Ведь в 1974 г. празднование юбилея было отменено, так как М.В. Келдышу не понравился доклад для торжественного заседания, подготовленный спичмейкерами из аппарата. Было ясно, что сектор истории Академии наук пока трогать нельзя. Не знали, куда девать и национальную «святыню» — Музей М.В. Ломоносова. Идея о том, что его можно присоединить к Кунсткамере, никому в голову не приходила. Все помнили, что там он уже был, явно не прижился и относительно недавно его передали в ЛО ИИЕТ.

Удалось отстоять свой сектор и К.М. Завадскому, который пошёл на прямой конфликт с партийными органами и академическим руководством. Тогда все цепенели при звонках «сверху» из партийных органов. Завадский относился к ним достаточно пренебрежительно. В разгар развития событий, в ноябре 1974 г., учёный секретарь ЛО ИИЕТ Б.И. Иванов срочно вызывал Завадского на работу, так как какой-то инструктор Отдела ЦК КПСС хочет с ним встретиться. Завадский не пожелал менять свой график и попросил передать инструктору, в какой день и в какой час он сможет застать его на рабочем месте. Как раз в этот момент я был у него на квартире, мы редактировали совместную книгу. На мой вопрос, почему он так реагирует на высокое партийное начальство, Завадский ответил, что на самом деле разница между инструкторами ЦК КПСС и Обкома КПСС только одна: инструктор ЦК просит о помощи при подготовке докторской диссертации, а инструктор Обкома — кандидатской.

¹⁵ Келдыш Мстислав Всеволодович (1911—1978) — математик, организатор науки, акад. АН СССР (1946). Президент АН СССР (1961—1975). Область научных интересов: прикладная математика, космические исследования, создание ракетно-комических систем.

¹⁶ Иванов Борис Ильич (р. 1939) — философ. Учёный секретарь Ленинградских секторов ИИЕТ (1975—1978). Область научных интересов: история и методология технических наук.

В письме к П.Н. Федосееву Завадский заявил, что тематика сектора ни при каких обстоятельствах не может быть ликвидирована, а использование специалистов, подготовленных для историко-критических исследований в эволюционной теории, по другому профилю «было бы совершенно иррационально». Завадский предупредил, что возглавляемый им коллектив отказывается «принять условия перехода в ИСЭП» и не может «свернуть тематику сектора и развернуть исследования в новых направлениях». Его поддержали директора всех биологических институтов Ленинграда, академики и члены-корреспонденты АН СССР. Тогда к академикам относились с достаточной степенью почтения. И когда их петиция поступила в Президиум АН СССР, она произвела большое впечатление. Федосееву было поручено уладить конфликт, он лично позвонил Завадскому, заверил, что ничего нельзя сохранить, что оставшиеся сектор истории Академии наук и Музей Ломоносова просуществуют как части ИИЕТ только до конца юбилейных мероприятий, а затем будут переданы в другие академические гуманитарные учреждения, и вообще в Ленинграде не останется никаких частей московских Институтов, а будет создан некий Ленинградский институт гуманитарных наук. В этих условиях Завадский попросил передать сектор в Ботанический институт им. В.Л. Комарова АН СССР (БИН). Готовность принять сектор высказывали также директор Института эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова АН СССР Е.М. Крепс¹⁷ и директор Зоологического института АН СССР О.А. Скарлато¹⁸.

В результате волонтаристских действий партийного и академического руководства распался хороший, творческий и работоспособный коллектив ЛО ИИЕТ, что нанесло удар по историко-научным исследованиям в Ленинграде. Одновременно загубили несколько продуктивных, работавших на мировом уровне секторов и филиалов московских академических учреждений по социологии и экономике. В конечном счёте они не сохранились в ИСЭП, откуда со временем ушли практически все крупные учёные, включая и В.А. Ядова¹⁹ и С.А. Кугеля²⁰, которые затем некоторое время работали в ЛО ИИЕТ. Однако и начальство с созданием ИСЭП не обрело желанного покоя. Близость к властям обострила конфликты внутри наспех слепленного из разнородных частей коллектива, начались поиски и изгнания инакомыслящих, подбор и расстановка кадров в соответствии со вкусами обкомовских чиновников, выявляющих скрытых сионистов и ревизионистов, и так далее. Институт стремительно терял академический облик, от окончательной деградации его спасла перестройка и разделение на три отдельных учреждения: Институт проблем региональной экономики, Санкт-Петербургский экономико-математический институт и Институт социологии.

¹⁷ Крепс Евгений Михайлович (1895–1985) — физиолог, биохимик, акад. АН СССР (1966). Директор Института эволюционной физиологии и биохимии АН СССР (1958–1975), академик-секретарь Отделения физиологии АН СССР (1967–1985). Область научных интересов: сравнительная физиология и биохимия нервной системы.

¹⁸ Скарлато Орест Александрович (1920–1994) — зоолог, академик АН СССР (1992). Директор Зоологического института (1974–1994). Область научных интересов: малакология, гидробиология.

¹⁹ Ядов Владимир Александрович (р. 1929) — социолог. Работал в ИСЭП АН СССР (1975–1984) и в ЛО ИИЕТ АН СССР (1984–1988). Область научных интересов: теория и методология социологии, социология труда, социология и социальная психология личности, социология науки.

²⁰ Кугель Самуил Аронович (р. 1924) — социолог, заслуженный деятель РФ (1995). Заведующий сектором социальных и методологических проблем науки и техники ЛО ИИЕТ АН СССР (1968–1975). Область научных интересов: социология науки и науковедение.

В БИНе для сектора истории и теории эволюционного учения вначале все складывалось хорошо. Реорганизация свелась к переименованию его в лабораторию. Сектор оставался в помещении ЛО ИИЕТ, в Таможенном переулке, 2. Только зарплату стали получать в Ботаническом институте. Горячим сторонником перехода сектора в БИН был учёный секретарь Института Д.В. Лебедев²¹, его поддерживал директор БИН, член-корреспондент АН СССР Ал.А. Фёдоров²². Все предложения и планы Завадского были приняты и одобрены Учёным советом БИН, который рекомендовал сохранить все сложившиеся научные и координационные связи с ИИЕТ и активнее участвовать в научных и методологических семинарах. Старшее поколение БИН ценило К.М. Завадского за помощь в борьбе против Т.Д. Лысенко, когда БИН был центром этой борьбы и поддержка Завадского как заведующего кафедрой дарвинизма в ЛГУ была важна, так как соответствующую кафедру в МГУ возглавлял лысенкоист Ф.А. Дворянкин²³. Многие сотрудники БИН были учениками Завадского или знакомы с ним с 1932 г., когда он заведовал Ботаническим музеем БИН. Его книги о виде были написаны в основном на ботаническом материале.

Нас сразу подключили к проведению XII Международного ботанического конгресса, в котором участвовали более семи тысяч человек. Во главе Оргкомитета формально стоял председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин. Мне пришлось работать в гостиничной комиссии. Это позволило ещё раз убедиться в отсутствии организационных способностей у многих академических сотрудников. Человеку, имевшему опыт работы на производстве, удивительно было слышать долгие дискуссии о том, что и как делать. В решающий момент оказывалось, что всё идёт не так, как планировалось, все растеряны, воцаряется хаос, хотя в комиссии было более 200 человек, десятки которых готовились к проведению конгресса несколько лет. Через несколько дней после начала повседневной работы значительная часть руководящих функций оказалась на мне, к радости председателя комиссии Т.Б. Батыгиной²⁴ и её заместителя Э.С. Терёхина²⁵, которым не хотелось терять время в ущерб контактам с зарубежными коллегами. И их можно было понять. Ведь конгресс давал им в те годы уникальную возможность пообщаться со специалистами из разных стран в своих областях знания.

Наш штаб находился в конце коридора на первом этаже в гостинице «Октябрьская» метрах в 50 от входа, где шла вся основная работа: приём приезжих, распределение по гостиницам, командование такси и т. д. Приходилось всё время ходить

²¹ Лебедев Даниил Владимирович (1915–2005) — библиограф, историк науки, почетный акад. РАЕН (1991). Учёный секретарь БИН (1962–1978). Область научных интересов: ботаника, история биологии, библиография.

²² Фёдоров Александр Александрович (1908–1982) — биолог, чл.-корр. АН СССР (1964). Директор БИН (1962–1976). Область научных интересов: систематика и морфология высших растений.

²³ Дворянкин Фёдор Андрианович — публицист. Заведующий кафедрой дарвинизма МГУ (1951–1964). Область научных интересов мичуринская генетика, автор термина «советский творческий дарвинизм».

²⁴ Батыгина Татьяна Борисовна (р. 1927) — ботаник, чл.-корр. РАН (2003). В 1975 г. — старший научный сотрудник Лаборатории эмбриологии растений БИН. Область научных интересов: биология развития, репродуктивная биология, морфология и эмбриология растений, биотехнология.

²⁵ Терехин Эдуард Семёнович (1932–2001) — ботаник, доктор биологических наук, заслуженный деятель науки РФ. В 1975 г. — старший научный сотрудник Лаборатории эмбриологии БИН. Область научных интересов: эволюционная теория, анатомия растений, карпология.

взад-вперёд от телефона к входу (метров 50). По телефону постоянно кто-то не мог дозвониться, а порой это были очень высокопоставленные люди, не привыкшие ждать. Была и масса накладок. Главная из которых заключалась в том, что по приказу Косыгина во все гостиницы, предназначенные для участников конгресса, запретили селить людей за несколько дней до начала конгресса. Гостиницы пустовали, терпели убытки, и их директора угрожали, что начнут вселять в забронированные номера. У кого-то сдавали нервы, и голова шла кругом от бардака, царящего у нас в стране. До этого я не мог представить, чтобы в СССР могли приезжать люди без визы, проходить каким-то образом паспортный контроль, добираться до гостиничной комиссии, а здесь приходилось решать, что с ними делать. А решать никто не хотел, так как сотрудники КГБ, понимая, что кому-то за это попадёт, всячески старались изобразить, что их это не касается.

Однажды в 5.30 утра в гостиничной комиссии появилась группа академиков во главе с 40-летним вице-президентом Ю.А. Овчинниковым²⁶, которые должны были приехать через два часа, и для их встречи были выделены специальные люди. А мне о них ничего неизвестно, и на просьбу предоставить машины я, к ужасу Т.Б. Батыгиной, ответил, что для них у меня машины не предусмотрены. Она доходчиво объяснила мне, как я не прав, и мне пришлось отыгрывать назад. В итоге всё кончилось благополучно. Все зарубежные участники конгресса были расселены. Но мне ещё долго снилось, что я иду вдоль какого-то длинного коридора и конца-края не видно. И хотя я, как и многие другие члены гостиничной комиссии, страшно устал, ведь в течение более чем недели спать приходилось лишь 2–3 часа в сутки, эту работу я вспоминаю с удовольствием. К сожалению, я не помню фамилий девушек из БИН и ЛГУ, которые самоотверженно работали, выполнив огромный объём работ по приёму участников конгресса. В целом, конгресс был полезен для меня, ещё больше сблизив меня с Э.С. Терёхиным. У меня также сложились хорошие отношения с его женой Т.Б. Батыгиной, с исполняющим обязанности директора БИН П.Д. Соколовым²⁷ и учёным секретарем Д.В. Лебедевым.

В России, как известно, нет ничего более постоянного, чем временные решения. После создания ИСЭП о секторе истории Академии наук и Музее М.В. Ломоносова забыли. Узнав, что ЛО ИИЕТ не ликвидирован полностью, Завадский поднял вопрос о возвращении своего коллектива. Этого хотел и С.Р. Микулинский. При очередной плановой проверке ИИЕТ он вставил этот пункт в решение Президиума АН СССР от 12 октября 1976 г., когда слушался отчёт о работе ИИЕТ за пять лет. Было рекомендовано вернуть коллектив Завадского в ИИЕТ, так как фактически сектор продолжал работать по плану согласованному с ИИЕТ. Дирекция БИН не возражала против этого, но решение вопроса затягивалось из-за оппозиции П.Н. Федосеева.

С уходом Ал.А. Фёдорова с поста директора и назначением в январе 1977 г. на эту должность академика А.Л. Тахтаджяна²⁸ стало выясняться, что хотя подразделение Завадского «работает весьма продуктивно и успешно», «направление его научной

²⁶ Овчинников Юрий Анатольевич (1934–1988) — биохимик, акад. АН СССР (1970). Вице-президент АН СССР (1974–1988). Область научных интересов: биоорганическая химия и молекулярная биология.

²⁷ Соколов Павел Данилович (1924–1994) — ботаник. Заместитель директора БИН (1963–1981), в 1975–1976 гг. исполнял обязанности директора в связи с болезнью Ал.А. Федорова. Сфера научных интересов: ботаническое ресурсоведение.

²⁸ Тахтаджян Армен Леонович (1910–2009) — ботаник, акад. АН СССР (1972). Директор БИН (1976–1986). Область научных интересов: эволюционная морфология, систематика высших растений, ботаническая география.

деятельности не соответствует профилю Института». Вскоре в БИН произошло ЧП. После защиты кандидатской диссертации был банкет, и один из его участников, возвращаясь домой, свалился в Карповку и утонул. А банкеты были строго запрещены. По требованию Обкома началась реорганизация самого БИН. Завадский был встревожен, так как понимал, что Я.М. Галлу²⁹ и мне, «ущербным» по пятому пункту и с базовым философским образованием, вряд ли удастся устроиться на работу вне БИНа, хотя были заведующие лабораториями в БИН, которые готовы были взять и меня, и Галла, и остальных сотрудников. Но насколько мы могли бы адаптироваться к другой обстановке, окружению, тематике, этого никто не знал.

Завадский, не веря больше обещаниям С.Р. Микулинского о том, что вопрос вот-вот решится, начал переговоры с кафедрой философии АН СССР о переходе нашего подразделения под её юрисдикцию. Заведующий кафедрой М.Н. Перфильев³⁰ встретил предложение с энтузиазмом, но некоторые профессора и преподаватели, включая учеников Завадского, резко выступили против. Их аргументация заключалась в том, что появление исследовательской структуры, где большинство сотрудников — биологи, создаст нездоровую обстановку на кафедре, где главная задача готовить аспирантов к кандидатскому экзамену. По большому счёту они были правы. Подобное решение могло носить только временный характер, чреватый новыми проблемами в будущем. Неизбежно возникал бы вопрос, почему одни должны читать лекции и вести семинарские занятия, а другие писать книжки. Коллектив кафедры готов был взять только самого К.М. Завадского, но о себе он беспокоился меньше всего.

Узнав о реакции кафедры философии, новый директор БИН А.Л. Тахтаджян в середине октября 1977 г. попросил вице-президента Ю.А. Овчинникова довести до сведения вице-президента П.Н. Федосеева, что перевод лаборатории Завадского из БИН настоятельно необходим. В случае затягивания с решением вопроса ставился вопрос о расформировании лаборатории, так как от БИН сверху требовали ликвидировать семейственность, покончить с либерализмом в работе Учёного совета, решительно действовать в отношении непрофильных подразделений. Завадского предупредили, что к концу 1977 г. сектор будет ликвидирован, сотрудники распределены по разным лабораториям, где всем фактически с нуля придется начинать научную деятельность. Однако на все просьбы академика-секретаря Отделения общей биологии АН СССР М.С. Гилярова и директора ИИЕТ С.Р. Микулинского выполнить решение Президиума АН СССР П.Н. Федосеев отвечал отказом.

31 октября 1977 г. я приехал к К.М. Завадскому на квартиру. Впервые в жизни я его видел подавленным. Накануне Д.В. Лебедев позвонил ему и сказал об окончательном отказе Федосеева и о принятом дирекцией БИН решении раскисировать лабораторию. Хотя Завадский продолжал строить планы дальнейших мер по спасению коллектива, было ощущение, что воля к борьбе ослабла. 2 ноября 1977 г. я был дежурным по лаборатории. Обычно в 10–11 часов утра Завадский звонил и обсуждал текущие дела, ближайшие планы. Не дождавшись традиционного звонка, я в 2 часа позвонил сам.

²⁹ Галл Яков Михайлович (р. 1946) — историк биологии. В 1975–1978 гг. — младший научный сотрудник лаборатории истории и теории эволюционного учения БИН. Область научных интересов: эволюционная теория, история биологии и экологии.

³⁰ Перфильев Марат Николаевич (р. 1931) — философ, доктор философских наук. Заведующий Ленинградской кафедрой философии АН СССР (1969–1979). Область научных интересов: социальная философия.

Завадский сказал, что болит сердце, а лекарства не помогают. О делах не говорили, чувствовалось, что ему нужен отдых. Но отдохнуть не пришлось. По рассказу его жены Екатерины Сергеевны, около 6 часов он сел смотреть любимую спортивную передачу, матч «Зенита» с какой-то командой. Игра была неинтересной. Кирилл Михайлович пошёл прилечь на диван и внезапно почувствовал резкое ухудшение. Екатерина Сергеевна, врач по профессии, не раз спасала его в подобных ситуациях уколами, на этот раз оказалась бессильной. Ничем не могла помочь и быстро приехавшая «скорая помощь».

К горю, свалившемуся на сотрудников нашей лаборатории, которые искренне любили Завадского, примешивалось ощущение личной катастрофы, краха всего, что делалось. Неизбежно в траурные дни всплывал вопрос: «Что делать?». Быстро выяснилось, что с потерей лидера у многих исчезло чувство единой школы, и далеко не все готовы были бороться вместе, помогать друг другу. Были и те, кто не прочь был примерить на себя шапку Мономаха. К счастью, исполняющим обязанности заведующей лаборатории была назначена К.В. Манойленко³¹, которая хотя и не была прямой ученицей Завадского, решила до конца бороться за сохранение созданного им коллектива. И вместе с Т.М. Аверьяновой³² и Я.М. Галлом они поехали в Москву искать поддержки в Президиуме АН СССР и Отделе науки ЦК КПСС.

Наибольшую пользу принесло посещение Института антибиотиков АМН СССР, директор которого, знаменитый биолог-эволюционист и эколог Г.Ф. Гаузе³³, был хорошо знаком с работами нашего коллектива и прекрасно относился лично к Я.М. Галлу. Галл рассказал Г.Ф. Гаузе о нашем положении и попросил помощи. Свои исследовательские работы Гаузе вёл совместно с Ю.А. Овчинниковым, о них был осведомлён и президент АН СССР А.П. Александров,³⁴ так как в Курчатовском институте были подразделения, занимавшиеся изысканием новых антибиотиков. Овчинников обратился к Федосееву с предложением решить это вопрос без проволочек и привлечения президента АН СССР. Опытному аппаратчику Федосееву ни к чему были объяснения с президентом по поводу невыполнения решения Президиума. Да и речь шла о каком-то секторе, за который ходатайствовало так много членов академии, а стоило ли дальше упрямитесь? Федосеев решил, что не стоит. И наконец-то вопрос был решён. С марта 1978 г. мы снова оказались в ЛО ИИЕТ, который теперь именовался Ленинградским отделом ИИЕТ.

Мне бы не хотелось, чтобы у читателя осталось негативное впечатление от П.Н. Федосеева, столь часто упоминаемого в этом разделе. Я не был с ним лично знаком, книг его

³¹ Манойленко (Рязанская) Ксения Викторовна (р. 1929) — ботаник, историк науки. В те годы — старший научный сотрудник лаборатории истории и теории эволюционного учения БИН, в 1977–1978 гг. — исполняла обязанности заведующей лаборатории. Область научных интересов: история физиологии растений.

³² Аверьянова Татьяна Михайловна (1939–2008) — ботаник, историк науки. Младший научный сотрудник Лаборатории истории и теории эволюционного учения БИН (1975–1977), ученый секретарь БИН (1978–1984), заместитель директора (1984–1986), затем работала в аппарате Ленинградского научного центра АН СССР.

³³ Гаузе Георгий Францевич (1910–1986) — эволюционист, эколог, микробиолог, академик АМН СССР. Директор Института по изысканию новых антибиотиков АМН СССР (1960–1986). Область научных интересов: эволюционная теория, экспериментальная экология, изыскание антибиотиков.

³⁴ Александров Анатолий Петрович (1903–1994) — физик, акад. АН СССР (1953). Президент АН СССР (1976–1986). Область научных интересов: ядерная физика, физика твердого тела, физика полимеров.

не читал и только несколько раз слушал зачитываемые им доклады. За несколько лет до этих событий один из учеников Завадского, радиобиолог Валентин Николаевич Савин³⁵, спросил меня, что сделал Федосеев как философ. Я не смог ответить на этот вопрос. Вместе с тем я много слышал о позитивной роли П.Н. Федосеева в развитии социологии, новых неортодоксальных направлений философии. Бывший аппаратчик ЦК КПСС, он, конечно, принадлежал к академическому сообществу номинально, приставленный сверху «бдеть» за идеологической чистотой членов АН СССР и стратегической линией исследований. Но Федосеев явно был ориентирован на настоящую науку и настоящих учёных, по мере сил помогал, а не вредил. При нём окрепли и успешно развивались направления в общественных науках, ориентированные на мировые стандарты. Мы же просто попали под колесо истории, ведь «наверху» не принято менять решение, даже если оно ошибочно. Для власти признать ошибку — все равно что расписаться в слабости, чего они боятся больше всего. Ошибку можно исправить только по указанию свыше. Да к тому же при рубке леса должны лететь щепки. На этот раз одной из них оказался К.М. Завадский.

Приходилось становиться полностью самостоятельным, тылы исчезли. Я понимал, что прощался не только с близким человеком, прощался с эпохой людей, искренне ставящих общественный долг выше личных интересов. А за окном вовсю уже расцвел брежневский развитой социализм, с его показухой, очковитирательством, пьянкой, казнокрадством, коррупцией и с невнятно бормочущим по бумажке верным ленинцем, пятикратным Героем Советского Союза, в чине полковника выигравшим Великую Отечественную войну. На фоне этого тотального безумия Академия наук сохраняла признаки нормального сообщества, и я благодарен судьбе, что остался в её стенах несмотря на все пертурбации.

БИН в моей судьбе сыграл важную роль не только как временная резервация для выживания в АН СССР. Он позволил мне лучше узнать академический этос. В последние годы я, как и другие сотрудники сектора, дружил, сотрудничал со многими БИНовцами, из уже ушедших, прежде всего, с В.Я. Александровым³⁶, М.М. Голлербахом³⁷, Е.М. Лавренко³⁸. Э.С. Терехиным. Вместе с нами перешёл в ЛО ИИЕТ бывший учёный секретарь, легендарный Д.В. Лебедев, который стал моим близким другом, несмотря на разницу в возрасте. Он был редактором ряда моих трудов, и я его считаю своим учителем и в науке, и в жизни.

³⁵ Савин Валентин Николаевич (1929–2008) — радиобиолог, доктор биологических наук. В 1970-х гг. — старший научный сотрудник, заведующий Лабораторией биофизики и радиобиологии Агрофизического института ВАСХНИЛ. Область научных интересов: эволюционная теория, влияние ионизирующего излучения растений на их рост, генеративное развитие, продуктивность и устойчивость к неблагоприятным факторам среды.

³⁶ Александров Владимир Яковлевич (1906–1995) — цитофизиолог, почетный акад. РАЕН (1991). Заведующий лабораторией цитофизиологии и цитозологии БИН (1957–1986). Область научных интересов: паранекроз, цитозология.

³⁷ Голлербах Максимилиан Максимович (1907–1989) — ботаник, Заслуженный деятель науки РСФСР. Заведующий Лабораторией альгологии БИН (1947–1979). Область научных интересов: систематика сине-зеленых водорослей, систематика и флора харовых водорослей, водоросли почв.

³⁸ Лавренко Евгений Михайлович (1900–1987) — геоботаник, акад. АН СССР (1968). С 1968 г. — заведующий Лабораторией географии и картографии растений БИН. Область научных интересов: растительность аридных и субаридных территорий, ботаническая география, флора и растительность степей.

Challenges of Restructuring: Historians of Biology in the Botanical Institute in the 1970s

EDUARD I. KOLCHINSKY

St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
St. Petersburg Russia; ekolchinsky@yandex.ru

This piece presents an excerpt from the memoirs of Eduard Kolchinsky (submitted for publication in *Nestor-Historia*) and tells of the 3-year period when Leningrad's historians of biology were located in the Komarov Botanical Institute of the Academy of Sciences of the USSR. Against the background of the various organisational shifts and changes applied to the department of the history and theory of evolutionary thought, the relationships between the academic community and government in the 1970s, as well as the motives and action patterns of some eminent scholars, are revealed. It also sheds light on several moments in the history of the XII International botanical congress in 1975.

Keywords: Komarov Botanical Institute, Academy of Science of the USSR, Central Committee of the Communist Party, Kirill Zavadsky, Semen Mikulinsky, Petr Fedosejev.

БИБЛИОГРАФИИ И СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Периодические и продолжающиеся издания Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН и предшествовавших ему учреждений

СОСТАВИТЕЛЬ М.Г. БАТУРИНА

Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия;
bibliotekabin@mail.ru

Дано краткое описание периодических изданий, которые издавались Ботаническим институтом им. В.Л. Комарова РАН и предшествовавшими ему учреждениями (Ботаническим музеем Академии наук и Императорским ботаническим садом) за все 300 лет истории института. Для удобства в конце статьи помещен «Указатель заглавий журналов», в котором в алфавитном порядке перечислены все названия описанных серий и указаны годы, в которые использовалось то или иное заглавие.

Ключевые слова: ботаническая периодика, Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Ботанический музей Академии наук, Императорский ботанический сад, Санкт-Петербург.

Многие таксономические работы, к которым специалисты обращаются независимо от их срока давности, были в своё время опубликованы в периодических и сериальных изданиях, поэтому ценным (а в некоторых случаях жизненно необходимым) источником информации о них являются обзоры таких периодических изданий.

Первый полный обзор литературно-издательской деятельности в области периодических и сериальных изданий к 200-летию Императорского ботанического сада написал В.И. Липский (1913), второй подробный с указаниями основных публикаций — Д.В. Лебедев (1957). В 1998 г. вышел обзор М.Э. Кирпичникова по периодическим и сериальным изданиям Академии наук. В нём даны библиографические сведения о работах по систематике и флористике с выверенной датировкой изданий. В обзор М.Э. Кирпичникова (1998) представлены также некоторые журналы Ботанического института.

В предлагаемый обзор включены аннотированные списки изданий, вышедших в Ботаническом музее Академии наук, в Императорском ботаническом саду, а после их объединения в Ботаническом институте Академии наук. Некоторые издания существовали длительное время, но часто менялись их названия, другие были недолговечны.

Менялась и тематика ботанических исследований. Вместе с дифференциацией наук появлялись специализированные издания.

В Советском Союзе периодических изданий стало больше: так в 1930–1960-е гг. выходило семь названий, в 1960–1980-е гг. их было десять. После 1990-х гг. возникло несколько новых изданий, их число дошло до 16, но часть их просуществовала недолго. Например, серия «Трудов Ботанического института» выходила с 1991 по 2006 г. (22 вып.) под редакцией Л.Ю. Буданцева, но в настоящее время закончилась. Недолго был век и англоязычной “*Komarovia*” — специализированного таксономического издания, в подготовку которого вложил много труда старший научный сотрудник Ботанического института А.Н. Сенников. Вышло всего 7 выпусков этого журнала с 1999 по 2011 г. Вместе с тем вполне успешным оказался журнал «Растительность России», издаваемый с 2001 г., а также «Палеоботаника» (с 2010 г.).

С другой стороны, известные трудности стали испытывать многие авторитетные издания. Так, у ежегодника «Новости систематики высших растений» с 1990 г. шесть раз нарушался ритм издания. Та же судьба постигла и «Географическое картографирование» (12 пропусков). Ещё хуже обстоит дело с эксикатами «Списками растений гербария...». К тому же тираж всех изданий сильно уменьшился (например, тираж «Ботанического журнала» сократился в 8 раз). Эти обстоятельства отражают объективную реальность — сокращение штата сотрудников, уменьшение финансирования, удорожание изданий, доступность изданий в Интернете.

Библиотека Ботанического института с 2009 г. ведёт каталогизацию книжных изданий и аналитическую роспись периодики и сборников в электронном каталоге. Каталог выложен на сайте БАН (<http://www.rasl.ru>). Поиск по авторам и заглавию книжных изданий осуществляется как по основному фонду БАН, так и по библиотекам сети.

Далеко не праздным является вопрос о ведомственной принадлежности журнала. Не во всех изданиях название Ботанического института выносится на титульный лист. Например, «Ботанический журнал» издается под эгидой Ботанического общества, учредителем журнала «Микология и фитопатология» является Академия наук, а «Растительных ресурсов» — Отделение биологических наук Академии наук. Вместе с тем, во всех перечисленных ниже изданиях ответственные редакторы, члены редколлегии в основном сотрудники Ботанического института, и они по праву считаются изданиями Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН.

Все издания мы сгруппировали в семь разделов:

- I. Общетематические издания.
- II. Флора и систематика высших растений.
- III. Систематика и флористика низших растений и грибов.
- IV. Микология.
- V. Геоботаника.
- VI. Палеоботаника.
- VII. Растительные ресурсы.

В каждом разделе периодические издания расположены в хронологическом порядке их возникновения. Нумерация изданий принадлежит составителю, номер каждого издания двойной: сначала стоит номер раздела, а после дефиса — номер издания в разделе. Все эти номера условны.

Звёздочка при номере означает, что издание выходит в настоящее время.

Для удобства пользования библиографией нами составлен «Указатель заглавий журналов» (помещен в конце статьи), в котором в алфавитном порядке перечислены все названия описанных серий и указаны годы, в которые использовалось то или иное заглавие. При этом заглавие, под которым издание описано в настоящей статье, выделено полужирным шрифтом. Отсылки в указателе даны на приведённые нами условные номера изданий. Подобная структура библиографических описаний является традиционной для журнала «Историко-биологические исследования», и мы воспользовались ранее описанными принципами (Ермолаев, 2013).

Справки об отдельных изданиях подписана именем (или именами) исследователя, собравшего материал об них. Часть справок содержит ссылки на литературные источники, в которых ранее описывалось издание. Список литературы приведён в конце статьи.

Составитель выражает свою признательность Андрею Игоревичу Ермолаеву за его ценную помощь в составлении «Указателя» и рекомендации по организации материала, Андрею Кирилловичу Сытину за помощь в составлении вступления, а также сотрудникам Библиотеки БАН при БИН Галине Николаевне Панкратовой и Елене Сергеевне Лабиной.

I. Общетематические издания

1—1*. **INDEX SEMINUM, quae Hortus botanicus Imperialis Petropolitanus pro mutua commutatione offert. Accedunt animadversiones botanicae nonnullae** — первое ежегодное издание Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада, выходявшее с 1835¹ по 1846 г., затем в 1855—1869 гг. В 1851, 1852, 1853 гг. выходил под названием “*Semina selecta, e collectione anni ..., quae Hortus botanicus Imperialis Petropolitanus, pro mutual communicatione offert*”. В 1870—1932 гг. назывался «*Delectus seminum quae Hortus botanicus Imperialis Petropolitanus pro mutual communicatione offert*», с 1933 г. называется «Перечень семян, предлагаемых в обмен Ботаническим садом Ботанического института Академии наук СССР (РАН)». С 2009 (за 2007/2008) г. выходит под названием «Перечень спор и семян, предлагаемых в обмен Ботаническим садом Ботанического института Академии наук (РАН)». Последний из выпусков издания за номером 150 вышел в 2013 (за 2012) г.

«*Index seminum...*» и «*Semina selecta...*» — редчайшие издания, имеющие большую научную ценность, в них не только публиковались списки семян, а содержались «*Animadversiones...*» — заметки с описаниями новых видов или критические заметки по систематике. Составителями «*Index...*» за 1835—1846 гг. были Ф.Б. Фишер и К.А. Мейер, за 1856—1868 гг. — главным образом — Э.Л. Регель и Ф.Е. Гердер при сотрудничестве других ботаников.

С тех пор как сад в 1870 г. приступил к изданию «Трудов Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада» (см. 1—3), издание под названиями «*Delectus seminum...*» и «Перечень семян...» является только каталогом обменных семян. С 1982 (за 1981) г. отв. редактор Р.В. Камелин.

Издания «*Index seminum...*» традиционны для ботанических садов во всем мире, т.к. только напечатав «*Index...*», ботанические сады получают доступ к обмену семян. Ботанический сад БИН АН СССР в 1970—80-х гг. осуществлял обмен с более

¹ На обложке указан 1834 г.

чем тремястами садами. «Index...» является источником для изучения истории экспедиций и истории интродукции растений.

Г.Н. Панкратова, М.Г. Батурина

Лит.: Липский, 1913/1915; Лебедев, 1957.

1–2. МАТЕРИАЛЫ К БЛИЖАЙШЕМУ ПОЗНАНИЮ ПРОЗЯБАЕМОСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (Beiträge zur Pflanzenkunde des Russischen Reiches) — сериальное издание Императорской Академии наук, выходившее с 1844 по 1859 г. в 11 выпусках (книжках) в основном на немецком и латинском языках. Часто цитируется под немецким названием.

«Материалы» можно рассматривать как труды Ботанического музея Императорской Академии наук. Целью этого сериального издания являлось создание ряда местных «флор» различных районов России. Эта задача была поставлена перед Академией наук Министерством государственных имуществ. Как сказано в предисловии к изданию, Министерство

«предписало подведомственным ему лесным чиновникам собирать и сушить дикорастущие в их округах прозябания с означением народных их наименований и употребления делаемого из них простолудином и доставлять таковые коллекции Министерству».

В предисловии отмечено, что было получено более 100 коллекций из разных концов империи и Академия наук в «Материалах» будет печатать «обильнейшие из этих коллекций», используя также свои данные.

Многие монографии, напечатанные в сериальном издании, больше известны под своими названиями. В серии были опубликованы труды Ф.И. Рупрехта, К.А. Мейера, И.Г. Борщова, К. Клауса.

Преемником издания в 1902 г. стали «Труды Ботанического музея Императорской Академии наук» (см. 1–5).

М.Г. Батурина, Г.Н. Панкратова

Лит.: Лебедев, 1957; Кирпичников, 1998.

1–3. ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА (Acta Horti Petropolitani) — издавались в 1871–1931 гг. (всего 44 т.). Часто цитируется под латинским названием. Название претерпело ряд изменений, связанных с изменением названия сада: в 1915 г. (т. 33) вышло под названием «Труды Императорского ботанического сада Петра Великого»; с 1920 г. выходило под названием «Труды Главного ботанического сада»; с 1931 г. — «Труды Ботанического сада АН СССР». «Труды» стали важным событием в истории сада, выдвинувшим его по издательской деятельности в первые ряды ботанических учреждений мира. Издание редактировали ботаники сада, причем в первых томах редакторы не указан, с т. 18 (по существу с т. 15) по т. 31 редактором издания был В.И. Липский, т. 33–44 — Б.А. Федченко.

Издание первоначально предназначалось для публикации статей и заметок по всем отраслям фундаментальной и прикладной ботаники, фенологических наблюдений, отчетов об экспедициях и заграничных командировках, годовых отчетов. Почти все статьи печатались на латинском и немецком языках. С момента основания в 1901 г. «Известий Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада» (см. 1–4), где стали печататься мелкие статьи и статьи о деятельности сада, в «Трудах...» публиковались на рус-

ском языке в основном крупные статьи по флористике, систематике, описания многих новых таксонов. Центральное место в издании занимали материалы по флоре Средней Азии (Туркестана), Центральной Азии, Маньчжурии и Дальнего Востока. В «Трудах...» напечатаны классические работы Н.С. Турчанинова, Р.Э. Траутфеттера, К.И. Максимова, Н.И. Кузнецова, И.В. Палибина, В.Л. Комарова, О.А. Федченко, М.Д. Спиридонова, Б.А. Федченко; историко-библиографический справочник В.И. Липского по флоре Средней Азии и библиография по альгологии, составленная А.А. Еленкиным и Л.И. Оль.

В «Трудах» также печатались «Извлечения из отчетов Императорского ботанического сада», подававшихся в Департамент земледелия (1867–1894). «Извлечения» за 1895–1903 гг. и «Отчёты о состоянии и деятельности...» за 1904–1913 гг. выходили отдельно. Преемником издания стали «Труды Ботанического института АН СССР» (см. 1–8).

М.Г. Батурина

Лит.: Липский, 1913/1915; Липский, 1915; Лебедев, 1957; Кирпичников, 1998.

1–4. ИЗВЕСТИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА (*Bulletin du Jardin Impérial botanique de St.-Petersbourg*) — периодическое издание, выходившее в 1901–1932 гг. (всего 30 т., по 2–7 вып. в год). Часто цитируется под французским названием. Изначально издание было посвящено Августейшей покровительнице и попечительнице Императорского Ботанического сада принцессе Е.М. Ольденбургской. Переименовывалось с изменением названия учреждения: с 13-го (вып. 4) по 17-й т., вып. 1 (1913–1917) называлось «Известия Ботанического сада Петра Великого»; т. 18–24 с 1918 по 1925 г. — «Известия Главного ботанического сада РСФСР»; т. 17, вып. 2, т. 25–29 с 1926 по 1930 г. — «Известия Главного ботанического СССР», а Т. 30 (1932) — «Известия Ботанического сада Академии наук СССР». Редакторы: А.А. Фишер фон Вальдгейм (т. 1–14, т. 8–11 совместно с Г.А. Надсоном), Н.А. Монтеверде (т. 17), А.А. Еленкин (т. 18–21), В.Л. Комаров (т. 22–30).

До появления «Известий» Ботанический сад имел одно издание — «Труды Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада» (см. 1–3). Создание «Известий...» связано с потребностью публикации небольших статей по всем областям ботаники: по анатомии растений, морфологии, систематике, фитогеографии, геоботанике, экологии и физиологии растений, палеоботанике, методике ботанического исследований, первоописания растений. Печатались обзоры литературы по споровым растениям (А.А. Еленкина, Л.И. Оль, Л.И. Савич-Любицкой), сообщения о работе научно-исследовательских учреждений, описания экспедиций, хроника, персоналии и др. К «Известиям...» за 1905–1907 гг. имеются приложения: «Обзоры ботанико-географической литературы по флоре России за 1904, 1905, 1906 г.».

Преемником «Известий...» стал журнал «Советская ботаника» (см. 1–7).

М.Г. Батурина

Лит.: Липский, 1913/1915; Лебедев, 1957; Наумова, 1964.

1–5. ТРУДЫ БОТАНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (*Travaux du Musée botanique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*) — сериальное издание, выходившее в 1902–1932 гг. (25 вып.). Часто цитируется под французским названием. «Труды» основаны по инициативе С.И. Коржинского, но издавались

после его смерти. Редакторы 19–21 вып. — И.П. Бородин, 22–25 вып. — Н.А. Буш. В первых выпусках редакторы не указывались, фактически ими были сотрудники Музея.

Это издание, являясь преемником издания «Материалы к ближайшему познанию прозябаемости Российской империи» (см. 1–2), продолжало печатать флористические работы. В нём также публиковались исследования по систематике, геоботанике и ботанической географии, экспедиционные заметки, обработки гербариев. Среди авторов — Д.И. Литвинов, В.Н. Сукачев, В.А. Траншель, Н.А. Буш, Б.Н. Городков, И.П. Палибин, П.Н. Крылов, Н.И. Кузнецов, Б.А. Федченко. Особое место в «Трудах» занимают работы справочного характера, способствовавшие подготовке издания «Флоры Сибири и Дальнего Востока»: справочники Бородина «Коллекторы и коллекции по флоре Сибири» и Литвинова «Библиография флоры Сибири».

Преемником издания стали «Труды Ботанического института АН СССР» (см. 1–8).

М.Г. Батурина

Лит.: От редакции, 1902; Лебедев, 1957.

1–6*. **БОТАНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** — главное ботаническое периодическое издание страны. Создавался как общероссийский и общевотанический журнал. Издаётся с 1916 г. Русским ботаническим обществом (РБО) при Академии наук. Решение о создании печатного органа принято на Учредительном съезде РБО в 1915 г. Первый том вышел в 1916 г. под названием «Журнал Русского ботанического общества» с параллельным названием «Journal de la Société botanique de Russie», в 1932 г. (с 17 т.) переименован в «Ботанический журнал СССР» с параллельным названием «Journal botanique de l'URSS», в 1948 г. (с 33 т.) был объединён с журналом «Советская ботаника» (см. 1–7) и стал называться «Ботанический журнал».

Главными редакторами «Ботанического журнала» были: И.П. Бородин (до 1930 г.), затем В.Л. Комаров (до 1945 г.), В.Н. Сукачев (до 1959 г.), В.Ф. Купревич (до 1965 г.), Е.М. Лавренко (до 1979 г.), А.Л. Тахтаджян (до 2001 г.). С 2001 г. главный редактор — Р.В. Камелин. Эти ботаники более 90 лет сохраняли высокий уровень научного издания, несмотря на давление тоталитарной системы и тяжелейшие обстоятельства революционных и военных лет. В первые годы существования, несмотря на то, что РБО развивалось динамично (собирались съезды, работали секции, комиссии и отделения), «Ботанический журнал» выходил в объеме меньше запланированного: вместо предполагаемых 8 выпусков в год, первые 2 тома содержали по 2 сдвоенных номера, т. 3–9 (1917–1924) были ежегодниками. По-видимому, И.П. Бородин организовал типографию и закупил бумагу, которой хватило до конца Гражданской войны. И.П. Бородин полностью редактировал журнал и вёл библиографию совместно с В.А. Траншелем. В.Л. Комаров, несмотря на крайнюю занятость, уделял большое внимание «Ботаническому журналу». Это время было тяжёлым для Всесоюзного ботанического общества (ВБО), так как с 1927 г. в уставе АН СССР научные общества предусмотрены не были, и только в 1934 г. ВБО официально возобновило работу. В 1932–1947 гг. «Ботанический журнал СССР» издавался на средства Наркомпроса. В годы Великой Отечественной войны журнал издавался в Москве благодаря работе С.Ю. Липшица. В 1948 г. «Ботанический журнал» был возвращён ВБО.

В 1952 г. «Ботанический журнал», возглавляемый В.Н. Сукачевым, начал публикацию статей с критикой антидарвиновских представлений Т.Д. Лысенко о виде и видообразовании, которая перешла в борьбу с лысенкоизмом, превратив «Ботанический журнал» в один из её главных центров. Это привело к расформированию редколлегии «Ботанического

журнала» по прямому указанию Н.С. Хрущева. В 1959–1965 гг. издание подвергалось жесткой цензуре, было более сдержанным, но неизменным оставалось качество публикаций. При Е.М. Лавренко журнал сохранял позиции ведущего ботанического издания. В 1980 г. редактором стал А.Л. Тахтаджян много сделавший для придания ему современного уровня. С начала 1990-х гг. заметно уменьшился тираж журнала из-за дороговизны печати.

Программа «Ботанического журнала» менялась со временем. В первый период существования он состоял из разделов: оригинальные статьи по всем разделам ботаники, обзоры, флористические заметки, рефераты новых русских и важных иностранных работ, библиография, хроника научной жизни, личные известия, отчеты о деятельности общества. В «Советской ботанике» (1933–1947) придавалось большое значение библиографиям, поэтому они практически исчезли со страниц «Ботанического журнала» и их почти нет до сих пор. Рефераты тоже исчезли, вместо них появились более или менее обширные рецензии. Кроме того, после появления региональных и специализированных журналов, таких как «Украинский ботанический журнал» (с 1931 г.), «Физиология растений» (с 1954 г.), «Растительные ресурсы» (с 1965 г., см. 7–1), «Микология и фитопатология» (с 1967 г., см. 4–4), тематика публикаций журнала стала более узкой.

В настоящее время в «Ботаническом журнале» имеются следующие рубрики: обзорные статьи; оригинальные статьи; сообщения; систематические обзоры и новые таксоны; флористические находки; методика ботанических исследований; охрана растительного мира; числа хромосом; история науки; юбилеи и даты, потери науки; критика и библиография; ботанические путешествия; наука за рубежом; хроника; в РБО; недавно появилась новая рубрика — коллекции. На страницах «Ботанического журнала» представлены все направления ботаники, а именно: систематика и флористика; первоописания таксонов; проблема вида и видообразования; фитоценология; фитогеография и история флор; палеоботаника; цитология, кариология и молекулярная систематика; сравнительная физиологическая и экологическая анатомия, морфогенез, биология развития и жизненные формы, эмбриология, исследование ультраструктуры клеток растений, палинология; биосистематика; охрана природы. По публикациям «Ботанического журнала» Б.М. Миркин и др. (1980) провели наукометрический анализ.

М.Г. Батурина

Лит.: Лебедев, Липшиц, 1956; Об агроботанической науке... 1958, 1959; О неправильных позициях... 1959; Архарова, Лебедев, 1969; Буш, 1941; Лавренко, Юннатов, 1965; Кирпичников, 1991; Тахтаджян, 1991; Камелин, 1996; Виноградова, 1998; Егорова, 1998а; Егорова, 2000; Миркин, Абрамова, Розенберг, 1980; Колчинский, Конашев, 2003; Федотова, 2007.

1–7. СОВЕТСКАЯ БОТАНИКА — журнал, издававшийся в 1933–1947 гг., по шесть выпусков в год. В течение первых шести лет (1933–1938) выходил под грифом БИН АН СССР, с 1939 г. стал общеакадемическим журналом. Место издания — Ленинград, в годы эвакуации (1942–1944) — Казань. Журнал стал преемником «Известий Главного ботанического сада» (см. 1–4), а в 1948 г. был объединен с «Ботаническим журналом» (см. 1–6). Редакторами в 1933–1937 гг. были Б.А. Келлер и В.П. Савич, в 1938–1945 гг. — В.Л. Комаров, в 1946–1947 гг. — Б.К. Шишкин.

Во вступлении к изданию Келлер провозглашал характерные для того времени идеологические установки: «Ботаника — наука о том, как растениями управлять, как растения и весь растительный мир переделывать и перестраивать в интересах осуществления социализма»; «Задача исключительной исторической важности <...> сводится к полному идеологическому перевооружению

и к исключительной плановости в научном исследовании и в практическом претворении результатов последнего»; в БИН «ещё совсем недавно господствовала “тематическая пыль”» и т. д. В связи с этими установками в журнале имела рубрика: «Планирование и организация научной работы». Вместе с тем в журнале практически не было статей, поддерживающих позиции Т.Д. Лысенко, а опубликовано множество ценных статей и обзоров по различным разделам ботаники, актуальных до сих пор, а также статей с научными рекомендациями ведущих ботаников в помощь лесоводству, сельскому хозяйству и садоводству.

В первых томах журнала существовала рубрика «Дискуссии и дискуссионные статьи». Наиболее примечательная из напечатанных дискуссий происходила в стенах БИН в 1933–1934 гг. по проблемам геоботаники и экологии. Были опубликованы материалы «Совещаний по истории флоры и растительности СССР» (1937, № 2). Большое место в журнале занимали рефераты русских и зарубежных работ, хроника, заметки о ботанических учреждениях, печатались библиографии И.А. Оля и Г.В. Домрачева по советской ботанической литературе; Г.В. Домрачева по иностранной литературе и др.

М.Г. Батурина

Лит.: Лебедев, Липшиц, 1957.

1–8. **ТРУДЫ БОТАНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АН СССР** (Acta Instituti botanici Academiae Scientiarum URSS) — издание выходило в 8 сериях (1933–1972). В 1991 г. начала издаваться новая серия и выходила до 2006 г. «Труды» являлись прямым преемником «Трудов Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада» (см. 1–3) и «Трудов Ботанического музея Императорской Академии наук» (см. 1–5). В сериях публиковались в основном фундаментальные работы.

1–8–1. Сер. 1. Флора и систематика высших растений. Выходила в 1933–1964 гг., всего 13 вып. Редактор издания Б.К. Шишкин. В серии печатались статьи по систематике, в частности монографические обработки, а также статьи по флористике, географии растений, палеоботанике, по палинологии и морфологии.

1–8–2. Сер. 2. Споровые растения. Выходила в 1933–1959 гг., всего 12 вып. Редактор В.П. Савич. В серии публиковались работы по флористике, систематике, палеоботанике низших растений и грибов. Вышло в издании продолжение библиографии по альгологии А.А. Еленкина и Л.И. Оль.

1–8–3. Сер. 3. Геоботаника — Выходила в 1934–1970 гг., всего 18 вып. Редакторы: В.Н. Сукачев (т. 1, 2), Ю.Д. Цинзерлинг (2, 3), Е.М. Лавренко (4–6, 8, 9, 11), С.Я. Соколов (6), А.П. Шенников (6), Б.Н. Городков (7), Л.Е. Родин (8), Б.А. Тихомиров (8), И.В. Ларин (10), А.А. Корчагин (11). В серии публиковались статьи по различным аспектам геоботаники, типологии растительности, зональности, геоботаническому районированию. Некоторые выпуски посвящены геоботаническим исследованиям отдельных территорий, так 3-й вып. полностью — Карелии, большая часть 8-го вып. — Прикаспийской низменности. С 12 по 18 вып. выходили каждый выпуск под собственным заглавием и имел собственного редактора.

1–8–4. Сер. 4. Экспериментальная ботаника. Выходила в 1934–1970 гг., всего 20 вып. Редакторы: В.Н. Любименко (1–3 вып.), В.А. Бриллиант (4–10 вып.), И.Н. Коновалов (10–19 вып.), М.Я. Школьник (20 вып.). В серии печатались статьи по фотосинтезу, физиологии развития, экофизиологии, экоморфологии. 4-й вып. посвящён памяти В.Н. Любименко, 6 вып. — луговым травам, 7, 8, 9 вып. — в основном, сравнительно-экологическому изучению кормовых трав, 12-й и с 16 по 20 вып. вышли под собственными названиями.

1–8–5. Сер. 5. Растительное сырье. Выходила в 1938–1972 гг., всего 16 вып. Редакторы: Б.Н. Клопотов (т. 1), М.М. Ильин (2–4, 6, 7), Г.В. Пигулевский (5, 8, 12), Ал.А. Федоров (9–11, 13, 15, 16), В.С. Соколов и П.Д. Соколов (14). В серии печатались статьи по всем аспектам изучения полезных растений, а именно: по растительному сырью для промышленности, фармакогнозии, компонентному составу биологически активных веществ, по систематике, географии, фитоценологии, интродукции полезных растений. С 6-го тома выпуски выходили под собственным названием.

1–8–6. Сер. 6. Интродукция растений и зелёное строительство. Выходила в 1950–1970 гг., всего 10 вып. Редакторы: С.Я. Соколов (тт. 1–6, 10), А.Г. Головач (8), Н.А. Аврорин (9). В серии публиковались статьи по теоретическим и практическим аспектам культуры, селекции, биологии и географии декоративных и полезных растений, озеленению, истории интродукции и экспедициям. В 5-м томе печатались «Материалы совещания по теории и методам акклиматизации», с 7 т. выходили под собственным названием.

1–8–7. Сер. 7. Морфология и анатомия растений. Выходила в 1950–1962 гг., всего 5 вып. Редактор В.Г. Александров. В серии печатались статьи по морфологии и анатомии, в основном репродуктивных органов, а также по эмбриологии растений. Затронуты вопросы систематики и филогении, а также селекции.

1–8–8. Сер. 8. Палеоботаника. Выходила в 1956–1967 гг., всего 6 вып. Редакторы: А.Н. Криштофович (т. 1), А.Л. Тахтаджян (т. 2–6). Формат издания больше, чем в других сериях, он соответствует международным стандартам для палеоботанических изданий. В серии публиковались монографические, хорошо иллюстрированные обработки палеофлор разных регионов и статьи по систематике ископаемых растений.

1–8–9. [Новая серия]. Выходил с 1991 по 2006 гг. (22 вып.). Отв. ред. Л.Ю. Буданцев. В «Трудах» издавались монографии, сборники, материалы совещаний и чтений. Серия охватывала самые различные и актуальные вопросы ботанической науки. в области систематики растений, флористики, ботанической географии, геоботаники, палеоботаники и т. д.

М.Г. Батурина

Лит.: Лебедев, 1957.

1–9. **КОМАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ** — сериальное издание Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР. С целью увековечивания памяти В.Л. Комарова, 11 апр. 1946 г. Президиумом АН СССР учреждены ежегодные (в день смерти В.Л. Комарова) Комаровские чтения. Чтения со времени их учреждения состоялись 44 раза (последние в 1997), всего опубликовано 30 чтений. Доклад, прочитанный Э.С. Терехиным на 39-м ежегодном Комаровском чтении, был опубликован в «Трудах Ботанического института» (Новая серия, 1991, вып. 2). В заметку М.Э. Кирпичникова (1982) об истории создания «Комаровских чтений» включён указатель к изданию до 1982 г.

Г.Н. Панкратова, М.Г. Батурина

Лит.: Кирпичников, 1969; 1982.

II. Флора и систематика высших растений

2–1*. **СПИСОК РАСТЕНИЙ ГЕРБАРИЯ РУССКОЙ ФЛОРЫ** (Schedae ad Herbarium florae rossicae) — сериальное издание, основано С.И. Коржинским в 1898 г. при Ботаническом музее Императорской Академии наук (первый выпуск издан Санкт-Петербургским

обществом естествоиспытателей). Часто цитируется под латинским названием. Изменение названия связано с изменением названия государства: в 1932–1990 гг. (т. 9–27) издание называлось «Список гербария флоры СССР»; с 1992 (т. 28) — «Список растений гербария флоры России и сопредельных государств». Последний из вышедших номеров т. 29 за 2002 г.

Издание предназначено для публикации этикеток и критических заметок к гербарным образцам, называемым эксикатами. Эксикаты собираются одновременно в одном и том же пункте в определённом количестве (обычно 50 экз. каждого вида). Обработка такого гербария считается достоверной, так как ее делают специалисты. Этикетки эксикатов параллельно переведены на латинский язык, каждый вид пронумерован, что удобно при цитировании. Эксикаты предназначены для рассылок в ботанические учреждения. Для того чтобы осуществить это издание, С.И. Коржинский обратился к специалистам и любителям ботаники с письмом, опубликованном в «Трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей» и в отдельных оттисках, с просьбой собирать гербарий по описанным в письме правилам. Те, кто присылал нужное количество образцов хотя бы двух видов растений, могли получить выпуск эксикат бесплатно. Оставшиеся образцы попадали в продажу для приобретения учреждениями и музеями, а также для заинтересованных лиц для оправдания затрат на издание. Эксикаты изначально имели и просветительскую цель. С начала XX в. сборами эксикатов занимались специалисты; эксикаты распространяются Ботаническим институтом путем обмена в отечественные и зарубежные гербарии.

Каждый том «Списка...» состоит из нескольких выпусков по 50 видов растений в каждом. Многие выпуски составлены из растений определённых регионов, о чем сообщается во вступлении к соответствующему тому, также отмечаются фамилии собирающих и обрабатывающих эксикаты.

Г.Ю. Конечная

Лит.: Коржинский, 1897; Кирпичников, 1954; Алфавитный указатель... 1986.

2–2. БОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ГЕРБАРИЯ ГЛАВНОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА РСФСР (*Notulae systematicae ex Herbario Horti botanici Petropolitani*) — сериальное издание, выходившее в 1919–1963 гг. (22 тома). Название изменялось в связи с изменением названия учреждения: с 7 т. (1937) переименован в «Ботанические материалы Гербария Ботанического института АН СССР». Редакторы издания: Б.А. Федченко (1919–1924); В.Л. Комаров (1926–1946); Б.К. Шишкин (1947–1960). Издание было создано для публикации описаний новых таксонов с целью утверждения приоритета русских ботаников. В издании также публиковались систематические работы по отдельным таксонам.

Ежегодник «Новости систематики высших растений» (см. 2–3), издаваемый с 1964 г., является продолжением «Ботанических материалов».

М.Г. Батурина

Лит.: Лебедев, Зворыкина, Кирпичников, 1962.

2–3*. НОВОСТИ СИСТЕМАТИКИ ВЫСШИХ РАСТЕНИЙ (*Novitates systematicae plantarum vascularium*) — ежегодное издание БИН АН СССР/РАН. Выходит с 1964 г. Последний 44-й том вышел в 2013 г. Является прямым продолжением выпускавшихся ранее (1919–1960) «Ботанических материалов Гербария Главного ботанического сада» (см. 2–2). Редакторы издания: И.А. Линчевский (т. 1–5); И.Т. Васильченко (т. 6–15); В.И. Грубов (т. 16–24); Т.В. Егорова (т. 25–39); Н.Н. Цвелев (с т. 40).

Публикации посвящены новому в систематике и номенклатуре таксонов высших растений, оформленных по требованиям Международного кодекса ботанической номенклатуры. В новом издании также печатаются критические обзоры, статьи по типификации растений. Были опубликованы: перечень сокращений названий важнейшей ботанической периодики (Заиконникова, 1968), русско-латинские указатели физико-географических и административно-территориальных названий СССР (Забинкова, Кирпичников, 1991, 1993), перечень латинских и латинизированных названий зарубежных городов, встречающихся на титульных листах и в текстах ботанических сочинений (Кирпичников, 1996).

И.В. Татанов

Лит.: Егорова, 1998б; Новоселова, 2000; Соколова, 2012; Татанов, 2012.

2–4. РАБОЧЕЕ СОВЕЩАНИЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФЛОРИСТИКЕ. Эта серия сборников под собственными названиями известна как «кленовый лист». Содержит публикации докладов серии рабочих совещаний (1983–2003) по сравнительной флористике (5 кн.). Материалы первого совещания (1971) не публиковались в виде сборника, а были изданы в периодике в виде статей. Обобщающая статья об этом совещании опубликована Б.А. Юрцевым (1974). Отв. ред. 2–5-го совещаний Б.А. Юрцев, 6-е опубликовано редколлегией с участием Юрцева.

Со 2-го совещания (1983) после смерти в 1979 г. А.И. Толмачева по существу являются Толмачевскими чтениями. На совещаниях обсуждались проблемы сравнительной флористики и метод «конкретных флор» (термин предложен А.И. Толмачевым в 1931 г.), конкретизировалось понятие локальной флоры, изучение ее структуры, включающей анализ географических элементов, характер эндемизма, выявление реликтов и т. д.

По материалам конференции опубликовано методическое пособие «Понятия и термины сравнительной флористики» (1991), составленное Б.А. Юрцевым и Р.В. Камелиным.

А.К. Сытин

Лит.: Юрцев, 1974; Юрцев, Камелин, 1991; Юрцев, 2004.

2–5. KOMAROVIA — англоязычный журнал, издававшийся Ботаническим институтом им. В.Л. Комарова РАН с 1999 по 2011 г. (последний выпуск номер 7 за 2011 г.). До т. 4 выходил под редакцией Д.В. Гельмана, Р.В. Камелина, А.Н. Сенникова, Н.Н. Цветева, отв. редактор т. 5–7 — Д.В. Гельман.

Публиковал оригинальные статьи и обзоры по всем аспектам морфологии, систематики, географии и номенклатуры современных сосудистых растений.

М.Г. Батурина

III. Систематика и флористика низших растений и грибов

3–1. БОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИНСТИТУТА СПОРОВЫХ РАСТЕНИЙ ГЛАВНОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА РСФСР (*Notulae systematicae ex Instituto cryptogamico Horti botanici Petropolitani*) — сериальное издание, выходившее в 1922–1963 гг. (16 т.). С вып. 8/9 т. 4 (1937) переименовано в «Ботанические материалы

отдела споровых растений Ботанического института АН СССР». Редактором т. 1–4 был А.А. Еленкин, т. 5–16 — В.П. Савич. Издание посвящено в первую очередь описанию новых таксонов низших растений и грибов. Также публиковались статьи по систематике, флористике, коллекциям.

Ежегодник «Новости систематики низших растений» (см. 3–2) является продолжением «Ботанических материалов...».

М.Г. Батурина

3–2*. **НОВОСТИ СИСТЕМАТИКИ НИЗШИХ РАСТЕНИЙ** (Novitates systematicae plantarum non vascularium) — ежегодник, издаваемый БИН АН СССР / РАН. Выходит с 1964 г. Последний 47-й т. вышел в 2013 г. Издание является прямым продолжением серии «Ботанические материалы Отдела споровых растений Ботанического института АН СССР» (см. 3–1), основанной в 1922 г. А.А. Еленкиным. Редакторы: В.П. Савич (1969–1972), И.И. Абрамов (1973–1990), Н.С. Голубкова (1992–2004), М.П. Андреев (2005–2008), с 2009 г. — А.Д. Потёмкин.

Издание посвящено различным аспектам исследования биоразнообразия, таксономии и систематики водорослей, грибов, лишайников и мохообразных.

А.Д. Потемкин

IV. Микология

4–1. **ЛИСТОК ДЛЯ БОРЬБЫ С БОЛЕЗНЯМИ И ПОВРЕЖДЕНИЯМИ КУЛЬТУРНЫХ И ДИКОРАСТУЩИХ ПОЛЕЗНЫХ РАСТЕНИЙ** — научно-популярный журнал, выходивший в 1902–1906 гг. по 12 выпусков, последний год — 6 выпусков. Основан Центральной фитопатологической станцией Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада. Редакторы: А.А. Ячевский (1–4-й год), А.А. Еленкин (5-й год).

Основной задачей журнала являлось широкое распространение знаний о простых и дешевых мерах борьбы с различными заболеваниями. Для возможно большего распространения «Листка» стоимость была назначена самая низкая, лишь для покрытия расходов на издание. К изданию привлекались безвозмездно как учёные, так и подписчики журнала для обмена опытом. Преемником «Листка» стал журнал «Болезни растений» (см. 4–2).

М.Г. Батурина

4–2. **БОЛЕЗНИ РАСТЕНИЙ** — вестник Центральной фитопатологической станции Санкт-Петербургского ботанического сада. Выходил с 1907 по 1930 г., от одного до шести выпусков в год. Редакторы А.А. Еленкин (1–8-й год), И.А. Оль (9–11-й год), А.С. Бондарцев (12–19-й год).

Журнал являлся преемником «Листка для борьбы с болезнями и повреждениями культурных и дикорастущих полезных растений» (см. 4–1). В нем публиковались научные статьи и обзоры по фитопатологии, паразитной микофлоре, биологии и систематике фитопатогенных грибов, тератологические заметки, заметки из лабораторной практики, популярные статьи, рефераты работ, библиографии, ответы на интересные вопросы, присылавшиеся на Станцию.

М.Г. Батурина

4–3. **ЗАПИСКИ СТАНЦИИ ИСПЫТАНИЯ СЕМЯН ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ БОТАНИЧЕСКОМ САДЕ** — издание, выходявшее в 1912–1931 гг. (8 т. по 3–12 выпусков в томе). В 1923 г. переименованы в «Записки по семеноведению, издаваемые отделом семеноведения Главного ботанического сада РСФСР». Редактор — Б.Л. Исаченко.

В журнале печатались статьи по различным вопросам семеноведения и карпологии культурных и сорных растений, методические работы, рефераты, хроника. В виде приложения к «Запискам» рассылались краткие «Сообщения станции», публиковавшие сведения о текущих работах станций, как русских, так и зарубежных, а также в приложениях вышли «Отчёты контрольно-семенных станций РСФСР за 1927/28, 1928/29».

М.Г. Батурина

Лит.: Липский, 1913/1915; Лебедев, 1957.

4–4*. **МИКОЛОГИЯ И ФИТОПАТОЛОГИЯ** — специализированное периодическое издание; учредитель — АН СССР / РАН. Выпускается с 1967 г. раз в два месяца. Основал журнал В.Ф. Купревич, с 1970 г. главным редактором был М.В. Горленко (МГУ), с 1989 г. — И.А. Дудка (Институт ботаники АН УССР), с 1994 г. — Н.П. Елинов (Ленинградский химико-фармацевтический институт), с 1997 г. — Ю.Т. Дьяков (МГУ), с 2011 г. — А.Е. Коваленко (БИН РАН).

В журнале публикуются научные статьи по всем разделам микологии, а именно: по филогении, систематике и флористике грибов, их морфологии и биологии, биохимии и физиологии, цитологии и генетике, экологии и фитоценологии, географии и палеонтологии. Значительное внимание уделяется паразитическим грибам. Большая часть публикаций посвящена практическим аспектам микологии — фитопатологии, изучению микозов, биологическому разрушению промышленных изделий и материалов, исследованию биологически активных веществ, а также методам культивирования низших и высших грибов. Журнал публикует статьи по методике исследований, истории микологии, о микологических коллекциях, обзоры, библиографии, дискуссии, хронике, рецензии, персоналии.

М.Г. Батурина

Лит.: Лебедев, 1967.

4–5*. **FOLIA CRYPTOGAMICA PETROPOLITANA** — периодическое серийное издание нестрогой периодичности, выходящее в виде монографий. Выпускается с 2004 г. Основал и редактировал издание И.В. Змитрович.

Название и первоначальная идея серии предполагали издание материалов по систематике, биоразнообразию и экологии грибов, водорослей лишайников и мохообразных, превышающих по объему лимиты научной статьи. Однако по настоящее время в серии опубликованы материалы, раскрывающие упомянутые аспекты лишь для группы высших грибов. В период с 2004 по 2010 г. опубликовано 5 выпусков. Наиболее цитируемым оказалось пособие по плевротоидным грибам (Змитрович и др., 2004) и монография теоретического характера по морфологии высших грибов (Змитрович, 2010).

И.В. Змитрович

4–6*. **MYCOTHECA PETROPOLITANA AB INSTITUTO BOTANICO NOMINE V.L. KOMAROVII ACADEMIAE SCIENTIARUM ROSSICAE EDITA** (series exsiccatorum) — серия эксикат грибов, издаваемая с 2005 г. Всего вышло 6 выпусков.

В серии представлены эксикаты грибов и миксомицетов различных таксономических групп, собранных в основном в России, но также в других районах мира. Этикетки на английском языке содержат информацию о субстрате или растении-хозяине, на котором был собран гриб, местонахождение с указанием географических координат местности, типа растительности, даты сбора. В первом выпуске указаны библиографические данные эксикат грибов, издававшихся в разные годы в России и странах, входивших в состав Российской Империи и СССР в XIX–XX вв. Эксикаты выпускаются по 20 образцов одного вида и рассылаются по крупным микологическим гербариям Европы и Северной Америки. В России выпуски этой серии хранятся в гербариях Биолого-почвенного института ДВО РАН и БИН РАН.

О.В. Морозова

Лит.: Морозова, Попов, 2005.

4–7*. **ПЛАНЕТА ГРИБОВ** — научно-популярный журнал Санкт-Петербургского микологического общества. Главный редактор А.Е. Коваленко. В 2012–2014 гг. вышло 5 номеров журналов. В издании отражаются самые разнообразные аспекты микологии интересны широкому кругу читателей: описание и биология съедобных и ядовитых грибов, заметки по биологии микромицетов, мифология, история микологии, использование грибов, а также хроника общества.

М.Г. Батурина

V. Геоботаника

5–1*. **ГЕОБОТАНИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ** (Geobotanical mapping) — единственное в мире специализированное ежегодное издание по картографии растительности, издаваемое БИН АН СССР / РАН с 1963 г. Ведущая роль в создании издания принадлежит лаборатории географии и картографии растительности. Основателем и идейным руководителем издания был В.Б. Сочава. Отв. редакторы в 1963–1978 гг. — В.Б. Сочава и Т.И. Исаченко, в 1979–1990 гг. — Т.И. Исаченко и С.А. Грибова, с 1991 г. — Т.К. Юрковская и С.С. Холод, в 2007 г. — Т.К. Юрковская и И.Н. Сафронова, в 2013 г. — Т.К. Юрковская, И.Н. Сафронова и С.С. Холод. С 1990 г. выходит нерегулярно. С 1993 г. ежегодник поддерживается РФФИ и СПбНЦ РАН. Последний выпуск вышел в 2013 г.

Ежегодник приобрел высокий международный авторитет. Значительное место в нем занимают публикации работ ведущих зарубежных специалистов. В ежегоднике были опубликованы работы В.Б. Сочавы и его учеников по теоретическим вопросам геоботанического картографирования. К ним относятся проблемы классификации растительности применительно к задачам картографирования, картографирование динамики растительности и пр. Многие статьи посвящены вопросам практического использования геоботанических карт и принципам их трансформации в прикладные карты, поискам путей создания карт нового типа, в первую очередь при решении экологических проблем. Это издание способствовало созданию крупных коллективных картографических произведений. В «Геоботаническом

картографировании» рецензируются карты, публикуются научно-методические работы, печатаются библиография по картографии растительности, статьи о научных симпозиумах и совещаниях.

М.Г. Батурина

Лит.: Грибова, 1974; Белов, Волкова, Снытко, 1995; Юрковская, 1999.

5–2*. **РАСТИТЕЛЬНОСТЬ РОССИИ** (Vegetation of Russia) — общероссийский геоботанический журнал. Создан в 2001 г. геоботаниками БИН РАН и кафедры геоботаники СПбГУ. За период с 2001 по 2013 г. выпущено 23 номера. Редакторы: Б.К. Ганнибал, Н.В. Матвеева, Ю.Н. Нешатаев, с № 9 (2006) — Б.К. Ганнибал, Н.В. Матвеева. Несмотря на инициативный характер, журнал пользуется поддержкой РБО и БИН РАН, а в 2007 г. был включен в список изданий, рекомендованных ВАК. Выходит 2 раза в год.

Публикуются материалы по растительности различных территорий России, обязательно сопровождаемые приложением конкретных описаний (всего со статьями журнала в научный оборот введено более 10 тыс. первичных источников фитоценологической информации), статьи по общим вопросам геоботаники, биогеографии и фитоценологии, по теории и методике исследования, результаты исследований по структуре и динамике растительности, рецензии на книги, информация о конференциях и т. д.

Б.К. Ганнибал

Лит.: Ганнибал, 2001; Миркин, Мартыненко, Ямалов, 2007; Матвеева, 2008; Миркин, Наумова, 2011; Миркин, Наумова, 2012; Таран, 2013.

VI. Палеоботаника

6–1*. **ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Н. КРИШТОФОВИЧА** проходят в БИН с 1985 г. В 2013 г. состоялись 8-е чтения. По итогам части Чтений публиковались сборники с наиболее значимыми выступлениями — это 1-е (отв. ред. А.Л. Тахтаджян), 2-е (в рамках внеочередного выпуска «Трудов Ботанического института», гл. ред. Л.Ю. Буданцев), а также 6-е и 7-е чтения (под ред. Л.Б. Головневой). Чтения с 4-го по 8-е печатали тезисы. Третьи чтения публикаций не имели.

В докладах показан вклад Африкана Николаевича Криштофовича (1885–1953) в палеофлористику и стратиграфию. В сборниках отражены статьи по палеофлористике, истории флор, структурной организации и таксономии ископаемых растений, публикуются новые таксоны.

М.Г. Батурина

6–2*. **ПАЛЕОБОТАНИКА** (Palaeobotany) — Ежегодник Ботанического института РАН, издаваемый с 2010 г. Вышло 4 тома. Отв. редактор — Л.Ю. Буданцев (т. 1), Л.Б. Головнева (т. 2–4).

Формат издания соответствует международным стандартам для палеоботанических изданий. В ежегоднике публикуются хорошо иллюстрированные работы по систематике ископаемых растений, флоростратиграфии и палеофлористике. Авторы статей — преимущественно сотрудники БИН РАН.

М.Г. Батурина

VII. Растительные ресурсы

7–1*. **РАСТИТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ** — специализированный ежеквартальный ботанический журнал, издаваемый с 1965 г. Учредитель — ОБН АН СССР / РАН. Редакторы журнала: Ал.А. Фёдоров (1965–1983), Р.В. Камелин (1983–2005), А.Л. Буданцев (с 2005).

Печатаются материалы, отражающие различные аспекты ботанического ресурсоведе-ния: оценка естественных ресурсов полезных растений, материалы по биологии, экологии, интродукции, популяционной биологии, морфологии, систематике, по компонентному составу биологически активных веществ и фармакологическому действию компонентов и отдельных фракций растений, по этноботанике. Журнал включает статьи по методике исследований, обзоры, библиографии, дискуссии, хронику, рецензии, персоналии.

М.Г. Батурина

Литература

Алфавитный указатель растений, помещенных в вып. 1–130 «Списка растений Гербария флоры СССР» // Список растений гербария флоры СССР. 1986. Т. 25. Вып. 127/130. С. 74–117.

Архарова К.Б., Лебедев Д.В. Библиографический справочник по «Ботаническому журналу», тома 41–50, 1956–1965. Л.: Наука, 1969. 132 с.

Белов А.В., Волкова В.Г., Снытко В.А. 30 выпусков «Геоботанического картографирования» // Ботанический журнал. 1995. Т. 80. № 12. С. 120–122.

Биология в Санкт-Петербурге, 1703–2008: энциклопедический словарь / Под ред. Э.И. Колчинского, А.А. Федотовой. СПб.: Нестор-История, 2011. 566 с.

Буш Н.А. К 25-летию Государственного ботанического общества и «Ботанического журнала СССР» // Ботанический журнал. 1941. Т. 26. Вып. 2/3. С. 95–96.

Виноградова К.Л. Отчет редакционной коллегии «Ботанического Журнала» за 1993–1997 годы // Ботанический журнал. 1998. Т. 83. № 11. С. 143–145.

Ганнибал Б.К. К выходу первого номера журнала // Растительность России. 2001. № 1. С. 3–5.

Грибова С.А. Актуальные проблемы картографии растительности («Геоботаническое картографирование», 1963–1972) // Ботанический журнал. 1974. Т. 59. № 7. С. 1063–1066.

Егорова Т.В. Об аккредитованном статусе Ботанического журнала // Ботанический журнал. 1998а. Т. 83, № 10. С. 1–2.

Егорова Т.В. О новом статусе издания «Новости систематики высших растений» // Новости систематики высших растений. 1998б. Т. 31. С. 5–6.

Егорова Т.В. Об отмене аккредитованного статуса Ботанического журнала // Ботанический журнал. 2000. Т. 85. № 5. С. 151–152.

Ермолаев А.И. Библиографическое описание содержания сериальных изданий сектора истории эволюционной теории и экологии // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 4. С. 67–97.

Забинкова Н.Н., Кирпичников М.Э. Русско-латинский указатель названий основных административно-территориальных единиц, прежде входивших в состав СССР // Новости систематики высших растений. 1993. Т. 29. С. 153–159.

Забинкова Н.Н., Кирпичников М.Э. Русско-латинский указатель основных физико-географических названий СССР, 1 // Новости систематики высших растений. 1991. Т. 28. С. 166–181.

Заиконникова Т.И. Перечень сокращенных названий главнейшей ботанической литературы. I. Периодика // Новости систематики высших растений. 1968. Т. 5. С. 254–282.

Змитрович И.В., Малышева В.Ф., Малышева Е.Ф., Спиринов В.А. Плевротоидные грибы Ленинградской области (с заметками о редких и интересных восточноевропейских таксонах). СПб., 2004. 122 с. (*Folia sputrogamica petropolitana*; № 1).

Змитрович И.В. Эпиморфология и тектоморфология высших грибов. СПб., 2010. 271 с. (Folia sputrogamica petropolitana; № 5).

Камелин Р.В. 80 лет Русского Ботанического общества // Ботанический журнал. 1996. Т. 81. № 12. С. 1–8.

Кирпичников М.Э. Библиографическая справка о важнейших стандартных образцах (эксикатах) флоры СССР // Ботанический журнал. 1954. Т. 39. № 4. С. 616–622.

Кирпичников М.Э. Библиографическая справка о периодических и сериальных изданиях Петербургской Академии наук // Кирпичников М.Э. Справочное пособие по систематике высших растений. СПб.: Мир и Семья–95, 1998. Вып. 3: Библиография, терминология, номенклатура. С. 67–129.

Кирпичников М.Э. О «Комаровских чтениях» // Ботанический журнал. 1969. Т. 54. № 10. С. 1606–1612.

Кирпичников М.Э. О «Комаровских чтениях» // Ботанический журнал. 1982. Т. 67. № 12. С. 1681–1686.

Кирпичников М.Э. Три четверти века на службе науке (К 75-летию «Ботанического журнала») // Ботанический журнал. 1991. Т. 76. № 12. С. 1642–1656.

Кирпичников М.Э. Алфавитный перечень латинских и латинизированных названий зарубежных городов, встречающихся на титульных листах книг, журналов и диссертаций по ботанике, а также в текстах некоторых ботанических сочинений // Новости систематики высших растений. 1996. Т. 30. С. 169–211.

Колчинский Э.И., Конашев М.Б. Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал»? // Вопросы истории естествознания и техники. 2003. № 4. С. 49–74.

[*Коржинский С.И.*] От Отделения ботаники Имп. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей // Труды Имп. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Протокол заседаний за 1896 г. 1897. Т. 27. Вып. 1. С. 150–154.

Лавренко Е.М., Юнатов А.А. Пятьдесят лет Всесоюзного ботанического общества // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 9. С. 1205–1245.

Лебедев Д.В., Липшиц С.Ю. Библиографический справочник по «Ботаническому журналу», тома 1–40, 1916–1955 гг. // Ботанический журнал. 1956. Т. 42. № 12. С. 1735–1871.

Лебедев Д.В., Липшиц С.Ю. Библиографический справочник по журналу «Советская ботаника», 1933–1947 гг. // Ботанический журнал. 1957. Т. 42. № 12. С. 1741–1865.

Лебедев Д.В., Зворыкина Н.Ф., Кирпичников М.Э. Ботанические материалы Гербария Ботанического института имени В.Л. Комарова Академии наук СССР. Указатели и библиография к томам 1–20. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 272 с.

Лебедев Д.В. Журнал советских микологов // Ботанический журнал. 1967. Т. 52. № 11. С. 1657–1658.

Лебедев Д.В. Литературно-издательская деятельность Ботанического института // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 278–296.

Липский В.И. Литературно-издательская деятельность Имп. Санкт-Петербургского ботанического сада // Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Пг., 1913–1915. Ч. 3. С. 561–582.

Липский В.И. Юбилейный том Трудов Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада. Пг., 1915. Вып. 1. 314 с.

Матвеева Н.В. Почему и зачем необходимо публиковать геоботанические описания в открытой печати // Растительность России. 2008. № 12. С. 134–138.

Миркин Б.М., Абрамова Л.М., Розенберг Г.С. Опыт наукометрического анализа состояния ботаники в СССР // Ботанический журнал. 1980. Т. 65. № 9. С. 1196–1202.

Миркин Б.М., Мартыненко В.Б., Ямалов С.М. «Растительность России» — общероссийский геоботанический журнал. № 1–7. 2001–2006 гг. // Бюллетень МОИП. Отд. биол. 2007. Т. 112. Вып. 5. С. 71–75.

Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Анализ потока синтаксономической информации в журнале «Растительность России» (2001–2010 гг.) // Миркин Б.М., Наумова Л.Г. Современное состояние основных концепций науки о растительности. Уфа: Гилем, 2012. С. 230–233.

Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Анализ потока синтаксономической информации в журнале «Растительность России» за 10 лет // Растительность России. 2011. № 19. С. 127–130.

Морозова О. В., Попов Е. С. Эскиматы грибов в истории российской и советской микологии // Грибы в природных и антропогенных экосистемах: Труды межд. конф., посвящ. 100-летию начала работы проф. А. С. Бондарцева в Ботаническом ин-те им. В. Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург, 24–28 апреля 2005 г.). СПб., 2005. Т. 2. С. 177–182.

Наумова З. В. Аннотированный библиографический справочник к «Известиям Санкт-Петербургского ботанического сада» — «Известия Ботанического сада АН СССР» (1901–1932 гг.). М.; Л., 1964. 238 с.

Новоселова М. С. Указатели к 1–30 томам (1964–1996 гг.) издания «Новости систематики высших растений» // Новости систематики высших растений. 2000. Т. 32. С. 203–298.

О неправильных позициях «Ботанического журнала» // Ботанический журнал. 1959. Т. 44. № 2. С. I–VI.

Об агробиологической науке и ложных позициях «Ботанического журнала» // Правда. 1958. № 348 (14 дек.).

Об агробиологической науке и ложных позициях «Ботанического журнала» // Ботанический журнал. 1959. Т. 44. № 1. С. 3–8.

От редакции // Труды Ботанического музея Имп. Академии наук. 1902. Вып. 1. С. I–II.

Соколова И. В. Указатель лектотипов, неотипов и эпителипов, обозначенных в статьях, опубликованных в 31–40 томах издания «Новости систематики высших растений» // Новости систематики высших растений. 2012. Т. 43. С. 213–235.

Таран Г. С. Дезинформация о потоке информации (по поводу статьи Б. М. Миркина и Л. Г. Наумовой «Анализ потока синтаксономической информации в журнале "Растительность России" за 10 лет») // Ботанический журнал. 2013. Т. 98. № 6. С. 789–796.

Татанов И. В. Указатели к 31–40 томам (1999–2009 гг.) издания «Новости систематики высших растений» // Новости систематики высших растений. 2012. Т. 43. С. 155–212.

Таштадзян А. Л. [Ботаническое общество поздравляет свой журнал с юбилеем...] // Ботанический журнал. 1991. Т. 76. № 12. С. 1641.

Федотова А. А. Российские ботанико-географы во «второй отечественной» // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Под ред. Э. И. Колчинского, Д. Байрау, Ю. А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 364–390.

Юрковская Т. К. Немного статистики: К 35-летию ежегодника «Геоботаническое картографирование» // Геоботаническое картографирование. СПб., 1999 [за 1997]. С. 66–68.

Юрцев Б. А. Дискуссия на тему: «Метод конкретных флор в сравнительной флористике» // Ботанический журнал. 1974. Т. 59. № 9. С. 1399–1407.

Юрцев Б. А. К истории «Толмачевских чтений» (1983–2003 гг.) // Развитие сравнительной флористики в России: вклад школы А. И. Толмачева: материалы VI рабоч. совещ. по сравнит. флористике. Сыктывкар, 2004. С. 3–6.

Юрцев Б. А., Камелин Р. В. Основные понятия и термины флористики. Пермь, 1991. 80 с.

Указатель заглавий журналов

(заглавие, под которым издание описано в настоящей статье, выделено полужирным шрифтом)

Delectus seminum quae Hortus botanicus Imperialis Petropolitanus pro mutual communicatione offert (1874–1916) — 1–1

Delectus seminum quae Hortus botanicus Petropolitanus [in Leningrad] pro mutual communicatione offert (1920–1932) — 1–1

Folia cryptogamica Petropolitana (2004–н/в) — 4–5.

Index seminum, quae Hortus botanicus Imperialis Petropolitanus pro mutua commutatione offert. Accedunt animadversiones botanicae nonnullae (1835–1846, 1855–1869) — 1–1.

Komarovia (1999–2011) — 2–5.

Mycotheca Petropolitana ab Instituto Botanico nomine V.L. Komarovii Academiae Scientiarum Rossicae edita (2005–н/в) — 4–6.

Semina selecta, e collectione anni ..., quae Hortus botanicus Imperialis Petropolitanus, pro mutual communicatione offert (1851–1853) — 1–1.

Болезни растений (1907–1930) — 4–2.

Ботанические материалы гербария Ботанического института Академии наук СССР = Notulae systematicae ex Herbario Instituti Botanici Academiae Scientiarum URSS (1937–1938) — 2–2.

Ботанические материалы гербария Ботанического института им. В.Л. Комарова Академии наук СССР = Notulae systematicae ex Herbario Instituti Botanici nomine V.L. Komarovii Academiae Scientiarum URSS (1940–1963) — 2–2.

Ботанические материалы гербария Главного ботанического сада РСФСР/СССР = Notulae systematicae ex Herbario Horti Botanici Petropolitani (1919–1926) — 2–2.

Ботанические материалы Института споровых растений Главного ботанического сада РСФСР = Notulae systematicae ex Instituto cryptogamico Horti botanici Petropolitani (1922–1926) — 3–1.

Ботанические материалы отдела споровых растений Ботанического института АН СССР = Notulae systematicae e sectione cryptogamica Instituti Botanici nomine V.L. Komarovii (1937–1963) — 3–1.

Ботанический журнал (1939–н/в) = Journal de botanique — 1–6.

Ботанический журнал СССР = Journal botanique de l'URSS (1931–1938) — 1–6.

Геоботаника = Geobotanica (серия 3 «Трудов БИН», 1934–1970) — 1–8–3.

Геоботаническое картографирование = Geobotanical mapping (1963–н/в) — 5–1.

Журнал Русского ботанического общества = Journal de la Société botanique de Russie (1916–1931) — 1–6.

Записки по семеноведению, издаваемые отделом семеноведения Главного ботанического сада РСФСР (1923–1932) — 4–3.

Записки Станции испытания семян при Императорском Ботаническом саду (1912–1923) — 4–3.

Известия Ботанического сада Академии наук СССР (1932) = Bulletin du Jardin botanique de l'Academie des Sciences de l'URSS (1932) — 1–4.

Известия Ботанического сада Петра Великого = Bulletin du Jardin botanique de Pierre le Grand (1911–1917) — 1–4.

Известия Главного ботанического сада РСФСР = Bulletin du Jardin principal botanique de la Republique Russe (1918–1925) — 1–4.

Известия Главного ботанического сада СССР = Bulletin du Jardin botanique principal de l'URSS (1926–930) — 1–4.

Известия Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада = Bulletin du Jardin Imp. botanique de St.-Petersbourg (1901–1913) — 1–4.

Интродукция растений и зеленое строительство = Introductio plantarum et viridariac (серия 6 «Трудов БИН», 1950–1970) — 1–8–6.

Комаровские чтения (1946–1997) — 1–9.

Листок для борьбы с болезнями и повреждениями культурных и дикорастущих полезных растений — 4–1.

Материалы к ближайшему познанию прозябаемости Российской Империи = Beiträge zur Pflanzenkunde des Russischen Reiches (1844–1859) — 1–2.

Микология и фитопатология (1967–н/в) — 4–4.

Морфология и анатомия растений (серия 7 «Трудов БИН», 1950–1962) — 1–8–7.

Новости систематики высших растений = Novitates systematicae plantarum vascularium (1964–н/в) — 2–3.

Новости систематики низших растений = Novitates systematicae plantarum non vascularium (1964–н/в) — 3–2.

Палеоботаника = Palaeobotanica (серия 8 «Трудов БИН», 1956–1967) — 1–8–8.

Палеоботаника = Palaeobotany (2010–н/в) — 6–2.

Перечень семян, предлагаемых в обмен Ботаническим садом Ботанического института Академии наук СССР (РАН) = Delectus seminum quae Hortus botanicus Instituti Botanici nom. V.L. Komarovii Academiae Scientiarum Rossicae pro mutua commutatione offert (1932–2005) — 1–1

Перечень спор и семян, предлагаемых в обмен Ботаническим садом Ботанического института Академии наук (РАН) = Index sporarum et seminum quae Hortus botanicus Instituti Botanici nom. V.L. Komarovii Academiae Scientiarum Rossicae pro mutua commutatione offert (2009–н/в) — 1–1.

Планета грибов (2012–н/в) — 4–7.

Рабочее совещание по сравнительной флористике (1983–2003) — 2–4.

Растительное сырье = Materiae rudes plantarum (серия 5 «Трудов БИН», 1938–1972) — 1–8–5.

Растительность России = Vegetation of Russia (2001–н/в) — 5–2

Растительные ресурсы (1965–н/в) — 7–1

Советская ботаника (1933–1947) — 1–7.

Список растений гербария русской флоры, издаваемого Ботаническим музеем Императорской Академией наук = Schedae ad Herbarium florae Rossicae, a Museo botanico Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae editum (1900–1922) — 2–1

Список растений гербария русской флоры, издаваемого ботаническим отделением Императорского Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей = Schedae ad Herbarium florae Rossicae, a sectione botanica Societatis Imp. Petropolitanae naturae curiosorum editum (1898) — 2–1

Список растений гербария флоры России и сопредельных государств, издаваемого Ботаническим институтом им. В.Л. Комарова Российской Академии наук = Schedae ad Herbarium florae Rossicae et civitatum collimitanearum ab Instituto Botanico Academiae Scientiarum Rossicae editum (1992–н/в) — 2–1

Список растений гербария флоры СССР, издаваемого Ботаническим институтом им. В.Л. Комарова Академии наук СССР (1932–1990) = Schedae ad Herbarium florae URSS ab Instituto botanico Academiae Scientiarum URSS editum (1932–1990) — 2–1

Споровые растения = Plantae cryptogamae (серия 2 «Трудов БИН», 1933–1959) — 1–8–2.

Труды Ботанического института АН СССР (Серия 1–8 и Новая серия) = Acta Instituti Botanici nomine V.L. Komarovii Academiae Scientiarum USSR (1933–1972, 1991–2006) — 1–8.

Труды Ботанического института АН СССР. Новая серия = Proceedings of the Komarov botanical institute of the USSR Academy of sciences (1991–2006) — 1–8–9

Труды Ботанического музея Академии наук СССР = Travaux du Musée botanique de l'Académie des sciences de l'URSS (1926–1932) — 1–5.

Труды Ботанического музея Императорской Академии Наук = Travaux du Musée botanique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg (1902–1916) — 1–5.

Труды Ботанического музея Российской академии наук = Travaux du Musée botanique de l'Académie des Sciences de Russie (1918–1920) — 1–5.

Труды Ботанического сада АН СССР = Acta Horti botanici Acad. Scient (ante Petropolitani) (1931) — 1–3

Труды Главного ботанического сада (1920–1929) = Acta Horti Petropolitani — 1–3.

Труды Императорского С.-Петербургского Ботанического сада = Acta Horti Petropolitani (1871–1920) — 1–3.

Флора и систематика высших растений = Flora et systematica plantae vasculares (серия 1 «Трудов БИН», 1933–1964) — 1–8–1.

Чтения памяти А.Н. Криштофовича (1985–н/в) — 6–1

Экспериментальная ботаника = Botanica experimentalis (серия 4 «Трудов БИН», 1934–1970) — 1–8–4.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

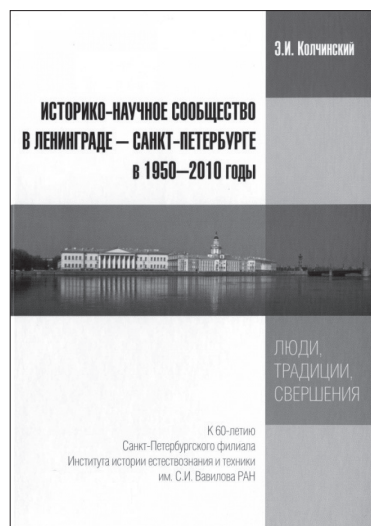
История истории: Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ отпраздновал 60-летие

Н.В. СЛЕПКОВА

Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; snv@zin.ru

В конце 2013 г. Санкт-Петербургский филиал Института естествознания и техники РАН (СПФ ИИЕТ РАН) выпустил книгу, освещающую путь этого научного учреждения за 60-летие¹. Автор Эдуард Израилевич Колчинский прослеживает этапы создания, развития и преобразований учреждения, которое он возглавляет без малого 20 последних лет. Э.И. Колчинский известен не только как автор многочисленных работ по истории науки, главным образом биологии, но и как организатор и участник масштабных проектов, таких как «Наука и кризисы», «Биология в Санкт-Петербурге» и др. В созданной им истории Филиала этот энциклопедический размах ощущается в полной мере. Первая подобная работа вышла к 50-летию Филиала², однако объём нынешнего издания возрос без малого втрое. Страница благодарностей показывает, что издание было активно поддержано сотрудниками Филиала.

В книге дан очерк истории СПФ ИИЕТ РАН, созданного в 1953 г. на базе нескольких академических учреждений историко-научного профиля. Путь Санкт-Петербургского

¹ Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде — Санкт-Петербурге в 1950—2010 годы: люди, традиции, свершения (К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН) / Ред. С.И. Зенкевич, В.Г. Смирнов. СПб.: Нестор-История, 2013. 448 с.

² Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. 1953—2003 / Отв. ред. В.М. Орел, Э.А. Тропп. СПб.: Политехника, 2003. 184 с.

филиала и историков науки отнюдь не был гладким. Сам автор находит нужным названиями глав (В круге первом, ... втором и т. д.), отсылающих нас к кругам ада «Божественной комедии» Данте, подчеркнуть, что он изобиловал трудностями и кризисами. Обозначения глав перекликаются также с названием известного романа А.И. Солженицына, связывая повествование с ассоциациями, которые порождает его творчество. История науки — сфера идеологических интересов, как и вообще любая история, подвержена влиянию, которое нередко для прошедшего столетия можно характеризовать как разгромное.

Книга распадается на две части, каждая из которых имеет свою ценность. В первой части последовательно изложена предыстория и история Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ. Предыстория отражена в двух главках: «Введение» и «Традиции и предшественники». Они охватывают период от начала 1930-х до начала 1950-х гг., от перевода в Москву и разгрома Института истории науки и техники и попыток восстановить изучение истории науки в Ленинграде, предпринимавшихся уже в 1930-е гг. Изложение истории собственно Института Эдуард Израилевич начинает с 1953 г., распределяя материал между четырьмя периодами: 1953–1966, 1967–1978, 1978–1992, 1993–2013 гг. Почти такое же, за небольшими отличиями, членение предложено и в книге, посвящённой 50-летию Филиала, вышедшей в 2003 г. (1953–1966, 1967–1977, 1978–1990, 1991–2003). К сожалению, как в первом, так и во втором случае, остаются не вполне ясными основания, на которых эти периоды выделяются.

До известной степени эти этапы соответствуют социально-политической истории страны, включающей разные периоды развития и распада социалистической системы. Так, создание ИИЕТ и период 1953–1966 гг., обозначенный как «Становление», может быть условно связан с кончиной И.В. Сталина и периодом правления Н.С. Хрущёва. Период 1967–1978 гг., обозначенный как «Экспансия и кризис», приблизительно соответствует правлению Л.И. Брежнева и приходится на эпоху так называемого «развитого социализма». Следующий период 1978–1992 гг. «Реанимация и пертурбации» приблизительно отвечает постбрежневской советской эпохе от Ю.В. Андропова до М.С. Горбачева. Период с 1993 по 2013 гг., несомненно, относится к постсоветской России, кардинально отличающейся от предыдущих по условиям развития как науки, так и истории науки. В тексте можно встретить многочисленные указания на влияние социально-политической обстановки в стране на деятельность учреждения, однако сколько-нибудь последовательно это влияние не прописано.

Периодизация, несомненно, отражает и институциональные преобразования учреждений, в которых развивалась история науки в городе на Неве. Так начало первого периода обозначено постановлением Президиума от 5 сентября 1953 г. о создании ЛО ИИЕТ, в который вошли Музей М.В. Ломоносова, Комиссия по разработке научного наследия и изданию трудов М.В. Ломоносова, Комиссия по истории Академии наук, Комиссия по истории физико-математических наук и Комиссия по разработке научного наследия и изданию трудов Д.И. Менделеева.

Второй период обозначен приходом в качестве директора Ю.С. Мелешенко в 1967 г., начавшего серьезные, в том числе структурные реформы Отделения. В результате ЛО ИИЕТ стало быстро наращивать численность, были созданы два новых сектора: сектор истории и теории эволюционного учения (заведующий К.М. Завадский) и сектор социологических проблем развития науки (заведующий С.А. Кугель). Однако

эволюция идей Мелешенко по развитию Отделения и по созданию Института социально-экономических проблем (ИСЭП) привела к тому, что часть Отделения стала работать в составе ИСЭП, часть отошла в БИН, часть осталась в качестве подразделений московского ИИЕТ, что вызвало кризис, поскольку реформы неблагоприятно сказались на развитии многих направлений исследований.

Начало третьего периода ознаменовалось воссозданием Ленинградского отдела ИИЕТ АН СССР:

«Благодаря усилиям сотрудников сектора истории и теории эволюционного учения, использовавших все свои академические связи, а также стараниям С.Р. Микулинского и поддержке Ленинградского горкома КПСС 16 января 1978 г., — пишет Колчинский, — Президиум АН СССР принял решение № 101/1575, согласно которому на этот раз предписывалось «<...> в целях улучшения организации работы Ленинградских секторов Института истории естествознания и техники» создать Ленинградский отдел ИИЕТ АН СССР» (Колчинский, 2014, с. 100).

Четвёртый период, очевидно, связан с крушением советской системы, поставившей науку в настолько отличные от предшествующих условия, что необходимость выделения его самоочевидна, несмотря на то что институциональными преобразованиями он не сопровождался.

В рамках каждого периода прослежены и чисто научные, методологические отличия и особенности. Для первого было характерно занятие когнитивной историей без социально-культурного контекста. Второй этап сопровождался усилением внимания к социологии науки и к логико-теоретическим проблемам научного и технического знания. Третий этап сопровождался поворотом от когнитивной и институциональной истории наук к рассмотрению ее социально-культурных и антропологических аспектов. Последний период характеризуется освобождением от жесткой регламентации тематики и методологии исследований.

Таким образом, каждый период подробно охарактеризован и в отношении развития научных направлений и достижений, и в отношении персоналий, описанных живо и содержательно, с упоминанием имевших место дискуссий, борьбы мнений под влиянием научных и политических разногласий. В ряде случаев дискуссии предстают перед нами как настоящий научный детектив, как это имеет место со «страстями по Ломоносову». Перед нами живая, эмоциональная история историков науки, основанная на большом количестве литературных и архивных документов, главным образом из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, а также из Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Вторая часть книги, оформленная в виде Приложений, и по объёму раза в полтора больше, чем собственно историческая, представляет для читателя меньшую ценность. По сравнению с изданием к 50-летию новое издание содержит не только список работающих сотрудников, но включает краткие биографии сотрудников филиала в 1953–2013 гг., что, собственно, делает эту часть энциклопедическим словарем, содержащим немногим менее 200 словарных статей. Этот раздел отдельно представляет работающих сотрудников и сотрудников прошлых лет, что не вынесено в оглавление и поначалу затрудняет его использование. Наличие биографического раздела, между прочим, достойное отличие обзоров истории учреждений

последних лет, демонстрирующее уважительное отношение к человеку, в отличие от «бесчеловечных» историй предыдущего периода, и отсылающее к замечательному дореволюционному изданию «Материалы для истории академических учреждений в 1889–1914»³.

Тщательно составлен библиографический указатель основных публикаций сотрудников, дающий яркую картину достижений учреждения, и позволяющий не затеряться трудам предшественников. В Приложениях охарактеризованы периодические издания филиала, среди которых журналы «Социология науки и технологий» и «Историко-биологические исследования», сборники «Ломоносов», периодическое издание тезисов международной ежегодной конференции «Наука и техника: Вопросы истории и теории», периодический сборник «Немцы в России», международный ежегодник «Проблемы деятельности учёного и научных коллективов», сборник, издаваемый совместно с РНБ «Цензура в России: История и современность».

Приложение «Конференции, симпозиумы и научные заседания, организованные Филиалом или при его активном участии в 1953–2013 гг.» представляет собой летопись научной жизни подразделения и фактически документально иллюстрирует жизнь учреждения, давая широкую картину включенности историков науки в жизнь не только научного сообщества Ленинграда–Петербурга, но и в мировое научное сообщество. Особенно ярко последнее прослеживается в постсоветский период (о чём свидетельствуют и графики на вклейке). Нет, наверное, более удачной формы, чтобы на конкретном материале продемонстрировать впечатляющую деятельность Филиала, вовлекающую столь значительное количество людей, что именной указатель разрастается до без малого 40 страниц. Завершает Приложения рассказ о деятельности Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники.

В целом книга Э.И. Колчинского с завидной для любого историка академического учреждения полнотой излагает деятельность Филиала, и представляет интерес не только для сотрудников научных организаций, интересующихся историей научных идей и ученых, но и тех, кто по долгу службы должен понимать место и роль науки в прошлом и настоящем. Автору, несомненно, удалось донести до читателя всю необходимую информацию о масштабах деятельности и значимости работ Филиала как внутри страны, так и на международной арене. Остается отметить, что книга богато иллюстрирована. Она содержит около 50 индивидуальных портретов сотрудников и около 40 групповых портретов, как цветных, так и черно-белых.

Работа Эдуарда Израилевича и помогавших ему сотрудников Филиала — не только достойный памятник 60-тилетней деятельности историков науки в городе на Неве, но и многолетней деятельности самого Колчинского, семидесятилетие которого будет отмечаться в этом году. В этой связи автор этих строк присоединяет к этой рецензии свои поздравления и искренние пожелания Эдуарду Израилевичу здоровья и успехов.

³ Императорская Академия наук 1889–1914. II. Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1. Пг., 1917. 631 с.

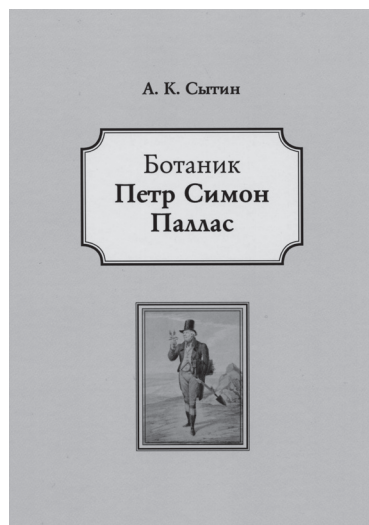
О Палласе, ботанике и не только

М.В. Винарский

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия;
radix.vinarski@gmail.com

Выход в свет второго издания книги петербургского ботаника А.К. Сытина «Ботаник Пётр Симон Паллас»¹ — событие в отечественной литературе по истории биологии. Не так часто исследовательские монографии научно-биографического жанра выпускаются у нас вторым изданием, да ещё и немалым, по нынешним временам, тиражом (1000 экз.). По сравнению с первым изданием, вышедшим в том же издательстве в 1997 г.² и давно разошедшемся, книга стала более информативной, обогатилась новыми фактами и документами, а также новым разделом «Сосудистые растения, описанные П.С. Палласом», безусловно, очень значимым для систематиков.

Ботанические исследования П.С. Палласа составляют стержень монографии, но её содержание не исчерпывается только ботаникой. А.К. Сынтин собрал немало интереснейшей биографической информации о своем герое, включая подробности его семейной жизни и быта в условиях Российской империи, отношений с властью имущими и коллегами-академиками. Досужий читатель найдет здесь увлекательный рассказ о знаменитом путешествии Палласа и его спутников «по разным провинциям Российской империи» (1768–1774), о подробностях жизни русских студентов, участвовавших в этом путешествии и их вкладе в познание природы нашей страны, о лингвистических штудиях Екатерины II, о злоключениях Джозефа Биллингса, английского моряка на русской службе, и ещё о многом другом, что прячется под скромным заглавием «Ботаник Пётр Симон Паллас». С другой стороны, книга А.К. Сытина — это не произведение научно-популярного жанра; целые страницы (к примеру, с. 122–134) порой заняты перечислением списков латинских названий растений, собранных Палласом в его странствиях, с комментариями современного учёного-ботаника об их номенклатурном статусе, экологии и распространении. Есть понятные лишь специалистам рассуждения о судьбе введённых Палласом ботанических названий, многие из которых по разным причинам признаются теперь *nomina nuda* и не используются в номенклатуре. Особенное внимание уделяется вкладу П.С. Палласа в решение проблем фитогеографии, экологии растений, а также его занятиям хозяйственным значением растений, например обустройством крымских виноградников. Большую важность, и не только для ботаников, но и для зоологов, имеет приложение I, в котором подробно, день за днём, расписан маршрут путешествия Палласа и его спутников по России с указанием посещённых

¹ *Сынтин А.К.* Ботаник Пётр Симон Паллас. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2014. 456 с.

² *Сынтин А.К.* Пётр Симон Паллас — ботаник. М.: КМК Sci. Press Ltd., 1997. 338 с.

ими населенных пунктов, рек, озёр, других объектов. Иногда такая информация бывает бесценной для определения типовых местонахождений видов организмов, описанных в отчёте Палласа об этом путешествии.

Автор публикует (в подлинниках и переводах) некоторые письма из обширной переписки Палласа с современниками, раскрывающие будни академической жизни того времени, тонкости взаимоотношений между натуралистами. Заслуживает немалого уважения последнее из цитируемых писем, написанное Палласом своему коллеге «Милостивому Государю» Петру Ивановичу Шангину, алтайскому натуралисту. Оно написано на хорошем русском языке, которым Пётр Симон (или, скорее, уже Пётр Семенович) вполне овладел к концу своего многолетнего пребывания в России.

Нелишне отметить, что книга богато иллюстрирована и изящно издана, напечатана на хорошей бумаге, её приятно держать в руках. Правда, иногда при чтении основного текста книги создается впечатление, что это — сокращенное изложение гораздо более объёмного текста, который остался в рукописи. Только так можно объяснить, что некоторые события и эпизоды жизни Палласа упоминаются как уже известные читателю, хотя в предыдущем тексте о них ничего не говорится. Например, на с. 156 читаем, что великий «Линней, не без раздражения воспринявший ранние работы непочтительного юнца и не удостоивший его переписки, нехотя признал заслуги Палласа». Но в начальных главах книги, где говорится о первых шагах Палласа в науке (в его дороссийский период) ничего не сказано о причинах этой непочтительности, и чем же именно так рассердил молодой Паллас великого шведа остается непонятным. В другом месте (с. 232) мореплаватель Биллингс именуется «отвергнутым женихом Альбертины» (дочери Палласа от первого брака), но и эта мелодраматическая история оставлена без разъяснений, хотя множество других деталей частной жизни Палласова семейства в книге представлены. Впрочем, это очевидные мелочи, которые никак не портят общего положительного впечатления от обстоятельной монографии А.К. Сытина.

Остается только пожелать, чтобы нашлись специалисты, готовые освоить не менее важную и увлекательную тему — «Зоолог П.С. Паллас». Териологические работы этого натуралиста были освещены в книге В.Е. Соколова и Я.А. Парнеса³, но тема зоологических исследований Палласа в целом далеко не так тщательно изучена, и ничего равного монографии А.К. Сытина в этой области до сих пор нет.

³ Соколов В.Е., Парнес Я.А. У истоков отечественной териологии. М.: Наука, 1993. 412 с.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Managing land, soil and people: Environmental knowledge and expertise in Tsarist and Soviet Russia (German Historical Institute in Moscow, 14–15 March, 2014)

JULIA HERZBERG

Albert Ludwig University of Freiburg, Freiburg im Breisgau, Germany;
julia.herzberg@geschichte.uni-freiburg.de

People who refer to Russia as being “backward” usually are thinking of villages and peasants, while modernization is associated primarily with urban contexts: growing cities, chimneys spewing smoke, and book loving workers. The conference “Managing land, soil, and people: Environmental knowledge and expertise in Tsarist and Soviet Russia,” called this characterization in to question with its focus on modernity in rural areas. Organized by the German Historical Institute in Moscow and the University of Tübingen’s Collaborative Research Centre (CRC) 923 “Threatened Order,” the conference’s topic offered an innovative and fruitful approach that combined examinations of the political and social transformation of agriculture with environmental history perspectives. The attempt to convert non-urban lifeworlds into an agricultural system must be interpreted as a physical and intellectual appropriation of natural spaces.

In their opening remarks, the organizers **Katja Bruisch** (Moscow) and **Klaus Gestwa** (Tübingen) outlined the goals of the conference. Bruisch emphasized the particular importance that rural regions were felt to have for the economy of the entire nation during the period between Tsarist Russia and the Soviet Union. She made clear that the scientific study of natural spaces and their inhabitants during the late Tsarist period was a reaction to crises and famines resulting from natural causes such as droughts. One of the most important goals of the conference was to show how knowledge gained by agronomists, meteorologists, and soil scientists was connected with concepts of social order. The ambitions of experts and politicians were anything but modest: they believed new agricultural methods would bring about a new, better Russia. Gestwa argued for the relevance of an environmental history perspective. In our present era of climate change, knowledge about natural spaces and processes such as erosion, sand storms, and droughts, is more important than ever. An important goal of the conference was to show how the efforts to gain knowledge about a threatening and threatened environment was a strategy to deal with natural, economic, and political challenges in Tsarist Russia and Soviet Union.

In his keynote talk, **Frank Uekötter** (Birmingham) outlined important characteristics of the Green Revolution and its global dimensions. He argued that the Green Revolution was connected with the hope that it would be possible to avoid famines through new crop varieties, planting monocultures, and other measures. This new agriculture, subject to the demands of rationalization, had wide-reaching effects on the environment and social order. Following his talk, a lively debate arose about the degree to which the Soviet Union took part in the Green Revolution. While Stephen Brain and Klaus Gestwa cited international cooperation and the transfer of knowledge that continued even during the Cold War, the historian Stephan Merl argued that the Green Revolution never happened in the Soviet Union: after collectivization the harvests were meagre, famines were a taboo topic, and agricultural experts had no influence outside of scientific institutions.

The first panel confirmed the importance of these agricultural experts, looking at conceptions of resource management in expert circles. The paper by **Olga Elina** (Moscow) on agricultural societies and *zemstvos* demonstrated the importance of local and non-government initiatives for the development of agricultural knowledge. These institutions successfully incorporated local knowledge into their recommendations for the new agricultural system and integrated the peasant community into their work. **Julia Lajus** (St. Petersburg) supported the view expressed by the organizers that catastrophes encourage scientists to concern themselves with the problem of resources. After a heavy storm destroyed countless boats and deprived many fishermen on the coast of Archangelsk of their livelihoods, commissions were created to improve the living conditions of the fishermen. Lajus showed how experts used the newly awoken interest in fishing to help establish oceanography as a research field. However, as zoologists such as Nikolai Knipovich focused on fish as resources, the fishermen and their problems were pushed more and more into the background.

The second panel focused on notation systems such as statistics as a way of understanding the world, appropriating space, describing the social order, and indeed creating it through the act of description. **Ian Campbell** (Davis) dedicated his presentation to the Kazakh steppes and the Tsarist government's efforts to achieve a "mathematically perfect agricultural colonization." He discussed various attempts during the late Tsarist period to determine the land needs of the Kazakh nomads, and hence the possible number of Russian colonists the land could support. **David W. Darrow** (Dayton) also turned his attention to statistics, specifically land norms after 1917. He showed that the dispute about norms was connected with the hope of solving pressing agricultural needs and bringing about social stability. **Sarah Cameron** (Maryland) returned to the subject of Kazakhstan. She showed how the Soviet attempt to develop the Kazakh steppe challenged the nomadic way of life. Cameron pointed to the difficulties that party functionaries, ethnographers, and statisticians had when trying to fit the nomads into the class system outlined by Marx and Engels. By the late 1920s they had decided that it was not possible to "reach socialism on the back of a camel."

The presenters in the third panel, which was dedicated to the scientific response to natural threats, also placed the interaction between society and experts in the forefront of their discussion. **Anastasia Fedotova** (St. Petersburg) investigated the reception and impact of the 1880 entomological congress in Odessa, which can be seen as a response to increasing plagues of insects and poor harvests in the 1870s. Fedotova showed how insect plagues not only became a scientific fact, but also were increasingly perceived as a threat that required action from the local and national government. **Lutz Häfner** (Göttingen) pursued the topic of environmental consciousness in the late Tsarist period. Although awareness of the environment had grown among agricultural experts as a result of increasing erosion, the Russian farmers in the newly colonized territories on the other

Fig. 1. Frank Uekötter, Katja Bruisch, Klaus Gestwa. Hereafter photo by Olga Matveeva

side of the Urals refused to follow the advice of the experts. As a result, so Häfner's controversial thesis, they did not manage to adapt to the new environmental conditions. How nature conservation eventually did become a topic discussed outside of expert circles was shown by **Laurent Coumel** (Paris) in his paper on how freshwater was managed as a resource during the thaw period under Khrushchev. He showed that it was primarily the intelligentsia who advocated for the protection of Lake Seliger and the Oka River, citing the cultural and aesthetic value of these waters. The discursive strategies which they used are evidence, Coumel suggested, that ideas circulating in the United States and Western Europe in the 1960s – namely that natural spaces should be protected as part of the world's cultural heritage – had also reached the Soviet Union.

The fourth panel turned to the subject of appropriating nature on the periphery of Russia. **Christian Teichmann** (Berlin) analyzed the lives of engineers who worked on the irrigation system of Turkestan between 1900 and 1950. He examined how engineers integrated their knowledge about the environment in their projects, including their responses to political upheavals and government requirements. The sense of living in uncertain times influenced their decisions, his discussion showed. **Marc Elie** (Paris) reached similar conclusions in his paper about agricultural experts who supervised the virgin land campaign in the Kazakh steppes. He showed that the implementation of this plan was shaped above all by local conditions, for example, regional weather patterns and what agricultural machinery was available. Scientific trends, ideological considerations, and conflicts between followers and opponents of Trofim Lysenko were only of secondary importance, Elie argued. **Valentina Roxo** (Munich), who spoke about the development of the oil industry in western Siberia in the

Fig. 2. David D. Darrow, Olga Elina

1960s and after, also focused on the opposition between periphery and center, and with it the gap between expectations and reality. She showed how experts, when confronted with the challenges of local conditions, turned to the environmental knowledge of the population of the region. Knowledge gained in this matter, Roxo argued, collided with the directives from Moscow. The center was not prepared to accept the actors in western Siberia as equals or to take into account their store of knowledge when making political decisions, which ultimately had a significant ecological price.

The fifth panel considered the question of what communication strategies were used to spread and legitimize environmental and expert knowledge and to translate it into action. Erosion, desertification, and sand storms threatened agriculture in the south of Tsarist Russia, as **Stephen Brain** (Mississippi) showed in his presentation. Experts primarily blamed deforestation for these developments, although Brain emphasized that this conclusion says more about the Russian attitude towards forests than about the nature of the steppes, which had been grassland for hundreds of years. The government did not take direct action against these problems, but searched for someone to do it for them. The Cossack army was put in charge of the afforestation campaign intended to prevent desertification, while the Russian railroad was to present a traveling exhibit in its train carriages that would educate visitors about better agricultural methods and instill them with a love of nature. The Russian railroad hoped that richer harvests would result in more use of their services. This “outsourcing” had negative long-term effects, Brain argued. Nature conservation was linked with making a profit, and thus it could not gain a foot-

Fig. 3. Julia Obertreis, Stephen Brain

hold in public consciousness. How knowledge about far-distant regions and their environment was transmitted through exhibitions was the focus of the paper by **Alexander Ananyev** (Moscow). Ananyev interpreted the widely attended 1930s exhibitions on the Arctic in Moscow's Gorki Park and the grounds of the All-Union Agricultural Exhibition as an attempt to promote the government's successes while diverting attention from its mistakes and promises that had not been kept. **Julia Obertreis** (Erlangen) coined the term "infrastructural poetry" for her discussion of the rhetorical strategies with which experts attempted to legitimize irrigation projects in Central Asia. The irrigation engineers drew upon deeply embedded cultural imagery that connected irrigation with the transformation of deserts into flourishing landscapes. These rhetorical figures, Obertreis claimed, were used by experts regardless of their ethnic background: both Russians and the newly educated specialists from Central Asia used these metaphors of fertility, which allowed them to write themselves into the new state and its civilizing mission in the form of infrastructure projects.

In the closing discussion, a central topic was what transformations took place from the Tsarist through the Soviet period. This was also connected with the question of whether and to what degree the developments in Tsarist Russia and the Soviet Union were different from those in Western Europe and the United States. Although the Soviet Union was determined to incorporate far distant regions into their state, it ultimately did not success in overcoming the gap between city and countryside and between experts and the general population. Along these lines, **Stephan Merl** (Bielefeld) argued that, while a fruitful exchange of knowledge between society and scientific

experts had developed in the late Tsarist period, this channel of communication dried up in the Soviet Union. The agricultural knowledge taught at the Soviet universities was quite advanced, but it was never successfully implemented, for the farmers had good reasons to be skeptical of the revitalization attempts. The increasing estrangement between city and countryside was exacerbated by the Soviet command economy. It discouraged the farmers from taking responsibility for their land and environment – this resulted in reduced productivity of the agricultural sector compared with other countries, even though workers were brought in on a massive scale.

The conference showed that rural environments in Tsarist Russia and the Soviet Union were a topic that was closely connected with ideas about order and goals for the future. Experts acquired knowledge and worked to incorporate and transform rural regions, in order to fulfill not only agricultural visions, but social visions and utopias as well. Furthermore, many of the papers made clear that famines and natural catastrophes often triggered social and scientific change. The discussions showed that connecting social history, the history of science, and environmental history could be an extremely fruitful mode of investigation.

Секция «История социокультурных проблем науки и техники» XX Годи́чной конференции ИИЕТ РАН (Москва)

Р.А. ФАНДО

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия;
fando@mail.ru

17–21 февраля 2014 г. в Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова прошла юбилейная XX Годи́чная конференция ИИЕТ РАН, в рамках которой было организовано два пленарных заседания и шестнадцать тематических секций.

Истории социокультурных проблем развития естествознания была посвящена секция, организованная д-ром биол. наук, проф. Е.Б. Музруковой 17 февраля 2014 г. Вопросы, поставленные выступающими на данном заседании, были интересны различным специалистам, так как касались влияния общественно-политической среды на прошлое, настоящее и будущее науки. Директор ИИЕТ РАН, член-корр. РАН Ю.М. Бату́рин, принявший активное участие в работе секции, подчеркнул, что изменения в жизни общества и государства с неизбежностью приводят к новым формам существования науки как социального института, в связи с этим, по его мнению, представляется актуальным изучение социокультурных аспектов, являющихся важным фактором развития научного знания, смены различных исследовательских направлений, появления новых форм организации научно-исследовательской работы.

В своём докладе Е.Б. Музрукова осветила основные этапы становления биохимической цитологии в 20–30-е гг. XX столетия. Основой для развития этого направления послужили успехи цитохимии, и прежде всего цитохимии нуклеиновых кислот. Именно цитохимия нуклеиновых кислот дала возможность приблизиться к современному уровню понимания строения и функционирования клетки. Изучение распределения РНК в разных тканях, проведённое в начале 1940-х гг. Ж. Браше и Т. Касперсоном,

показало, что РНК локализована в нуклеоплазме и цитоплазме растительных и животных клеток. Связь РНК с процессами биосинтеза белка была найдена намного позднее, причём цитологи признали её раньше биохимиков. Одними из первых, стоявших у истоков современных представлений о роли цитоплазматической РНК в жизнедеятельности клетки, были работы Б.В. Кедровского. Новизна результатов, полученных автором, и их трактовка опережали уровень современных ему воззрений. Учёные того времени не готовы были оценить по достоинству работы Кедровского, о которых научный мир вспомнил только спустя годы.

Т.А. Курсанова подытожила результаты многолетнего исследования научно-организационной деятельности известного учёного и организатора генетико-селекционной работы в СССР, академика АН УССР А.А. Сапегина. На материале архивных документов, впервые введённых в научный оборот, был проанализирован сложный путь становления учёного, глубоко преданного своей родине и своему народу. Важную роль в жизни Сапегина сыграл Н.И. Вавилов, оказавший помощь будущему академику в организации селекционной работы на территории Украины. Позднее оба академика пострадали от нападков Т.Д. Лысенко и его свиты. Однако, в отличие от Вавилова, Сапегина не стали уничтожать физически, он умер в 1946 г., так и не дожив до страшного разгрома генетики в 1948 г.

Доклад Р.А. Фандо затронул проблему формирования стереотипов об учёных и их научных достижениях средствами карикатуры. Тенденции развития «научной карикатуры» в советский период были прослежены по страницам юмористических журналов, таких как «Крокодил». Если в 1920-е гг. рисунки, высмеивающие «негативные» аспекты деятельности ученых, были лишь единичными примерами на страницах сатирических изданий, то к началу 1930-х гг. число их значительно увеличилось и достигло своего апогея в 1948 г., когда состоялась печально известная сессия ВАСХНИЛ. К середине XX столетия дискуссии на биологическом фронте стали приобретать в большей степени не научный, а идеологический статус, все больше проникая в общественную и политическую сферы. Автор отметил, что представленные карикатуры обладают несомненной ценностью в качестве исторического источника, так как изучение рисунков, высмеивающих различные стороны деятельности ученых, помогает проследить многие аспекты социокультурного составляющего науки своего времени и взглянуть на хрестоматийных героев несколько с другой стороны.

А.С. Седов в своем выступлении рассказал о выдающемся учёном, сочетавшем в себе гений естествоиспытателя и талант художника, Л.И. Корочкине. Кратко были рассмотрены некоторые важнейшие исследования Корочкина, сделанные на классическом объекте генетики — дрозофиле, дана комплексная оценка этих работ и определены перспективы их внедрения в медицинскую практику.

О.П. Белозеров сообщил новые биографические сведения о М.М. Завадовском — одном из ведущих отечественных биологов первой половины XX в. В жизни Завадовского, как отметил О.П., «были две лакуны», закрыть которые стало возможным благодаря находке новых документов в архивах Санкт-Петербурга. Первая «лакуна» касалась родословной учёного, вторая — времени, проведённого им в Санкт-Петербурге в 1908–1909 гг. Новые подробности о дворянстве Завадовских были найдены в фонде Герольдии в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), а реконструировать студенческие годы ученого в Санкт-Петербургском политехническом институте помогли материалы из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Исторический путь, который прошла регенеративная биология, был выстроен в сообщении М.А. Помеловой. Поистине драма идей и людей происходила от первых работ по изучению морфогенеза до ультрасовременных методов получения плюрипотентных стволовых клеток из дифференцированных клеток. Среди значимых открытий в области регенеративной биологии и медицины были проанализированы работы Г. Шпемана, Г.В. Лопашова, Д.П. Филатова, А.А. Максимова, А.Я. Фриденштейна, Д. Гердона, С. Яманаки.

Большой интерес вызвало выступление А.Н. Родного «Учёный между лабораторией и кафедрой: рефлексия выбора (историко-научный подход)» как с позиции постановки и решения данной проблемы, так и с позиции исследования социально-психологических аспектов деятельности ученого в социуме. Удивительно, что эта тематика практически не поднималась в историко-научной и науковедческой литературе, хотя исторический и особенно биографический материал для её изучения имеется довольно значительный. Автор выступления предположил, что использование рефлексии ученых по этим проблемам является адекватным при условии конкретизации её социального, институционального, когнитивного и психологического контекста, а одним из методов изучения этого вопроса может быть исследование латентной рефлексии («поведенческой рефлексии»).

На конкретных исторических примерах А.Н. Родной приходит к выводу, что каждому этапу развития социума соответствуют свои оптимальные научно-образовательные структуры. Рассматривая период с конца XVIII в., когда естественнаучные кафедры и лаборатории стали постоянным атрибутом научно-педагогической деятельности, до настоящего времени, А.Н. выделил следующие «оптимальные» *научно-образовательные структуры*, имеющие ярко выраженную национальную окраску:

- «французская» с конца XVIII в.;
- «немецкая» со второй четверти XIX в.;
- «американская» со второй половины XX в.

По мнению автора доклада, уже с конца прошлого века наметились тенденции развития новой научно-образовательной структуры, которую можно назвать «международной» или «сетевой». Во-первых, создаются научные и образовательные сети вне традиционных институтов науки и образования. Во-вторых, развиваются международные институты науки и образования. В-третьих, увеличивается институциональная мобильность учёных. И наконец, в-четвёртых, происходит, возможно, временная дифференциация педагогической и научной деятельности.

Достаточно неоднозначно было воспринято сообщение Л.В. Чесновой о создании кибернетического подхода в эволюционной биологии И.И. Шмальгаузенем. Изучая фундаментальные работы учёного, Чеснова отметила, что он сконцентрировал свое внимание на существовании «регулирующих механизмов» индивидуального развития и функционировании «регуляторных механизмов» эволюционного процесса. Шмальгаузен считал, что усложнение регуляторных механизмов эволюционного процесса обуславливалось самой кинетикой естественного отбора. Подобные размышления, подкреплённые большим фактическим материалом, способствовали разработке Шмальгаузенем кибернетической модели эволюции. Об этом свидетельствуют 12 статей по биокибернетике, написанные учёным в 1958–1961 гг. На этой стезе творчества учёный смог изложить сущность кибернетики как «современного учения о регулирующих устройствах», которое охватывало, в том числе, и системы живых организмов.

Подводя итоги работы секции, приглашённые гости отметили важность изучения механизмов взаимодействия науки с различными социальными системами, так как деятельность научных коллективов и отдельных учёных может быть понята лишь в предметно-практических и коммуникативных аспектах.

Хочется надеяться, что опубликованные тезисы докладов секции «История социокультурных проблем науки и техники» будут интересны учёным различных специальностей и всем тем, кто интересуется историей науки⁴. А проблемы, обсуждаемые авторами докладов, найдут своё дальнейшее продолжение, так как сегодня любому мыслящему человеку небезынтересно понять роль социокультурных установок в формировании современной научной картины мира.

⁴Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция (2014). М.: ЛЕНАНД, 2014. 704 с.

К ЮБИЛЕЮ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В этом году Эдуард Израилевич Колчинский, главный редактор нашего журнала и директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, в стенах которого ведёт свою работу редакционная коллегия, отметит замечательный юбилей — 70 лет, большую часть которых он отдал истории науки, истории биологии и филиалу.

Коллеги и друзья Эдуарда Израилевича не могли оставить это замечательное событие без внимания, и совершенно логичным представилось, что поздравления Э.И. Колчинскому необходимо поместить на страницах журнала, главным редактором и идейным вдохновителем которого он является.

Поздравления расположены отнюдь не в порядке значимости поздравителя или его близости к юбиляру. Все те, кто с теплом откликнулся на сообщение о грядущих юбилейных торжествах (вернее, все, кто успел сделать это до сдачи номера в издательство), в равной степени важны и значимы. Все они в течение многих лет знают Эдуарда Израилевича, со многими, да пожалуй что со всеми, связано научное сотрудничество, благодаря которому удалось в кратчайшие сроки после тяжёлого времени застоя и чехарды, последовавших за пертурбациями в российской политической жизни начала 1990-х гг., вывести филиал на передовые позиции истории науки на постсоветском пространстве. Э.И. Колчинский всегда настаивал на том, что международные контакты чрезвычайно важны для историка науки, в особенности для молодых сотрудников Филиала, многие из которых являются учениками юбиляра и которые смогли включиться в международные сети во многом благодаря налаженным личным контактам Эдуарда Израилевича и его значимости в профессиональном сообществе.

Итак, ниже мы публикуем поздравления, обращённые лично к Эдуарду Израилевичу, письма от его коллег: Чжан Байчуна, директора Института истории естествознания Академии наук КНР, Лю Дуна, профессора Института истории естествознания Академии наук КНР, Эберхарда Кноблоха, профессора Берлинского Технологического университета, Манфреда Хайнеманна, директора Центра изучения истории науки и образования при Институте истории естествознания в Ганновере, Элинор Шаффер, ведущего сотрудника Института современных языковых исследований в Лондоне, а также В.П. Леонова, директора Библиотеки Академии наук.

Затем мы предлагаем вниманию читателей ряд заметок, посвящённых творческому и научному пути нашего главного редактора в соприкосновении с его зарубежными коллегами: Дугласом Вайнером, профессором факультета истории Университета Аризоны, Жан-Клодом Дюпоном, профессором факультета философии Университета Пикарди им. Жюль Верна, Александром Петровичем, профессором Белградского университета и президентом Сербского общества истории науки, Виландом Хинцше, профессором

Университета Халле, О.Я. Пилипчуком, руководителем Центра по истории науки и техники им. А.П. Бородина в Киеве и Уве Хоссфельдом, профессором Йенского университета им. Фридриха Шиллера.

В заключение раздела мы помещаем статью наших московских коллег Е.Б. Музруковой и Р.А. Фандо, которых с Э.И. связывают многолетние сотрудничество и взаимное уважение.

*От имени редколлегии
Н.Е. Берегой*

Dear Professor Dr. Kolchinsky Eduard,

I have heard that it's about to your 70th birthday. As both your friend and your collaborator, I would like, on behalf of the Institute for the History of Natural Sciences, Chinese Academy of Sciences (IHNS/CAS) and myself, to give you my best wishes and extend to you my gracious appreciation to all of your brilliant achievements you have received!

Biology is one of the disciplines developing in a tremendous speed since the past few decades, so is the history of biology. There are an increasing number of scholars dedicating to the modern history of biology research, in which the contributions to the development of biology made by Russian scholars, as well as from Russian Academy of Sciences (RAS), of course, could not be neglected. Being the world-renowned historian of biology, you, highly respected by the peers, have made significant contributions to this research field and published numerous influential articles and monographs since the past few decades.

The RAS (as well as the Academy of Sciences of the USSR) had played and will continue playing an important role in the development of modern science and technology. It provides us a typical case for the institutional history research with its own extraordinary history. Your decades' dedication to the research of history of Academy of Sciences and the history of Russian science have received significant results, which gives the international scientific community and scholars an increasingly deep understanding towards RAS as well as Russian science.

Based on the research institutes such as the Academia Sinica, the Chinese Academy of Sciences (CAS) was founded in the 1949 by the P. R. China government. Since then, the Academy of Sciences of the USSR and RAS had already become the important partner of the CAS. The founders of the IHNS/CAS had visited and launched academic exchanges with the Institute for the History of Science and Technology (IHST), RAS since 1950s. In the recent twenty years, historians of science and technology from both Institutes carried on exchanges and cooperation actively. Today, under your initiative, IHST and IHNS have co-organized conferences or workshops, co-researched on the history of Academy of Sciences, and co-published academic papers and books in Russian and in English, which have made great contributions to the international academic community.

I believe that, under your leadership, St.-Petersburg Branch of Institute for the History of Science and Technology will greet a more brighter future. Also, under your support, both of our Institutes will continue launching a variety of cooperation and receiving wonderful outcomes.

I am looking forward to seeing you and your colleagues again. Welcome to the IHNS at any time!

Sincerely yours,
ZHANG Baichun
Institute for the History of Natural Sciences
Chinese Academy of Sciences

Eduard, my dear friend,

As your 70th birthday is just around the corner, I am delighted to write this letter to join your family and colleagues to offer my heartiest congratulations and best wishes for many happy returns of the day.

In the past decade, I have witnessed your great enthusiasm and contribution to our common enterprise — the research on the history of science and technology. I trust you are enjoying the academic life in good health and cheerful atmosphere, and believe this discipline in your country will continue to be flourished in the future under your excellent guidance.

All my best wishes,

Liu Dun
Professor Emeritus and Former Director
Institute of History of Natural Science,
Chinese Academy of Sciences
Former President
International Union of History and
Philosophy of Science and Technology

Dear Eduard,

It is a great pleasure and honour for me to send you this letter of congratulation on the occasion of your seventieth birthday. It gives me the opportunity to write about the way we made the acquaintance of each other and how we became friends many years ago.

In 1984 I came as a guest professor to your Institute for the History of Science and Technology in St. Petersburg for the first time in order to study Leonhard Euler's manuscripts, especially his mathematical notebooks. I cannot remember whether we met on this occasion. The Russian colleagues who looked after me were the highly esteemed Mrs. Kopelevich and Mrs. Oshigova.

This situation changed when I came back on July 4, 1998 in order to speak with you in your capacity as director of this institute about a possible cooperation between some of your co-workers and the Berlin-Brandenburg Academy of Sciences, the former Prussian Academy of Sciences, represented by me as its ordinary member in order to publish Leibniz's scientific, medical, and technical writings. From the very beginning you friendly supported this project. Soon after my visit to St. Petersburg you came to Berlin, thanks to the DAMU (German Association of Friends of the Lomonosov University), where I heard your lecture.

On November 20, 1998 president Osipov of the Russian Academy of Sciences and president Simon of the Berlin-Brandenburg Academy of Sciences signed the official contract of cooperation between our two academies in Moscow. The German Research Association (Deutsche Forschungsgemeinschaft) granted the necessary financial means in order to buy a computer equipment for the Russian co-worker, to pay an honorarium, and to make travels to Berlin possible.

According to your proposal Alena Kuznetsova began her fruitful work for the Leibniz edition on June 1, 2000 supported by the latinist Ekaterina Basargina. From now on I came several times to your institute in order to meet you and your co-workers. I had the privilege to work in the impressing library of your institute. Once you came to Berlin where I could explain you the ongoing work and the images of the Leibnizian manuscripts that are freely available on the internet: <http://ritter.bbaw.de>

Unfortunately Alena Kuzenetsova died on September 25, 2005 so that she did not see the publication of the first volume of Leibniz's scientific, medical and technical writings that appeared in 2009: Her name is mentioned among those of the editors of this volume.

Yet, we remained in contact and met many times on various occasions, especially during the International Congresses of the History of Science in Beijing, Budapest, and Manchester last year. On December 7, 2012 you had been elected Corresponding Member of the International Academy of the History of Science, that is, during my presidency. Your membership diploma is signed by me. What a wonderful coincidence! Hence you participated in the General Assembly of the members of this International Academy. In my capacity as its president I was invited to participate in the celebrations of the 80th anniversary of the Institute of the History of Sciences and Technology of the Russian Academy of Sciences your institute belong to. Hence we met in Moscow at the end of February 2012 where I spoke about the International Academy and especially emphasized that Russian written papers are accepted for publication in its journal *Archives Internationales d'Histoire des Sciences*. In the meantime Dimitri Bayuk's Russian translation of Robert Halleux's short description of the history and tasks of this International Academy has appeared in the *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* 3 (2013), 171–173.

I am confident that we will continue our fruitful cooperation in the future being happy about our friendship since many years. You are a magnificent scholar, fine colleague, and good friend. Happy birthday to you!

Sincerely yours,
Eberhard Knobloch
Fakultät I - Geisteswissenschaften
Institut für Philosophie, Literatur-,
Wissenschafts- und Technikgeschichte
Technische Universität Berlin

For Eduard Kolchinsky

It is a pleasure to send my warm congratulations to you, my valued colleague on your birthday. You have contributed greatly and indispensably to our four volumes on 'The Reception of Charles Darwin in Europe' (London and New York: Continuum 2008, Bloomsbury 2014), both through your personal presence and papers at our colloquia at Christ's Cambridge (Darwin's College) in the Darwin Bicentenary Year 2009 and at Clare Hall Cambridge in 2010 and in your substantial and enlightening chapters in the books.

Your generous hospitality and that of his Institute at St Petersburg, when I gave a paper at the conference on 'Charles Darwin and Modern Biology' at the St Petersburg Academy of Sciences in 2009, is also warmly remembered. We look forward to continuing fruitful collaboration and friendship with you Eduard, and wish you many happy returns.

Elinor Shaffer
Fellow of the British Academy
Senior Research Fellow,
Institute of Modern Languages Research
School of Advanced Study
University of London;
Director, Research Project and Series Editor:
The Reception of British and Irish Authors in Europe

Leibniz
Universität Hannover

Leibniz Universität Hannover • Philosophische Fakultät / ZZBW •
Schlosswender Str. 1 • D-30159 Hannover

Prof. Dr. Eduard Izrailevich Kolchinsky
Universitetskaya nab, 5

St. Petersburg 199034

Philosophische
Fakultät

ZZBW

Institut für
Erziehungswissenschaft:

Zentrum für Zeitgeschichte
von Bildung und Wissen-
schaft

Prof.

Dr. Manfred Heinemann

Tel + 49(0)511.762-9412/13

Fax + 49(0)511.762-9418

E-Mail: m.heinemann@
zzbw.uni-hannover.de

www.zzbw.uni-hannover.de
30.05.2014

Unser Az.:

K-Ru

(bitte bei Antwort angeben)

Ihre Nachricht vom:

Ihr Zeichen:

My dear colleague Eduard,

many years have passed and our cooperation always have been fruitful. It begun with an invitation to my conferences about the Sovietization of Science in the oldest German Academy of Science, the "Leopoldina" in Halle, which after unification of both Germany's became our national Academy. We continued our joint work from very different positions and specialization with many discussions at my institute at Hannover Leibniz University and we will wait upon you in the coming months to serve you as the leading Russian historian of Biology and a very open minded friend even in slightly darker periods of German-Russian scientific cooperation. We are friends by heart and we will keep this treasure as long a possible.

I am wishing my friend beyond the years of 70 many grants of honors and further on prosperous years in his family with healthiness and luck.

With my very best wishes for your future I remain
yours

Manfred Heinemann

neu ab 01.03.2010:
Dienstgebäude IV/301
Bismarckstr. 2
D-30453 Hannover

Bankverbindung
Nord/LB Hannover
BLZ 250 500 00
Kto 106 030 190
zugunsten Projektnummer:

StNr. Inl.: 2520226433
UST ID: DE 811 245 527

Дорогой Эдуард Израилевич!

От имени коллектива Библиотеки Российской академии наук и от себя лично сердечно поздравляю Вас со знаменательной датой — 70-летием со дня рождения! Выражаю Вам свое искреннее уважение и признательность за самоотверженный труд на благо российской науки.

Дорогой Эдуард Израилевич! Вы выдающийся учёный, доктор философских наук, специалист в области истории отечественной науки, истории Академии наук, теории и философии эволюционной биологии и экологии. Вызывает глубокое уважение Ваш весомый вклад в развитие мировой культуры и её роль в социальном контексте XX века.

Круг Ваших научных интересов уже многие десятилетия связан с изучением проблем эволюции биосферы; особенностями эволюционного процесса в современных условиях; историей взаимодействия философии и биологии в СССР; развитием эволюционной теории в России и Германии; разработкой научного наследия В.И. Вернадского, Д.Н. Соболева, О. Шиндевольфа.

Основная проблематика Вашей научной деятельности — изучение истории Российской Академии наук. Вы явились одним из инициаторов создания многотомного издания «Летопись РАН» (1724–1934).

В подготовленной под Вашим руководством коллективной монографии «Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках» (СПб., 2003) дан объективный анализ научного вклада академического сообщества Санкт-Петербурга в развитие России.

Мировую известность получили Ваши монографии «Эволюция эволюций» (СПб., 1977), «Эволюция биосферы» (СПб., 1990), «В поисках советского “союза” философии и биологии. Дискуссии и репрессии конца 1920-х — начала 1930-х гг.» (СПб., 1999).

Одна из многих замечательных граней Вашего таланта — педагогическая деятельность. Вы воспитали целую плеяду молодых учёных — будущую гордость российской науки. Ваши прекрасные лекции и доклады на научных конгрессах и конференциях знают и помнят учёные университетов Германии, США, Англии и Китая, студенты и преподаватели высших учебных заведений Санкт-Петербурга и многих городов России. И по сей день Вы выполняете большую работу по координации историко-научных исследований: являетесь членом секции эволюционной биологии научного совета РАН и входите в состав Санкт-Петербургской комиссии РАН по разработке научного наследия В.И. Вернадского.

Научные результаты Вашей плодотворной деятельности получили заслуженную оценку у правительства Российской Федерации, среди которых награды, грамоты и благодарности Президиума РАН и СПб НЦ РАН, медали К.М. Бэра и В.И. Вернадского.

Эдуард Израилевич, Вы замечательный образец творческого долголетия и неиссякаемой энергии.

Желаю Вам дальнейших творческих успехов, удачи, крепкого здоровья и новых свершений!

Искренне Ваш,
директор БАН
В.П. Леонов

Remarks on the 70th Birthday of Eduard Izrailevich Kolchinskii

It is a singular pleasure to add my congratulations on the occasion of the seventieth birthday of my friend Eduard Izrailevich Kolchinskii, the heart, head and soul of the St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

There are so many notable contributions and attainments in Professor Kolchinskii's life in science thus far that it would take far more space than allotted to list them, let alone discuss them

in the depth that they deserve. It seems, though, that they might be grouped into the following categories: contributions to the history of biology in Russia and generally; his centrality in the leadership of the history of science in Russia; his inestimable contributions to international collaboration in the field of the history of science; and his personal, human generosity and friendship.

Eduard Izrailevich's contributions to the history of biology themselves are not for the intellectually timid or ill-equipped. His work "V poiskakh sovetskogo 'soiza' filosofii i biologii" (*In Search of the Soviet 'Union' of Philosophy and Biology*) explores the range of ways in which distinctively Soviet interpretations of Marxist philosophical principles affected and constrained the development of biological theory, particularly within genetics and developmental biology. Deeper still, and much underestimated, is his "Evoliutsiia biosfery" (*Evolution of the Biosphere*), inspired by and moving beyond an earlier work he co-authored with his mentor, Kirill Mikhailovich Zavadskii. Here he explores not only the history of the idea of the biosphere, but a history of the biosphere itself, attempting to show how feedback mechanisms changed the very contexts in which further evolution took place. This is a work that deserves to be periodically re-read.

As director of the Saint Petersburg branch of the Institute of the History of Science and Technology, Eduard Izrailevich was central to nurturing and sustaining a cohort of historians of science who themselves have made great contributions. However, we in the United States and abroad know him as a key Russian anchor, especially from the time of M.S. Gorbachev's *glasnost'* to recent years, who worked together with my mentor Loren Graham to support and participate in a series of remarkable Soviet-American conferences and workshops in the history of science. I look back on those times as the best in my life.

From personal experience I know that the institute was an unvaryingly welcoming place for me and for a host of other foreign researchers, thanks to the leadership of Eduard Izrailevich. Among the fruits of the collaboration he promoted were a number of edited volumes on German-Russian scientific relations and some particularly notable international anthologies on Soviet science — "Na perelome" (*At the time of the great break*) and "Za 'zhelezom zanavesom'" (*Behind the Iron Curtain*).

Finally, on a personal note, Eduard Izrailevich Kolchinskii has been central among the scholars who have served as an inspiration for me, along with Loren Graham. His encouragement, kindness, enthusiasm, hospitality and high standards have been the right mix of nourishment for me and I'm sure, countless visiting scholars. From the depths of my heart, I wish Eduard Izrailevich a wonderful birthday and many many more!

Douglas R. Weiner
Professor of History
University of Arizona

Memories from France

Until 2009, I knew Professor Kolchinsky through its intense research activity and the many books he had on the history of German - Russian scientific relations. His work made with the Germans in this area and their international influences were impressive. Hence, it seemed quite natural to turn to him when we should deal with the history of Franco - Russian scientific relations. It is well known that there are long special relationships between our two countries in both cultural and scientific fields. However, joint historical studies on this issue carried out by researchers of the two countries remained rare. Furthermore, I hoped for a long time, one way or another, to express in my own research in history of science my secret admiration for Russian culture.

When Jean-Gaël Barbara and I expressed our project to Professor Kolchinsky during a visit to St. Petersburg, he immediately approved it with enthusiasm. Thus, a successful international collaboration could engage from 2009, in a spirit of friendship. Professor Kolchinsky share with us the vast experience he has in the history of international scientific relations, within the research program of the Research Group International EFRENIC (Epistemology and History of Franco-Russian Exchanges in Neurophysiology in the International Context, XIX–XX centuries), led by the French CNRS. We owe him and his team the extension of our theme, hitherto restricted to neurophysiology, toward the natural history and the evolution. It was due to his valuable scientific network that it was possible to examine the various aspects of Franco-Russian relations in the entire biological sciences. Several scientific meetings including French and Russian scientists were held at the College de France in Paris (2010) and at the St. Petersburg Academy of Sciences (2011 and 2012), in a very friendly spirit. This work resulted in several books, one published by the Russian publisher Nestor Historia (2012), the other will be soon by the French publisher Hermann.

Each time, Eduard showed warmth and kindness. He worked diligently to facilitate the sessions and the contacts with researchers in Vavilov Institute of the History of Science and Technology. The particularly fraternal welcome by colleagues of St. Petersburg will remain forever in our memories. It is clear that the work would not have been possible without you, Eduard: I am infinitely grateful for that.

This is why, dear Eduard, I wish the extension of our fruitful cooperation. Thank you once again for all your help. Now, on this happy occasion of your 70th birthday, I am very pleased to offer you most cordial and sincere good wishes, in my own name and in the name of all the French colleagues.

Jean-Claude Dupont
University Professor
Department of Philosophy
University of Picardie Jules Verne

Our cooperation with Eduard I. Kolchinsky

Working at the University of Leipzig (Germany) I began in 1990 a research-project about the life and work of the naturalist Georg Wilhelm Steller (1709–1746). One reason for this project was that Steller was a student in my hometown Halle and a teacher at the Francke Foundation there from where he went to Russia in 1734 probably with the goal to participate in the 2nd Kamchatka-expedition which was already under way since 1733. By hearsay I found out that the access to Russian archives, where materials about Steller are preserved, was much easier for foreigners than before. With the help of some friends in Moscow I decided to go to Saint Petersburg in 1991 to look for myself although I didn't know anyone there.

The first scientist I met there was Eduard I. Kolchinsky. As a historian of biology he was interested in the works of Steller too. He introduced me to several colleagues of his institute, to the representatives of the Archives of the Academy of Sciences and other institutions and asked them to give me help in our research-project. He organized a plenary meeting at the Institute of History of Sciences and Technology in which I in a lecture could outline our planned project which was generally welcomed but not without some sceptical questions. This was the beginning of a fruitful cooperation in which I did work more than 10 years twice or thrice a year for several weeks in Russian archives in Saint Petersburg, Moscow and other places in Russia. Through funding by the DAAD (German Academic Exchange Service) I had the possibility to invite some Russian colleagues to Germany. The first whom I could welcome in Leipzig and Halle was Eduard I. Kolchinsky. During his stay here we had a lot of discussions of our joint project. He got the possibility to use

our archives and libraries for his special interest in the history of evolution-research and met with colleagues who had similar interests. With his help I could develop a broad research-network with many Russian collaborators including younger ones.

A highlight in the Russian-German scientific cooperation was a big exhibition in 1996 commemorating the life and work of Georg Wilhelm Steller and the participants of the 2nd Kamchatka expedition which was organized at the Francke-Foundation in Halle. A decisive role in this exhibition did play the late Prof. Paul Raabe, then director of the Francke-Foundation, and of course, the cooperation of archives and museums from Russia, Denmark and Germany. The first International Steller-Conference in the same year in Halle with more than 100 participants working in the fields of history, geography, geology, botany, zoology and ethnology of Siberia and Russia gave new insights of the importance of the historic research relating to the achievements of the participants of the 2nd Kamchatka-Expedition. In preparation of these events we began in 1994 with the organization of workshops in Halle with ca. 15 participants from Russia and other countries in which many aspects of the Russian-German scientific cooperation especially in the 18th century were discussed. These yearly workshops became later the name "German-Russian meetings" and were continued for 20 years until this year. Since the foundation of the International Georg-Wilhelm-Steller-Society in 2007 this society took an active role in organizing those workshops. In contrast to the usual scientific conferences apart from papers presented the programs included meetings of the participants with German colleagues and friends in a familiar atmosphere and an excursion to places of historical meaning for Russian-German relations.

Funded partially by grants from the DFG (German Research Community) our research project could be continued for several years. One of the results was the publication series "Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven" (Sources of the history of Siberia and Alaska from Russian archives) by the Francke-Foundation and the Archives of the Russian Academy of Sciences Saint Petersburg (in cooperation with colleagues from Denmark) in which until now 5 volumes in Russian and 7 volumes in German were published with documents and manuscripts mainly from the 2nd Kamchatka expedition.

Although all these results could only achieved by the joint efforts of many persons not mentioned here we are very thankful for the outstanding contribution of Eduard I. Kolchinsky by giving valuable advice and his participation in our projects. For this the Steller-Society elected him already three years ago as an honorary member of the society. We want to congratulate him to his 70th birthday with the hope that our friendship and cooperation will continue for many years into the future.

Prof. Wieland Hintzsche
Martin-Luther-Universität
Halle-Wittenberg

Талант, обрамлённый судьбой

Широкой и научной общественности в Украине и за рубежом хорошо известно имя Эдуарда Израилевича Колчинского — известного современного биолога-эволюциониста, философа, историка науки, критика, публициста, педагога и общественного деятеля.

Пятьдесят лет творческого труда — с горячим сердцем, с полной отдачей себя научному и общественному долгу, всегда на переднем крае больших событий в жизни, незаменимый в кругу друзей — таков Эдуард Израилевич, как считают его украинские коллеги, глубокий мыслитель и щедрый душой человек.

Перелистываешь страницы десятков книг, более 600 научных статей, обзоров, очерков, рецензий, эссе и воспоминаний, публицистических сочинений, переводов научных трудов, учебных пособий – удивляешься неутомимой энергии творческого духа Эдуарда Израилевича, его придирчивой любознательности и одержимости исследователя, умению разнообразно и объективно разобраться в сложных сегодняшних и прошлых проблемах общественно-политической, культурно-образовательной жизни, философии и истории естествознания.

Главное, что характеризует его творческое наследие — это научная добросовестность, новизна материала, эрудиция и, несомненно, дарование исследователя. По другому не назовешь это характерное для творческого почерка Эдуарда Израилевича совершенное знание истории исследуемых проблем и историко-научного процесса в целом, объединение теоретической глубины анализа и принципиальной оценки историко-научных и философских явлений с умением до совершенства войти, «вжиться» в мир естественнонаучных образов, тонко воспринять (и помочь воспринять читателю) их своеобразность и неповторимость.

И еще на одну черту хочу обратить внимание – на большую человеческую доброту, чуткость, интеллигентность, чистоту в человеческих отношениях и отсутствие в отношениях с другими самой малейшей позы. Он как-то незаметно умеет поддержать, подбодрить, поделиться своими знаниями и опытом.

Для меня, как и моих коллег, историков науки с Украины, в трудах Эдуарда Израилевича зафиксирован богатейший опыт историко-научной, публицистической, учебной и вообще культурно-образовательной деятельности. Это является неоценимым достижением, что не может быть надлежащим образом не использовано молодыми учёными и аспирантами. Для них – это открытая творческая мастерская умудрённого жизнью автора, школа собирателя нового и аналитика достигнутого, образец настойчивости и трудолюбия, без чего не мыслится настоящий специалист, философ и историк науки.

Сегодня Эдуард Израилевич Колчинский — учёный, педагог, по-прежнему творческий человек — в разгаре творческих сил и энергии. Он и далее — руководитель Института, он за трибуной лектора, за рабочим столом, ведь новые научные проблемы стучат в окошко его кабинета. Итак, пусть осуществляются планы и замыслы неутомимого Искателя, Исследователя, Гражданина!

С 70-летием Вас, дорогой Эдуард Израилевич!

О.Я. Пилипчук,
руководитель Центра исследований
по истории науки и техники
им. А.П. Бородина Государственного
экономико-технологического университета
транспорта (Киев),
доктор биологических наук, профессор

Profound search of symmetry in the past and present

I would run into Professor Eduard Kolchinsky from time to time at international conferences devoted to the history of science. It was not hard to notice his striking appearance, especially because he was always surrounded by a number of associates with whom he would speak animatedly. Later, when I met him in person – I believe it was in Beijing in 2005, at the International Congress for the History of Science – I saw that his spirit was equally distinctive, and that it was a true pleasure talking with him. He is one of those scientists whose experience goes beyond the usual academic divisions, and he is just as willing to talk about the history of science

as he is about its future. Our brief conversations were so important to me that I looked on the internet to discover what our esteemed colleague had written and spoken about. I found what I expected – a range of topics about different aspects of science and science policy which showed to me how privileged I was to have been given the opportunity to personally hear about them from Professor Kolchinsky.

During these conversations, especially at the Euler's memorial conference in St. Petersburg, where I had been invited by Professor Kolchinsky in 2007, the idea to design a joint research project was spontaneously conceived. The very idea was recognition not only for me, but for the Serbian history of science. The Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences is an unattainable ideal for all historians of science in Serbia. In conversation, we quickly realized what the project needed to be based on – scientific and educational ties between Serbia and Russia. There are multiple works that deal with the political and cultural relations between Serbia and Russia, but no one had explored the ties in education and science. In order to prepare this work, we invited Professor Kolchinsky in 2007 to the University of Kragujevac to hold a lecture on the history of science and science policy. His lecture, delivered to a packed auditorium, was a great success, not only because we were given a broader and more unique perspective on things, but also because such a profound understanding was coming from the East, not the West, of whose colonial policy travesties Serbs have tired. Subsequently, a lecture was held in Belgrade at the Kolarac Foundation. Prof. Kolchinsky gave several interviews where he charmed as an interlocutor not only of great erudition, but also as someone capable of charming a TV audience.

Very soon after that, in 2008, Professor Kolchinsky organized a meeting at the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg regarding Russian-Serbian relations in the field of science and education from the 19th to the first half of the 20th century, which was attended by researchers from Russia and Serbia. His institute next year promptly published *Proceedings – Российско-сербские связи в области науки и образования XIX – первая половина XX в.* It was a great success, especially as we were the first to broach the topic. But Professor Kolchinsky did not stop there. He suggested that we should publish *Proceedings* not only in Russian (we did in 2009), but also, more extensive, in English, what we really did in 2010 – under the title *The Cycles of Distant Accord: Towards an Anthropology of Russian – Serbian Relations*. It became the first publication on Russian-Serbian relations published in English. It clearly shows the symmetry of Russian and Serbian culture, similar to hermetic accord of micro and macro worlds. Everything that has happened to Russia, from ancient times to the present day, first happened in Serbia. Whoever is aware of this will be at a great advantage. Thanks to the cooperation with Prof. Kolchinsky, we have given a modest contribution from which the seeds can generate a large plant. Without Professor Kolchinsky, his good will and profound insights, all of that would not be possible.

Wishing to set the symbolic milestone of his contribution and our collaboration, we were proud to elect him an honorary member of the Serbian Society for the History of Science. This is the most we are able to give in the modest circumstances in which we find ourselves, but it is the least he deserves because he has opened a new chapter in Serbian-Russian cultural relations, which will become even more meaningful as time progresses. I am really gladsome that I have opportunity to know him and to assist him in one of his achievements. And I do hope from this past future will come out.

Aleksandar Petrovic
Professor, University of Belgrade
President of the Serbian Society for the History of Science
Secretary of the Board for the Climate Dynamics
and work of Milutin Milankovic of the Serbian Academy of Science and Arts

Professor Eduard Kolchinsky with the Rector (far right), Vice-Rector (far left) and Professor Aleksandar Petrovic (left) in the Rector's office of the University of Kragujevac, Serbia, 2008

Zubr of the History of Biology in Russia to Eduard I. Kolchinsky on his 70th Birthday

I am deeply grateful to Eduard *Israilewitsch* with whom I have corresponded since 1997. We first met during a conference of the *Deutsche Gesellschaft für Geschichte und Theorie der Biologie (DGGTB)* in Tübingen. Some months earlier, I had finished my PhD thesis on Gerhard Heberer (1901–1973) and in Tübingen we discussed some historical problems in the development of the Synthetic Theory of Evolution (STE), one of Eduard's special topics. Later we organized an annual meeting in his office in St. Petersburg, *universitetskaja nab. 5*. Our first co-authored paper was published in 2000 on the STE (Hoßfeld et al., 2000), and the latest collaborative work with Eduard was our multi-author book *Evoluzionnyj Sintez: granizy, perspektivy, alternativy* (Levit et al., 2013). During this time I had the opportunity to publish (together with other German colleagues) different papers in his series, such as *Na perelomje: Otechestvennaya nauka v pervoi polovine XX veka, Russko-nemeckije svjazi v biologii i medicine I–IV* or *Evolucionnaja biologija*. Our last common publication dated from his famous monograph on *Создатели современного эволюционного синтеза. коллективная монография* (Kolchinsky, Hoßfeld, 2012).

Eduard has always been eager to discuss scientific problems with anybody, whether an experienced colleague or a hesitant graduate student. He also answers enquiries without delay and promptly reviews manuscripts in detail for friends, students and journal editors and supports young colleagues in Russia, Germany etc.

During a conference at the Humboldt university in Berlin (1999)

During a meeting in 2000 at Akademia nauk, Universitetskaja nab. 5

His contributions will continue to spawn discussions among biologists, historians and philosophers of biology worldwide (Kolchinsky 2006a, 2006b). I have called him, in the tradition of Nikolaj V. Timofeff-Ressovsky, the “Zubr” of the History of Biology tradition in Russia (Granin, 1988).

All the best to you Eduard on your birthday. I'd like to take this opportunity to wish you the best of luck, health and joy because you deserve it. May all of your dreams come true, and please stay the way you are because you are greatly appreciated.

Prof. Dr. Uwe Hoßfeld

Arbeitsgruppe Biologiedidaktik

Biologisch-Pharmazeutische Fakultät

Friedrich-Schiller-Universität Jena

Referenses

Granin D. Sie nannten ihn Ur. Roman eines Lebens. Berlin, 1988.

Hoßfeld U. Gerhard Heberer (1901–1973) – Sein Beitrag zur Biologie im 20. Jahrhundert. Berlin, 1997.

Хоссфельд У., Юнкер Т., Колчинский Э.И. Протагонисты и главные научные труды по эволюционному синтезу в немецко-язычном пространстве // ВИЕТ. 2000. № 1. С. 69–95.

Колчинский Э.И. Биология Германии и России–СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор-История, 2006а. 638 с.

Колчинский Э.И. Эрнст Майр и современный эволюционный синтез. М.: КМК Scientific Press, 2006b. 160 с.

Колчинский Э.И., Хоссфельд У. Герхард Геберер и эволюционный синтез в немецком языковом пространстве // Создатели современного эволюционного синтеза / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 465–501.

Левит Г.С., Колчинский Э.И., Кучера У., Хоссфельд У., Олсон Л. (ред.). Эволюционный синтез: границы, перспективы, альтернативы. СПб.: Роза ветров, 2013. 274 с.

Celebrating the Birthday of our Editor-in-Chief

ON BEHALF OF THE EDITORIAL BOARD

Eduard I. Kolchinsky, Editor-in-Chief of the *Studies in the History of Biology* and director of the St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, will celebrate a remarkable 70 years, most of them devoted to the history of science and history of biology and our Institute. Colleagues and friends of Eduard Kolchinsky would not want to miss this event. Letters and congratulations received by the Editorial Staff will be published in the pages of our Journal, a project that has been guided and inspired by our hero of the hour.

Keywords: Eduard I. Kolchinsky, anniversary, 70 years, editor-in-chief, history of science

Разнообразие интеллектуального пространства (к юбилею Э.И. Колчинского)

Е.Б. Музрукова, Р.А. Фандо

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия;
muzrukova@mail.ru, fando@mail.ru

Дана характеристика научной и организационной деятельности выдающегося отечественного историка науки Э.И. Колчинского. Проанализированы его личностные и профессиональные качества, позволившие ему разработать целостную научную программу и создать неформальный исследовательский коллектив историков биологии. Отмечено, что благодаря работам Э.И. Колчинского и его школы были решены многие задачи философии и методологии науки, реконструированы основные этапы развития эволюционного учения в России и за рубежом, выявлены социальные факторы, оказавшие влияние на становление различных биологических дисциплин.

Ключевые слова: история науки, проблемы социологии науки, научная школа, психология творчества, ИИЕТ РАН им. С.И. Вавилова.

Солнечный луч не был бы виден без пыли,
которую он освещает.

Японская пословица

Эдуард Израилевич Колчинский — личность уникальная. Будучи внешне строгим и непримиримым, он на самом деле является человеком добрым и отзывчивым. И это не «лжесвидетельство» (заимствуем слово из названия его воспоминаний) (Колчинский, 2014), это правда. На профессиональном поприще мы пересекались с ним неоднократно, видели его в разных ситуациях и всегда, несмотря даже на разногласия и споры, внутренне понимали: он — хороший человек. Это особенно чувствуешь, когда читаешь его воспоминания (2014). Сколько в них теплоты и благодарности по отношению к родителям, жене, детям и внукам. Не каждый мужчина хранит подобную теплоту в своем сердце.

Эдуард Израилевич любит не только родных и близких, он искренне любит своих сотрудников, коллег из других городов и стран. Несмотря на глубокую погруженность в работу и любовь к научному исследованию, он далеко не отшельник и не кабинетный учёный, предпочитающий тишину и уединение. Эдуард Израилевич в неформальной обстановке предстает перед нами эмоциональным и общительным человеком, поражающим своим интеллектом и эрудицией, неким харизматичным лидером, способным объединить вокруг себя учёных разных статусов и разных идеологий.

Выступления Э.И. на заседаниях диссертационного совета по истории науки, членом которого он является достаточно долгое время, всегда яркие, бескомпромиссные, иногда идущие вразрез с принятыми устоями и мнениями. Он всегда говорит правду в лицо, какой бы жесткой и горькой она ни была, критикует дилетантов, невзирая на лица и кажущуюся несвоевременность ситуации, называет вещи своими именами, совсем не думая о последствиях.

«Вообще в вопросах защиты диссертаций я со временем занял непримиримую позицию по отношению к разного рода проходимцам. Не всегда мне удавалось убедить членов Советов отклонить диссертации, не соответствовавшие высоким стандартам, но я выступал открыто и находил поддержку тех, кто не желал мириться с разного рода административным соображениями. Вместе с Е.Б. Музруковой нам удалось отбить притязание одного из подобных претендентов на получение степени доктора биологических наук, несмотря на звонки из Государственной думы, Президиума РАН и даже бывшего генерал-полковника ФСБ. Так что противостоять липовым диссертациям не только нужно, но и можно. Было бы только желание и воля» (Колчинский, 2014, с. 261).

Чем-то он напоминает нам Л.Я. Бляхера, который при всей своей сдержанности, мог так вспылить и накричать на проходимцев, которые часто заходили в биологический сектор, что те убегали, а не просто уходили. Ещё одной их общей чертой была преданность дарвинизму. Как писал Э.И. в статье, посвящённой 100-летию юбилею Л.Я.:

«Защищая дарвинизм, Бляхер думал и действовал, как типичный представитель советского биологического сообщества <...> Он верил, что основные проблемы движущих сил и закономерностей органической эволюции были решены Дарвином, и осторожно относился к попыткам дополнить учение о естественном отборе» (2000, с. 63).

Колчинский отметил в этой же статье, что Бляхер всегда был открыт к диалогу и готов принять новую для него точку зрения, если аргументация в её пользу лежала в сфере науки.

Многое в характере у Э.И. идёт от внутреннего свободомыслия, а также воспитано жизнью и привито учителями. В Ленинградском университете он встретил К.М. Завадского, который привлёк его громадной эрудицией и оригинальностью мышления, честностью и открытостью, уважением к чужому мнению и индивидуальным подходом к своим ученикам.

«Многим из них, — вспоминал впоследствии Э.И. Колчинский, — он со временем стал близким и верным другом, а к другим относился буквально с отеческой любовью. Но это всегда был строгий “отец”, приучавший к тяжёлой, изнурительной работе, готовый дать “взбучку” нерадивым, высмеять поверхностное, слабо аргументированное суждение, осечь зазнавшегося» (2013б, с. 193).

Интерес к изучению проблем эволюции и философским аспектам биологии Э.И., несомненно, передался от его учителя К.М. Завадского. Э.И. Колчинский, будучи по образованию философом, прекрасно освоил биологию как научную дисциплину и ставил её на первое место в своих ранних и последующих исследованиях. Биология была чрезвычайно важной в то время (1970–1980-е гг.), так как тот культурный резонанс, который она давала сначала благодаря дарвинизму, а потом генетике, привлёк всеобщее внимание к феномену жизни. Диалектическая философия, мучительно преодолевавшая к тому времени односторонность и ограниченность своей методологической ориентации, остро нуждалась в новых ключевых понятиях. Поэтому восприимчивость философской мысли к биологии вовсе не была случайной. В Москве философию биологии успешно пропагандировала Р.С. Карпинская со своими сотрудниками, а Э.И. Колчинский, будучи человеком энергичным, разносторонним и контактным, пошёл несколько другим путем.

Став директором Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН в 1995 г., Э.И. Колчинский понял: чтобы настроить коллектив на выполнение крупных проектов, значимость которых была бы ясна всем, а именно власти и интеллектуальным кругам, надо заняться социальной историей науки. Возникновение и утверждение социальной истории науки позволило преодолеть ограничение истории науки лишь когнитивной историей, найти конкретные исторические механизмы связи когнитивной стороны с социальными малыми группами, раскрыть связь между интенциями исследователей и формированием исследовательской программы в группе и научной школе. Обращение к социальной стороне истории науки позволило описать многообразие исследовательских групп в истории науки, показать сложность взаимодействия между группами власти и группами учёных, проследить проникновение властных отношений в саму исследовательскую группу, выявить механизмы и каналы достижения консенсуса в группе учёных и т. д. Иными словами, социальная история науки, будучи применением методов и понятий социологии к реальной истории науки, смогла найти новые области исследования, по-новому сформулировать ряд уже анализировавшихся проблемных ситуаций в истории науки (Огурцов, 1999).

Социальная история науки стремится показать и установить корреляцию между различными событиями — собственно научной инновацией и философией соответствующего периода, между наукой и искусством своего времени, то есть наука находится во внутренней среде культуры своего времени. Э.И. Колчинский сумел поставить перед социальной историей науки ряд новых задач, которые пришлось решать силами своего коллектива, а также привлекать к работе ведущих отечественных и зарубежных специалистов. Правильное понимание тенденций развития науки и общества, умение быть организующим стержнем, активное социальное партнерство в кругу не только ученых, но и политиков, общественных деятелей, чиновников различного статуса позволило в своё время Санкт-Петербургскому филиалу ИИЕТ РАН найти свою «экологическую нишу» и занять ведущие позиции в своей научной области. Как отмечает сам Э.И., благодаря переориентации исследований своих сотрудников в сторону социокультурной составляющей науки:

«в целом удалось не только выжить, но существенно укрепить научно-исследовательский потенциал филиала. Это стало возможным благодаря целому ряду обстоятельств, к которому, в первую очередь, следует отнести кадровый состав ЛО ИИЕТ» (2014, с. 271).

Попробуем выделить основные проблемы, которые были подняты Э.И. Колчинским при изучении социальной истории науки и нашли отражение в его трудах.

1. Наука и власть

Одной из центральных тем многих работ Э.И. является отношение науки и власти, науки и государства. Большое значение для разработки данной проблемы имело рассекречивание в конце 1980-х — начале 1990-х гг. ранее недоступных архивов из спецхранов. Впервые в научный оборот Э.И. ввёл новые архивные материалы, позволяющие понять, как происходили процессы идеологизации и политизации многих отраслей знания. Советское государство с самого начала поддерживало науку, исходя из того,

что без нее невозможно решение важных социальных проблем. Вместе с тем руководство большевистской партии и государства полагало, что идейной основой именно советской науки может быть только марксистское мировоззрение, и эта задача считалась приоритетной. Однако решалась она не только идейными, но и политическими средствами. Как показал в своих исследованиях Э.И. Колчинский, государственная машина, в том числе ее административно-бюрократический и репрессивный аппарат устанавливали жесткий политический и идеологический контроль в сфере науки (Колчинский, 1997, 1999; Колчинский, Орлов, 1990).

В 1997 году под редакцией Э.И. Колчинского выходит сборник «На переломе: советская биология в 20–30-х годах», в котором были собраны статьи отечественных и зарубежных историков науки, посвященные борьбе идей в науке в условиях административной системы управления наукой и сталинских репрессий. Благодаря умению рассмотреть проблему в различных ракурсах и способности воспринимать неоднозначные точки зрения Э.И. в своих коллективных сборниках собирал авторов с различными идеологическими позициями: либеральными, антисоветскими, нейтральными, демократическими и консервативными. Всё это стимулировало многообразие подходов к выбору тем, подаче материала, оценке событий и сделало коллективные монографии, подготовленные Э.И. Колчинским, яркими и разноголосыми, что позволяет читателю в разном свете и цвете взглянуть на историю советского периода отечественной науки.

2. Научный дискурс и его особенности

Как известно, наука — явление сложное и противоречивое, о чём свидетельствует вся история её существования и история её изучения. Одним из важных компонентов развития науки является научный дискурс. Этот термин достаточно многогранен, так, у М. Фуко дискурс — это совокупность всего высказанного, у немецкого философа Ю. Хабермаса — особый идеальный вид коммуникации, который своей целью видит критическое обсуждение и обоснование взглядов участников коммуникации. В любом случае, дискурс представляет собой некое взаимодействие и возникает как стечение целого ряда обстоятельств — это, например:

«коммуникативные намерения автора, взаимодействие автора и адресатов, всевозможные значимые и случайные обстоятельства, общие идеологические черты и стилистический климат эпохи, конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщение прямо или косвенно адресовано...» (Режабек, Филатова, 2010, с. 242).

Единая тема научного дискурса в работах Э.И. Колчинского обеспечивает наиболее правдивую реконструкцию историко-научных событий, понимание причинно-следственных связей развития науки и научного сообщества, смену научных парадигм и мировоззренческих концепций. Э.И. на большом фактическом материале показал, что отечественное естествознание еще с далеких петровских времен и до настоящего времени было полем идейных битв, сопровождавшихся бурными дискуссиями, взаимными обвинениями и организационными выводами. Все это оказало сильное влияние на становление различных биологических дисциплин и сообщества учёных естествоиспытателей.

Идеи, предложенные Э.И. Колчинским, определили иное отношение к традиционному восприятию исторических процессов. Он продемонстрировал нам, что понять феномен науки можно лишь в результате сближения естественнонаучного и гуманитарного знаний, полемики различных идей и взглядов. Сближающим моментом у Колчинского является культура, поскольку наука во все времена развивалась в культурной среде и была социально детерминирована.

Одну из основных задач своей научной работы Э.И. Колчинский увидел в выработке нового подхода к изучению истории биологии (в противовес существующим фрагментарным концепциям), основанного на принципах методологического плюрализма. Он впитал дух демократизма в научной среде и проповедует его в своей интеллектуальной и организационной работе:

«Академическая среда всегда отличалась высокой степенью демократизма: в ней звания, степени, должности, происхождение, а тем более состояние практически не играли никакой роли в профессиональном общении. Ещё будучи младшим научным сотрудником, я, как и многие мои коллеги, на равных общался и дискутировал с признанными в мире учёными, занимавшими высокие должности в академической иерархии» (Колчинский, 2014, с. 284).

3. Достижение консенсуса и трактовка истины

Научные группы объединяет не только приверженность канонам методологических процедур, но и приверженность относительно системы убеждений, усваиваемых членами коллектива и реализующихся в их деятельности. Талант Э.И. заключается ещё и в том, что он умеет различные концепции привести к общему знаменателю, обозначить единый содержательный центр, достичь консенсуса взглядов и гипотез. На первый план в своих работах и публикациях своих учеников он выводит объективное рассмотрение исторических фактов с привлечением максимального числа источников, что способствует наиболее правдивой интерпретации событий истории науки.

Сегодня одно и то же произведение учёного может быть прочитано и оценено совершенно по-разному, появляются противоположные смыслы у одного текста. Колчинский Э.И., прежде чем сделать какой-то вывод из работы учёного, привлекает огромный арсенал исторических, социальных и психологических знаний. И этот подход дает свои положительные результаты. Перед нами предстает не обезличенное знание, а идея, обрамлённая множеством оттенков и нюансов человеческого состояния. Даже образ учёного в работах Э.И. мыслится иначе: нам предлагается взглянуть на «творца науки» с глубоким погружением в его внутренний мир, оценкой его нравственных принципов и подробным рассмотрением его поступков в различные этапы жизни.

Описание интересных биографических фактов и психологического состояния героев привлекает множество заинтересованных читателей к прочтению историко-научных работ Колчинского Э.И., которые ведут нас вглубь душевной жизни учёных, заставляют эмоционально реагировать на сокровенные импульсы их внутренних переживаний. Получается, что произведения Э.И. не упрощают описываемые явления, а значительно их обогащают. В результате чего мир науки становится разнообразнее, богаче цветами, звуками, интонациями, тонами и полутонами, чем любой, даже самый совершенный научный текст.

4. Исследование идеалов и норм научного сообщества

В социологии науки исследование идеалов и норм научного сообщества связано с именем Р. Мертона, выдвинувшего понятие «этоса науки». В микроанализе научной деятельности уже не безличные нормы и идеалы науки становятся объектом исследования, а те нормы и идеалы, которые стали компонентами сознания ученых, их поведения, их интенций, ожиданий и притязаний. Каждая из исследовательских групп обладает своим набором интенций и ориентаций.

Надо отметить, что уже с конца 1980-х годов сотрудники ЛО ИИЕТ вместе с московскими коллегами участвовали в создании двух выпусков сборников «Репрессированная наука» (1991, 1994), подготовленных под руководством М.Г. Ярошевского, который организовал в Москве группу устной истории, также внесшую свой вклад в создание этих замечательных монографий.

Очень скоро были опубликованы монографии Э.И. Колчинского (1999, 2007), наиболее часто цитируемые и ставшие широко известными. Как справедливо отмечают Юревич и Цапенко, одна из главных демаркационных линий в современном российском научном сообществе пролегает между «местниками» и «космополитами». Первые живут в пределах своих институтов и редко проникают во внешнюю научную среду, вторые обитают за пределами *alma mater*. Причём ориентация на эмиграцию может быть чисто внутренней.

Э.И. Колчинскому удалось создать успешный исследовательский центр, стать лидером этого центра, работы которого широко известны и у нас в стране, и за рубежом. Об этом он прекрасно рассказал в своей статье «История биологии в Санкт-Петербурге: истоки, традиции и новации (2013а).

Огромная заслуга Э.И. состоит в том, что он смог сплотить вокруг своей активной научной и организационной работы коллектив единомышленников, организовать неформальное объединение петербургских историков науки, создать настоящую научную школу и стать на долгие годы во главе её. Хочется отметить, что в СПбФ ИИЕТ РАН всегда было много молодёжи, в отличие от Московского института, и это всегда играло положительную роль. Работать в коллективе, возглавляемом Э.И., бывает сложно, так как он чрезвычайно требователен к себе и к своим сотрудникам. Он может громко возразить, обрушиться с серьёзной критикой, но все хорошо понимают, что это не просто эмоции — это проявление гражданской позиции и стремление к достижению истины путем кропотливой и тяжёлой работы, которая присуща любому научному труду.

Московские историки биологии ценят и с огромным уважением относятся и к Эдуарду Израилевичу, и ко всем членам возглавляемого им коллектива, мы их любим и дружим уже много лет. Дорогой Эдуард Израилевич, будьте здоровы, будьте счастливы и больших Вам творческих удач! От имени всех сотрудников Центра истории социокультурных проблем науки и техники — Е.Б. Музрукова и Р.А. Фандо

Литература

Колчинский Э.И. Диалектизация биологии (дискуссии и репрессии в 20-е начале 30-х гг. XX в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 1. С. 39–64.

Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии: дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг. СПб.: Д. Буланин, 1999. 273 с.

Колчинский Э.И. В защиту дарвинизма // Научное наследие Л.Я. Бляхера и его развитие на современном этапе. К 100-летию со дня рождения. М.: ИИЕТ РАН, 2001. С. 48–66.

Колчинский Э.И. Эрнст Майр и современный эволюционный синтез. М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2006. 149 с.

Колчинский Э.И. Биология Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб.: Нестор-История, 2007. 638 с.

Колчинский Э.И. История биологии в Санкт-Петербурге: истоки, традиции и новации // Историко-биологические исследования. 2013а. Т. 5. № 3. С. 9–42.

Колчинский Э.И. Кирилл Михайлович Завадский. 1910–1977. СПб.: Нестор-История, 2013б. 320 с.

Колчинский Э.И. Так вспоминается, или еще одно лжесвидетельство // Политическая концептология. 2014. № 1. С. 250–300.

Колчинский Э.И., Орлов С.А. Философские проблемы биологии в СССР (20-е — начало 60-х гг.). Л.: Изд-во АН СССР, 1990. 96 с.

На переломе: советская биология в 20–30-х годах / Под ред. Э.И. Колчинского. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. 345 с.

Огуцов А.П. Социальная история науки: две стратегии исследования // Философия, наука, цивилизация. М.: УРСС, 1999. С. 68–69.

Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология: учебное пособие. СПб.: Алетейя, 2010. 316 с.

Репрессированная наука / Под ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. 560 с.

Репрессированная наука. Вып. 2 / Под ред. М.Г. Ярошевского. СПб.: Наука, 1994. 317 с.

Юревич А.В., Цапенко И.П. Наука в современном обществе. М.: Институт психологии РАН, 2010. 325 с.

A Variety of Intellectual Space (for Eduard Kolchinsky's Anniversary)

ELENA B. MUZRUKOVA, ROMAN A. FANDO

Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Science, Moscow, Russia;
muzrukova@mail.ru, fando@mail.ru

We would like characterize the distinguished quality of the scientific and organizing work of E.I. Kolchinsky, an outstanding historian of science. We analyze his personal and professional assets that help him to work out the solid scientific program and create informal research group of historians of biology. It is noted that due to E.I. Kolchinsky's works and his school many philosophical problems and principles of science have been resolved, and also the main stages of the development of the evolution theory in Russia and abroad have been reconstructed. E.I. Kolchinsky is also famous for having discovered the social factors, which influenced the formation of different biological disciplines.

Key words: history of science, problems of sociology of science, scientific school, psychology of creation, IHST RAS named after S.I. Vavilov.

Читайте в ближайших номерах журнала

Елена А. Волкова. Изучение растительного покрова Центральной Азии российскими учёными

Сергей В. Рожнов. К истории изучения беспозвоночных в Монголии (к 45-летию Монгольской палеонтологической экспедиции)

Татьяна Ю. Гнатюк. Орнитологические исследования Е.В. Козловой в Монголии. По страницам экспедиционных дневников

Слепкова Н.В. «Благодарить именем Академии»: Центральноазиатские коллекции Зоологического музея в хронике заседаний Физико-математического отделения ИАН (1874–1894)

Михаил Б. Конашев. Экспедиции Лаборатории генетики Академии наук СССР в Среднюю Азию и Монголию (1925–1935)

Подписной индекс журнала 57386 в каталоге НТИ («Издания органов научно-технической информации») агентства «Роспечать». Цена полугодовой подписки составляет 368 рублей. Редколлегия советует вам своевременно оформлять подписку на журнал «Историко-биологические исследования».